

альманах гендерной истории

32

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК . ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам & Ева
Адам & Ева

GENDER HISTORY REVIEW

2024

Москва

№32

ББК 63.3

A 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. – 286 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Chief Editor: Anna Seregina. Editor: Anna Stogova – № 32. Moscow: IGH RAS, 2024. – 286 p.

Альманах «Адам & Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

АННА СТОГОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

ИДА БЛУМ

(Норвегия)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

ANNA STOGOVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

IDA BLUM

(Norway)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHUT

(Moscow)

СЛУХИ И СПЛЕТНИ В СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

- СЕРЕГИНА А.Ю.** Новости, слухи и сплетни в системе коммуникаций английской дворянки: корреспонденция Бесс Хардвик 6
- СТОГОВА А.В.** «Ненасытность памяти»: новости, сплетни и беседы в мужском дневнике XVII века 54
- ВАЙНШТЕЙН О.Б.** Сплетни, патронаж и литературные игры: о репутации леди Оттолайн Моррелл 94

ПОЛИТИКА СЛУХОВ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

- МИРОЛЮБОВ И.А.** «Недостойные» жены «хороших» императоров династии Антонинов 134
- ГАБДРАФИКОВА Л.Р.** Татары-мусульмане и слухи во время Первой мировой войны: гендерные и религиозные стереотипы 160

ПУБЛИКАЦИИ

- Охотники за новостями: о генеалогии одного социокультурного типажа XVII века (ввод. статья, пер. и комм. М.С. Неклюдовой) 198

ЧИТАЯ КНИГИ

- ЕРУСАЛИМСКИЙ К.Ю.** Невесты Российской власти XV-XVIII вв.: об исследованиях Рассела Мартина 220

RUMOURS AND GOSSIP IN SOCIAL COMMUNICATIONS

- 6** **SEREGINA A.YU.** NEWS, RUMOURS AND GOSSIP IN THE COMMUNICATION NETWORK OF AN ENGLISH NOBLEWOMAN: THE CORRESPONDENCE OF BESS HARDWICK
- 54** **STOGOVA A.V.** 'THE GREEDINESS OF THE MEMORY': NEWS, GOSSIP AND CON-VERSATION IN A SEVENTEENTH-CENTURY MEN'S DIARY
- 94** **VAINSHTAIN O.B.** GOSSIPS, PATRONAGE AND LITERARY GAMES: ON REPUTATION OF LADY OTTOLINE MORRELL

POLITICS OF RUMOURS AND GENDER STEREOTYPES

- 134** **MIROLYUBOV I.A.** 'INFAMOUS' WIVES OF 'GOOD' ANTONINE EMPERORS
- 160** **GABDRAFIKOVA L.R.** MUSLIM TATARS AND RUMORS DURING WORLD WAR I: GENDER AND RELIGIOUS STEREO-TYPES

PUBLICATIONS

- 198** NEWS HUNTERS: ON THE GENEALOGY OF A SEVENTEENTH-CENTURY SOCIOCULTURAL TYPE (introduction, transl. and comm. by M.S. Neklyudova)

READING BOOKS

- 220** **ERUSALIMSKII K.YU.** THE BRIDES FOR THE RUSSIAN RULERS, 15TH TO 18TH CENTURIES: RUSSELL MARTIN'S CONTRIBUTION

А.Ю. Серегина

Институт Всеобщей истории РАН
Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ORCID ID 0000-0002-9630-5903
Scopus ID 57195425473
aseregina@mail.ru

НОВОСТИ, СЛУХИ И СПЛЕТНИ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ: КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БЕСС ХАРДВИК

Ключевые слова: Корреспонденция, новости, слухи, сплетни, патронат, коммуникации, королевский двор, Елизавета I, Бесс Хардвик, Англия раннего Нового времени.

Аннотация: Статья посвящена гендерным особенностям распространения новостей и слухов / сплетен внутри женских клиентел и систем коммуникаций. В работе проанализирован наиболее крупный и сохранный эпистолярный архив англичанки XVI в. — корреспонденция Элизабет Тэлбот (урожд. Бесс Хардвик), графини Шрусбери (1522/1527-1608). Исследования последних двух десятилетий показали, что женщины, особенно придворные дамы, активно участвовали в обмене политической информацией, однако до сих пор проводилось разделение между мужскими слухами/новостями, касавшимися политических дел и публичной репутации семьи, и женскими сплетнями, принадлежавшими миру семьи. Анализ переписки графини Шрусбери показывает, что и женщины, и мужчины активно распространяли новости/слухи, касавшиеся дел семейных и придворных, назначений на должности и других политических вопросов.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00290.

Для цитирования: Серегина А. Ю. Новости, слухи и сплетни в системе коммуникаций английской дворянки: корреспонденция Бесс Хардвик // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 6–53. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-006-053

A.Yu. Seregina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences
St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-9630-5903
Scopus ID 57195425473
aseregina@mail.ru

NEWS, RUMOURS AND GOSSIP IN THE COMMUNICATION NETWORK OF AN ENGLISH NOBLEWOMAN: THE CORRESPONDENCE OF BESS HARDWICK

Keywords: correspondence, news, rumours, gossip, patronage, communication network, royal court, Elizabeth I, Bess of Hardwick, Early Modern England.

Abstract: The article is focused on gender aspects of the circulation of news and rumours within female patronage and communication systems. The study presents an analysis of the largest and best-preserved epistolary archive of a 16th-century Englishwoman — the correspondence of Elizabeth Talbot (born Bess of Hardwick), Countess of Shrewsbury (1522/1527-1608). The studies of the last two decades have shown that women, especially court ladies, were actively involved in the exchange of political information. However, a distance has been thought to separate news/rumours exchanged by men and related to politics and family's public reputation, and women's gossip, which belonged to family matters. The analysis of letters written and received by the Countess of Shrewsbury demonstrates that both elite men and women were equally active in exchanging news/rumours on the matters of family and marriage, court affairs, officeholding, and other political topics, domestic and foreign.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No 24-18-00290.

To cite this article: Seregina, Anna. "News, rumours and gossip in the communication network of an English noblewoman: the correspondence of Bess Hardwick". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 6–53. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-006-053

Новости, слухи и сплетни существуют в пространстве социальных коммуникаций. Историкам приходится работать с их следами, поскольку в XVI столетии они прежде всего, являлись речевыми актами — их проговаривали, а впоследствии иногда фиксировали в текстах различных жанров и с разными целями. Вплоть до недавнего времени исследования, посвященные слухам и сплетням в обществах раннего Нового времени, обычно ограничивались проблемами групповых идентичностей, репутации — индивидуальной и семейной, при этом внимание привлекали слухи, ее порочившие. Соответственно, источниками для историков чаще всего становились судебные материалы — протоколы заседаний, записи свидетельских показаний и т.п.¹

Однако диапазон между новостями, слухами и сплетнями включал в себя различные типы информации и варианты ее распространения. В особенности это касается слухов: они могли быть близки к сплетням / диффамации и досужей болтовне, но далеко не всегда оказывались злонамеренными или порочащими. Часто распространение слухов представляло собой довольно безобидный обмен информацией о семейных делах, о родственниках и друзьях, таким образом, смыкаясь с новостями. Слухи в данном случае отличались от новостей степенью доверия к их источнику: распространявшие их полагали свою информацию менее надежной или хуже подтвержденной, чем та, что обозначали как «новости». Гендерные стереотипы эпохи — да и позднейших периодов — связывали распространение слухов именно с женскими коммуникациями. В своей статье я анализирую распространение слухов,

1 Применительно к Англии этот материал рассматривался в работах Дэвида Кресси, Бернарда Каппа и др.: Capp. 2003; Bolteho. 2009; Cressy. 2010; Capern. 2015.

балансирующих на грани между новостями и сплетнями. Основное внимание уделяется гендерным особенностям распространения новостей / слухов в рамках женских систем коммуникаций.

В Англии XVI столетия распространение новостей осуществлялось преимущественно посредством частной переписки². Соответственно, для изучения женских коммуникаций необходимо обратиться к частной корреспонденции. Крупнейший и наиболее сохранный архив, дошедший до нас от англичанки этого периода — это переписка Элизабет (Бесс) Тэлбот (урожд. Хардвик, 1522/1527-1608), графини Шрусбери, охватившая вторую половину XVI и первое десятилетие XVII в. Бесс возглавляла обширную и сложносоставную клиентелу, что определило ее политическое влияние, размах корреспонденции и стремление постоянно находиться в курсе происходящего. Жажда новостей была тем более важна для «новой» клиентелы: система патроната, центром которой была Бесс Хардвик, была выстроена усилиями самой графини и ее ближайших родственников, т.е., всего одним поколением.

Семья отца Бесс³ не могла похвастаться знатными предками. Хардвики происходили с юга Англии, из Сассекса, и были йоменами. В XIII в. они переехали в Дербишир, где арендовали земли у барона Сейведжа из Стейнсби (впоследствии этот манор приобретает сын Бесс). Постепенно Хардвики разбогатели и получили статус джентри. В середине XV в. Уильям Хардвик стал обладателем дворянского герба. Его праправнук Джон Хардвик (ок. 1495-1528) уже обладал достаточным весом в графстве, чтобы жениться на девушке из

2 Петтигри. 2021: 123.

3 Биографические данные приводятся по: Goldring. 2004a, Wiggins. 2014, Bryson. 2019.

известного в графстве дворянского рода Ликов (Leake) — хотя и на младшей дочери младшего сына. Лики не были особо богатыми и влиятельными, но могли похвастаться родственными связями со всеми значимыми родами Дербишира. Именно родственники со стороны матери будут играть важную роль в системе патроната, сформированной Бесс.

Джон Хардвик и Элизабет Лик стали родителями пятерых детей: сына Джеймса и четырех дочерей — Мэри, Джейн, Элизабет (Бесс) и Элис⁴. Точная дата и очередность рождения Бесс неизвестна: считается, что она появилась на свет между 1522 и 1527 гг. и была либо предпоследним, либо самым младшим ребенком. В 1528 г. Джон Хардвик скончался. Хотя он выделил всем дочерям небольшое приданое, после его смерти у вдовы осталось мало денег для содержания семьи. Для исправления положения она быстро вышла замуж за другого дербиширского джентльмена, Ральфа Лича (Leche). У Бесс появились еще три сводные сестры: Элизабет, Джейн и Маргарет⁵.

Содержать большую семью, да еще и состоящую преимущественно из девочек, было непросто. Родители прибегли к традиционному способу снизить расходы и одновременно устроить судьбу дочерей: младшим (которым причиталось наименьшее приданое) подыскивали место в свите знатных местных дворян. Такая судьба ждала и Бесс.

Точных сведений о детстве и юности Бесс известно немного. В ее семье рассказывали истории, согласно которым девочку отправили в замок Коднор, служить в свите Энн, леди Зуш (урожд. Гейнсфорд)⁶. Неясно, когда именно Бесс Хардвик

4 В замужестве: Мэри Уингфилд, Джейн Босвилл, Элис Лич.

5 В замужестве: Элизабет Уингфилд, Джейн Найвтон, Маргарет Слейтер / Харрисон.

6 Энн, леди Зуш (урожд. Гейнсфорд, ум. ок. 1548), жена сэра Джорджа Зуша, дама свиты королевы Анны Болейн и Джейн Сеймур (в 1533-1537 гг.).

попала к ней в дом. Если это произошло до 1543 г., то именно леди Зуш способствовала заключению первого брака Бесс. Роберту Барлоу (или Барли) было около 13 лет, он только что унаследовал маноры своего отца. Опекуном Роберта был Годфри Босвелл, дворянин, обрученный с Джейн Хардвик, старшей сестрой Бесс. Вероятно, именно он и устроил брак между молодыми людьми. Бесс в это время могло быть от 16 до 20 лет, но ее супруг был слишком молод, поэтому они, вероятнее всего, никогда не жили вместе. В 1544 г. Роберт Барлоу умер, оставив Бесс вдовой без средств: причитавшуюся ей долю имущества мужа она смогла получить только после долгих судебных процессов⁷.

После смерти мужа Бесс пришлось вернуться в дом патронессы, леди Зуш. Позднее (точная дата неизвестна) она, возможно, стала служить еще более высокопоставленной даме⁸: Фрэнсис (урожд. Брендон), герцогиня Саффолк suo jure, была супругой Генри Грея, маркиза Дорсета, племянницей и одной из наследниц Генриха VIII⁹. В ее доме Брейдгейт в Лестершире Бесс в 1547 г. вышла замуж во второй раз. Ее новый супруг, сэр Уильям Кэвендиш (ок.1505-1557)¹⁰, был сыном старшего клерка казначейства. Он и его старший брат Джордж в юности попали на службу к фактическому первому министру Генриха VIII кардиналу Уолси, а после его опалы в 1529 г. перешли на службу к Томасу Кромвелю. Служба у Кромвеля — оценка монастырского имущества,

7 Lovell. 2009: 19-20.

8 Lovell. 2009: 54.

9 Фрэнсис Брендон (1517-1559) — старшая дочь и наследница Чарльза Брендона, герцога Саффолка, и Марии Тюдор, младшей сестры короля Генриха VIII, супруга Генри Грея, маркиза Дорсета. В 1536 г. Генрих в своем завещании указал, что в случае смерти его сына и дочерей без наследников корона должна перейти к дочерям Марии Тюдор и их потомкам.

10 Bindoff. 1982.

подлежавшего конфискации – обогатила Кэвендиша — и познакомила его с влиятельными придворными. Кэвендиш пережил казнь своего патрона и сам занял придворный пост: в 1546-1553 г. он был казначеем королевской опочивальни.

К 1547 г. Уильям Кэвендиш успел дважды овдоветь и потерять детей: из пятерых детей, рожденных в его первом браке с Маргарет Бисток, выжили только две дочери¹¹, умерли и все трое детей от брака с Элизабет Паркер. Таким образом, уже немолодой по меркам XVI в. мужчина нуждался в наследнике, которому можно было бы передать приобретенные и пожалованные земли. Отсутствие у Бесс значительного приданого Кэвендиша не слишком беспокоило, важна была ее молодость и здоровье.

Бесс стала хозяйкой большого дома, мачехой трех девочек, а вскоре и матерью большого семейства. За 10 лет брака она родила восьмерых детей, из которых младенческий возраст благополучно пережили шестеро: три сына и три дочери¹². Придворные связи семьи Кэвендиш отразились в выборе крестных родителей: крестной матерью наследника, Генри Кэвендиша (декабрь 1550 г.) стала принцесса Елизавета, а младшего сына Чарльза (ноябрь 1553 г.) — королева Мария I¹³.

Несмотря на разницу в возрасте, супруги Кэвендиши хорошо ладили между собой. Сэр Уильям Кэвендиш продал все свое имущество на юге Англии и переехал в Дербишир, где приобрел новые поместья, в том числе Чатсворт, который сделал своей главной резиденцией. В конце 1550-х гг. он и Бесс возвели там дом в новом для Англии ренессансном стиле,

11 Кэтрин Брук, Энн Байнтон.

12 Фрэнсис (Пьерпойнт, 1548-1632), Генри (1550-1616), Уильям (1552-1626), Чарльз (1553-1617) Кэвендиши, Элизабет (Стюарт, 1555-1582), графиня Леннокс, Мэри (Тэлбот, 1556-1632), графиня Шрусбери.

13 Lovell. 2009: 70, 85.

став законодателями архитектурной моды¹⁴. Завершала строительство уже одна Бесс, после смерти мужа. Сэр Уильям оставил жене значительную часть своих владений сверх обязательной вдовьей доли. Кроме того, она распорядилась и имуществом сыновей до их совершеннолетия. Таким образом, в 1557 г. 30-ти или 35-летняя Бесс оказалась еще молодой и богатой вдовой с хорошими связями.

В январе 1559 г. Бесс вышла замуж снова. Ее избранником стал глостерширский дворянин из древнего англо-нормандского рода, сэр Уильям Сент-Ло. Сохранившиеся письма супругов свидетельствуют о том, что этот брак был заключен по любви¹⁵. Однако Уильям Сент-Ло (1518-1565) был завидным женихом по многим критериям: представитель рода, куда более знатного, нежели семья Бесс, придворный, участвовавший в военных кампаниях. С восшествием на престол Елизаветы I положение Сент-Ло упрочилось: он стал капитаном гвардейского отряда йоменов и главным дворецким, и пользовался расположением королевы. Благодаря этому и Бесс вошла в число приближенных Елизаветы: в 1559-1568 гг. она была дамой королевской опочивальни. Дамы королевы стали подругами Бесс, а самыми любимыми из них — Фрэнсис Брук (урожд. Ньютон), леди Кобэм¹⁶, и Дороти Стаффорд¹⁷.

14 French. 2019.

15 Hasler. 1981. VHL 59, 60, 61.

16 Фрэнсис Ньютон (1539-1592) принадлежала к династии тюдоровских придворных и служила Елизавете еще до ее восшествия на престол [Серегина. 2023: 235]. В 1560 г. она вышла замуж за Уильяма Брука, барона Кобэма.

17 Дороти Стаффорд (1526-1604) – старшая дочь барона Генри Стаффорда и Урсулы Пол. С 1545 г. жена сэра Уильяма Стаффорда (его первой супругой была Мэри Болейн, тетка Елизаветы I). Состояла в свите принцессы, а после коронации Елизаветы стала ее хранительницей гардероба. Одна из самых близких к королеве дам. [Серегина. 2023: 236].

Придворные связи супругов Сент-Ло способствовали заключению браков детей внутри той же социальной группы. В начале 1560-х гг. были выданы замуж падчерицы Бесс: Кэтрин Кэвендиш стала женой Томаса Брука (деверя ее подруги Фрэнсис), который уже получил небольшую придворную должность¹⁸, а Энн Кэвендиш вышла замуж за сэра Генри Бейнтонна, представителя еще одной семьи тюдоровских придворных¹⁹. Первая жена сэра Уильяма Сент-Ло Джейн принадлежала к семье Бейнтонов²⁰, так что брак падчерицы Бесс был почти наверняка устроен именно им. Однако поиском жениха для старшей дочери Фрэнсис Бесс занималась сама и выбрала наследника влиятельной дворянской семьи из Дербишира, Генри Пьерпойнта, находившегося в дальнем родстве с кланом Ликов. Бесс сама вела переписку с отцом жениха о брачном договоре и устройстве свадьбы²¹.

Но если супружеские отношения между Уильямом и Бесс Сент-Ло были явно хорошими, этого нельзя сказать об отношениях Бесс и других членов семьи мужа. Его младший брат Эдвард опасался, что Бесс сумеет родить сына, и тогда он сам перестанет быть наследником брата. В 1560 г. он попытался отравить Бесс. По крайней мере, в это верила она сама, ее муж и даже свекровь, леди Сент-Ло, о чем говорит письмо последней к Бесс. Из-за семейной ссоры сэр Уильям сделал своей наследницей жену, а не брата. Скончался он в 1565 г. после визита недовольного Эдварда Сент-Ло, что дало Бесс причину считать последнего убийцей. Эдвард Сент-Ло попытался отсудить у Бесс наследство; иск подали также и дочери ее

18 Hasler. 1981.

19 Hasler. 1981.

20 Hasler. 1981.

21 BHL 54, 55.

покойного мужа от первого брака: Маргарет Нортон и Мэри Сент-Ло (фрейлина Елизаветы I). Судебные процессы тянулись несколько лет, но в результате права Бесс на наследство третьего мужа были подтверждены, и она стала одной из самых богатых женщин Англии²².

У богатой вдовы немедленно появились поклонники. Для 40- или 45-летней Бесс речь шла о стратегическом альянсе, который мог бы укрепить позиции ее семьи и обеспечить многочисленных детей. Соответственно, и выбрала она самого знатного и влиятельного. Джордж Тэлбот, граф Шрусбери (1522/28-1590) был знатнейшим дворянином Англии, графом-маршалом, в молодости неоднократно воевал на шотландской границе, был королевским советником и придворным, а также лордом-лейтенантом родного для Бесс Дербишира²³. Брак с ним поднимал Бесс с нижних ступеней местной дворянской иерархии, которую занимала семья Хардвик, на самую верхнюю.

Граф Шрусбери овдовел в начале 1567 г. и тут же принялся ухаживать за леди Сент-Ло. Возраст невесты его не беспокоил: рождения наследников он не ждал, у него было семеро детей от первого брака. Его интересовало имущество Бесс, а также ее статус придворной дамы королевы. Саму же Бесс беспокоило положение ее детей. По условиям брачного договора с графом Шрусбери, в брак вступали не только она, но и ее дети: старший сын Генри женился на младшей дочери графа, Грейс Тэлбот, а второй сын графа, Гилберт Тэлбот — на младшей дочери Бэсс, Мэри Кэвендиш. В 1567 г. состоялась тройная свадьба Бесс, графа Шрусбери, и их детей. На тот момент старший сын и наследник графа Фрэнсис Тэлбот был

22 Lovell. 2009: 188-189.

23 Goldring. 2004b.

уже женат на девушке своего ранга (Энн Герберт, дочери графа Пемброка), однако он скончался бездетным в 1582 г., и именно Гилберт Тэлбот и его жена — дочь Бесс — унаследовали титул и родовое имущество Шрусбери.

Первые годы брака Бесс и Джорджа Тэлбота были вполне счастливыми. Судя по письмам, оба супруга испытывали привязанность и доверие друг к другу²⁴, а их совместное имущество и титулы делало их одними из самых влиятельных людей в королевстве. Благосклонность королевы к чете Шрусбери — но, возможно, и желание сократить их ресурсы — вылилось в самое почетное и самое опасное назначение царствования: граф Шрусбери был назначен «хранителем», т.е., почетным тюремщиком Марии Стюарт, которая в 1568 г. бежала в Англию. В 1569-1585 гг. граф оказывал шотландской королеве (и потенциальной претендентке на английский престол) вынужденное гостеприимство.

Поначалу отношения Бесс и Марии Стюарт были вполне дружескими. Дамы вместе вышивали (плоды их трудов сохранились и представляют собой образцы сложной политической эмблематики)²⁵, внучка Бесс Элизабет Пьерпойнт стала фрейлиной свиты Марии Стюарт, и шотландская королева очень привязалась к ней²⁶. Кроме того, в 1575 г., с вероятного согласия Марии, и при активном участии Бесс ее дочь и тезка Элизабет Кэвендиш вышла замуж за Чарльза Стюарта — сына Мэтью Стюарта, графа Леннокса и регента Шотландии, и Маргарет Дуглас, племянницы Генриха VIII²⁷. Чарльз Стюарт приходился младшим братом отцу Якова VI Шотландского Генри

24 BHL 64, 184 и др.

25 Frye. 2011.

26 Lovell. 2009: 231.

27 Lovell. 2009: 242-244, Weir. 2015: 266-267.

Дарнли, по отцу имел права на шотландский престол, а по матери, рожденной в Англии — и на английский. Сын Чарльза Стюарта и Элизабет Кэвендиш имел бы права на обе короны, и преимущество перед другими претендентами (происхождение от старшей линии Тюдоров)²⁸. Таким образом, в середине 1570-х гг. Бесс продемонстрировала, что ее амбиции не ограничивались графским титулом: она нацелилась на престол для своего внука.

Елизавета разгневалась, узнав о тайном браке, и отправила леди Леннокс в Тауэр. К Бесс, однако, она вновь проявила снисходительность и простила ее, предпочтя поверить нехитрому оправданию: мол, молодые люди сами влюбились и поженились, без ведома старших²⁹. Однако в 1575 г. появилась на свет девочка, которую назвали Арабеллой. Родить сына юная чета не успела: в 1576 г. Чарльз Стюарт умер от туберкулеза. В 1582 г. скончалась и дочь Бесс. Графиня Шрусбери воспитывала теперь свою внучку Арабеллу: как ее единственная родственница, но, по сути, и как тюремщица, которая гарантировала Елизавете, что потенциальная претендентка на престол не окажется в распоряжении врагов английской королевы³⁰.

К началу 1580-х гг., однако, испортились отношения между Бесс и ее мужем, причем Мария Стюарт искусно разжигала супружеские конфликты. Бесс ревновала графа и впоследствии обвиняла шотландскую королеву в соблазнении Шрусбери³¹. Граф, со своей стороны, устал терпеть сварливость жены и ее нежелание расстаться с деньгами, когда он

28 Серегина. 2013: 68.

29 Lovell. 2009: 245.

30 Gristwood. 2003: 50, 59.

31 Lovell. 2009: 287-288.

сам нес большие расходы на содержание двора Марии Стюарт (а компенсация от Елизаветы была недостаточной и часто запаздывала). В итоге в 1583 г. супруги разъехались. Елизавета I пыталась их примирить, но ее усилия ни к чему не привели. Бесс и ее муж проживали отдельно, причем жене пришлось в судебном порядке добиваться от мужа выплаты полагавшегося ей содержания.

Ссора супругов коснулась всех членов семьи Бесс. Даже ее сыновья разделились: старший, Генри, встал на сторону своего тестя (и отчима), младшие — на сторону Бесс, в том числе и потому, что граф отказался от своего обещания не претендовать на имущество жены, предназначавшееся для ее младших сыновей³². Гилберт Тэлбот вместе с женой оказались посредниками между графом Шрусбери и его женой. В 1590 г. граф Шрусбери скончался, а между Бесс и его наследником Гилбертом тут же началась тяжба за ее вдовью долю, растянувшаяся на несколько лет и испортившая ее отношения с зятем.

Другой причиной семейного раздора стали династические амбиции клана. Имея в своем распоряжении «собственную» наследницу престола, Арабеллу Стюарт, Бесс и ее дети строили планы по возведению ее на престол. Но если Бесс предпочла бы заручиться согласием лордов Тайного Совета, то ее дети (включая Мэри Тэлбот, графиню Шрусбери, и Генри Кэвендиша) готовы были действовать на свой страх и риск. В

32 Другой причиной была финансовая зависимость младших сыновей, Уильяма и Чарльза Кэвендишей от матери. Старший брат Генри по наступлении совершеннолетия получил наследство отца, родовые земли Кэвендишей. Младшие сыновья получили не менее значительные владения, однако гораздо позже. В начале 1580-х гг. Бесс приобрела для сыновей земли, причем большая часть приобретений досталась Уильяму. Чарльзу мать подыскала в жены двух богатых наследниц: сначала Маргарет Китсон, а затем, когда та умерла родами, Кэтрин Огл. Уильям Кэвендиш получил в наследство от матери все ее имущество, но лишь в 1608 г. остальных детей мать лишила наследства. Lovell. 2009: 367-368.

начале 1603 г., когда Елизавете оставалось жить меньше месяца, Арабелла попыталась бежать из дома бабушки, чтобы вступить в брак с Эдвардом Сеймуром (внуком графа Хартфорда и Кэтрин Грей), еще одним претендентом на престол. Побег не удался, и Бесс пришлось долго оправдываться и уверять королевских советников в своей непричастности. Результатом оказалась лишь затяжная ссора с внучкой, и полный разрыв с сыном — Бесс даже вычеркнула Генри Кэвендиша из своего завещания³³.

В начале царствования Якова I Бесс уже практически не появлялась в Лондоне, занимаясь делами поместий и доводя до завершения свои строительные проекты в Хардвик-холле (выкупленном ею родовом гнезде) и Чатсуорте. Однако ее контакты со двором не прервались, теперь уже благодаря усилиям детей и внуков, многие из которых (включая Арабеллу — кузину нового короля) стали придворными Якова I и Анны Датской. Все внуки Бесс стали титулованными дворянами, а их потомки принадлежали к политической элите стюартовской Англии.

Письма Бесс Хардвик представляют собой один из наиболее важных и, редчайший случай, относительно хорошо сохранных эпистолярных комплексов, принадлежавших англичанке раннего Нового времени. Переписка других дам круга Бесс сохранилась фрагментарно, тогда как письма, написанные или полученные Бесс, включают десятки адресатов. Ее переписка позволяет реконструировать обширную систему коммуникаций английской аристократки и увидеть, как работала система патроната, в которую она была вовлечена. Именно поэтому переписка Бесс Хардвик давно привлекала внимание исследователей, а в последнее десятилетие их

33 Lovell. 2009: 462-463.

работу существенно облегчило появление электронной публикации всех известных на данный момент писем, написанных или полученных графиней Шрусбери. Поиском и оцифровкой писем Бесс занималась исследовательская группа ученых из университета Глазго, которую возглавила Элисон Уиггинс. Результаты их труда обнародованы в виде электронной публикации,³⁴ в которой насчитывается 242 письма (234 — в первоначальной публикации 2013 г., к которой в 2014 г. было добавлено еще 8) из 19 архивных коллекций Великобритании и США. Бумаги семьи Тэлботов (родственников 4-го мужа Бесс, графа Шрусбери), ранее хранившиеся в замке Шеффилд, сейчас находятся в библиотеке Ламбетского дворца и в архиве коллегии герольдов в Лондоне, а бумаги самой Бесс и ее детей от 2-го брака (семьи Кэвендиш) — в Фолджеровской Шекспировской библиотеке (Вашингтон). Письма, написанные самой Бесс, рассеяны по множеству других архивов. Ее послания, адресованные королеве и ее ближайшим советникам — Уильяму Сесилу, Фрэнсису Уолсингэму и графу Лестеру — хранятся в Национальном архиве (Кью, Ричмонд), Британской библиотеке и архиве Сесилов в Хэтфилд-хаусе, а письма, направленные друзьям — в коллекциях писем других дворянских семей (например, Ховардов, Пэджетов, Мэннерсов и др.)³⁵. Опубликованные письма представлены в виде транскрипций. Кроме того, 185 писем (из публичных библиотек и архивов, разрешающих цифровое воспроизведение своих материалов) оцифрованы и также доступны для просмотра.

34 Bess of Hardwick's Letters: The Complete Correspondence, c.1550-1608 (2013-2014). **BHL**.

35 Belvoir Castle, Chatsworth House, Longleat House, Arundel Castle, Keele University Library, University of Nottingham Library, Cambridge University Library, Pepys Library, Magdalene College, University of Cambridge, Parker Library, Corpus Christi College, University of Cambridge, Sheffield Archives, National Library of Scotland, Edinburgh, Huntington Library (San Marino, California).

Издание комплекса писем Бесс Хардвик вызвало к жизни публикации, посвященные ей и ее кругу. Графиня Шрусбери и ранее становилась объектом изучения и героиней посвященных ей отдельных биографических исследований³⁶, теперь разным аспектам жизни клана Кэвендиш-Тэлбот посвящают конференции и коллективные монографии³⁷.

Письмам графини также было уделено внимание: Джеймс Дейбелл изучал особенности женской эпистолярной культуры на примере ее корреспонденции³⁸, а также сделал первый очерк выстроенной Бесс системы обмена политическими новостями³⁹. Тем не менее, в его работах воспроизводится стереотип о публичных новостях как домене мужчин и семейных / персонализированных сообщениях как особенностях женской коммуникации, с тем различием, что он применяется к корреспондентам Бесс, женщинам и мужчинам⁴⁰. Этот вывод представляется спорным, а особенности распространения информации мужчинами и женщинами будут подробнее рассмотрены далее.

В сохранившейся корреспонденции Бесс есть лакуны, что очевидно из сопоставления списка писем с упомянутыми в ее счетах выплатами за доставку писем. Так, до нас не дошли (или не были обнаружены) письма графини Уорик (1591, 1592 гг.), графини Саутхэмптон, леди Шеффилд и леди Бэкон (все — 1592 г.)⁴¹.

Однако и известные письма — имена адресатов, а также те, что упомянуты в самих посланиях, дают хорошее

36 Rawson. 1910, Lovell. 2009.

37 Wiggins. 2017, Hopkins. 2019.

38 Daybell. 2004.

39 Daybell. 2011.

40 Daybell. 2006: 42, 44.

41 Wiggins. 2013.

представление о клиентеле графини Шрусбери и системе патроната, частью которой она была. Эта система охватывала многочисленных родственников Бесс и ее мужей, ее друзей — парламентариев и придворных, дворян и слуг ее свиты, арендаторов, юристов, деловых посредников, наставников детей, поставщиков и др. Переписка отражает связывавшие их сложные отношения.

Значительная часть переписки Бесс (30% писем) может быть отнесена к деловой корреспонденции. Эта широкая категория включает в себя множество аспектов деятельности Бесс. В письмах идет речь о купле-продаже и наследовании земельных владений, о судебных тяжбах в судах различных инстанций — от выездных сессий королевских судов до парламентских заседаний. Кроме того, в письмах многократно появляются распоряжения о взыскании долгов и их выплате, а также об уплате за приобретенные или доставленные товары, о сборе арендной платы и других аспектах управления поместьями, а также и о строительстве дворцов в поместьях Бесс — поиске и найме мастеров, закупке стройматериалов и их доставке.

Более обширная часть (66%) ожидаемо посвящена семейным делам — рождениям, бракам и крестинам, семейным визитам, болезням, ссорам и примирениям родственников и т.п. Поскольку семейные дела неразрывно связаны с делами наследственными и с распоряжением семейным имуществом, обе эти категории писем в значительной доле совпадают. Все вместе они демонстрируют функционирование системы патроната.

Принято считать, что «мужской» патронат ориентирован вертикально — от слуг к сеньору, придворным и монарху — и нацелен, прежде всего, на публичные должности, тогда как «женский» тип покровительства горизонтален, поддерживает связи внутри сообщества и образует новые — семейные

и дружеские альянсы. Внутри клана оба типа патроната дополняют друг друга⁴².

В какой степени эти выводы применимы к клиентеле Кэвендишей-Тэлботов, в центре которой находилась Бесс? Внимательное прочтение ее корреспонденции заставляет их уточнить. В деятельности графини Шрусбери отчетливо проявляются оба типа покровительства. Она, безусловно, тратила много сил на поддержание контактов внутри клиентелы, и прежде всего — с родственниками и друзьями. При этом родственники для Бесс — это ее собственные родственники по женской линии — тетка, сестры, племянники и племянницы, и, со временем — ее взрослые дети. Именно они составляют ядро ее собственной клиентелы⁴³. К ним присоединяются родственники, приобретенные благодаря бракам самой Бесс, а также и брачным союзам ее детей, устройству которых она ожидаемо уделяла немало внимания. Наиболее значимыми оказываются Кэвендиши — родственники второго мужа, и Тэлботы — члены семьи графа Шрусбери. Однако последние — муж Бесс Джордж Тэлбот, его сын (и зять нашей героини) Гилберт Тэлбот — сами возглавляли собственные клиентелы, а по статусу были выше самой Бесс и ее родственников, за единственным исключением. Арабелла Стюарт, внучка Бесс, по линии отца приходилась родственницей Якова VI и Елизаветы I, т.е., была дамой королевской крови. По рангу она превосходила Тэлботов, но не располагала собственной клиентелой, а включалась в систему патроната графини Шрусбери. Таким образом, система патроната оказывалась полицентричной и иерархичной даже применительно к членам семьи.

42 Cogan. 2021: 26-27.

43 Состав клиентелы Бесс анализируется по: BHL.

Важной составляющей коммуникативной системы Бесс были ее контакты с друзьями-придворными и самой королевой. Дружба придворных дам, знакомство с королевскими советниками и благосклонность Елизаветы I — все это Бесс обрела в первой половине 1560-х гг., когда служила при дворе королевы в ранге дамы ее опочивальни. Именно в это время Бесс сблизилась с Фрэнсис Брук, баронессой Кобэм. Их дружеские отношения продолжались на протяжении всей жизни дам, о чем свидетельствует их переписка⁴⁴. Дочь Фрэнсис Брук Элизабет впоследствии стала женой сэра Роберта Сесила, влиятельного советника и государственного секретаря⁴⁵. Так благодаря дружбе Бесс обрела покровительство семьи Сесилов. Другой придворной подругой Бесс стала Дороти Стаффорд, дама опочивальни и одна из самых близких Елизавете людей.

Родственные и дружеские связи отчасти перекрываются в придворных контактах Бесс: своей должностью она была обязана 3-му мужу, а с конца 1560-х и до 1603 г. одним из основных ее придворных корреспондентов была сводная сестра Элизабет (урожд. Лик) Уингфилд, еще одна дама королевской опочивальни, наставница королевских фрейлин и жена придворного Энтони Уингфилда⁴⁶. Она провела при дворе всю жизнь и оставалась посредницей сестры в ее общении с другими придворными и королевой Елизаветой.

Жена, а затем вдова сэра Уильяма Сент-Ло вполне могла занимать придворную должность, однако жены графов и маркизов считались слишком знатными и бывали при дворе лишь эпизодически. Поэтому став женой графа Шрусбери,

44 BHL 15, 91.

45 Loades. 2007: 216.

46 Merton. 1992: 269.

Бесс покинула Лондон и почти не появлялась при дворе, а все ее контакты с придворными и самой королевой поддерживались при помощи визитов и писем. Тем важнее для Бесс оказывались ее подруги-придворные.

Овдовев в 4-й и последний раз, Бесс отправилась в Лондон по делам наследства. Прибыв в резиденцию Тэлботов в Челси (тогда — пригород Лондона) в конце ноября 1591 г. в сопровождении свиты из 40 человек, она осталась в столице на полгода и за это время дважды побывала при дворе в Гринвиче с продолжительными визитами: со 2 по 21 мая и с 11 июня по 19 июля 1592 г. (три и пять недель соответственно). Каждый раз графиня направлялась в Гринвич из Челси по реке, и ее путешествие обставлялось как торжественная процессия барж. Прибыв в Гринвич, она снимала там дом для свиты, поскольку разместить ее в королевском дворце не было возможности. Визиты к королеве наглядно демонстрировали всем — включая зятя, Гилберта Тэлбота, нового графа Шрусбери⁴⁷, с которым у графини была тяжба, и другим влиятельным родственникам — что Бесс не утратила благосклонности королевы, и с ней по-прежнему необходимо считаться. 31 июля 1592 г. графиня отправилась обратно в Дербишир и больше в столицу не возвращалась⁴⁸. Все ее дальнейшие контакты с королевским двором поддерживались через посредников — подруг и сводную сестру (Элизабет Уингфилд), а в 1603-1608 гг. — через детей и внуков.

Однако значительная часть коммуникаций Бесс была направлена не только на поддержание связей внутри клиентелы и установление новых контактов, но вовне, в публичное пространство судебных заседаний, парламента и

47 Hicks. 2004.

48 Brodhurst. 1908: 245-251.

королевского совета. Она регулярно обращалась по своим делам к ближайшим королевским советникам — Уильяму Сесилу⁴⁹ и графу Лестеру⁵⁰, а также государственным секретарям — Фрэнсису Уолсингэму⁵¹ и Роберту Сесилу⁵², судебным чиновникам и др.

Часть ее переписки касается назначений на должности. Чаще всего просьбы о покровительстве касаются мест в свите самой Бесс, или других. Родственник 2-го мужа графини, Ричард Кэвендиш, обращался к ней с просьбой взять к себе на службу племянницу⁵³. Дочь самого Кэвендиша Маргарет в 1589-1591 гг. была фрейлиной королевы⁵⁴. Таким образом, очевидно, что свита графини Шрусбери пользовалась престижем, если ее для своих девушек выбирали семьи с придворными связями.

Просителями могли оказаться не только дворяне более низкого статуса. Так, граф Ратленд — брат первой жены графа Шрусбери — просил Бесс за некую миссис Хиггинс, даму свиты его покойной сестры, настаивая на том, что должность была дарована той пожизненно, и что Бесс поэтому должна выполнить семейные обязательства Тэлботов и оставить за женщиной место в своем доме⁵⁵. Позднее (в 1591 г.) граф Эссекс пытался пристроить в свиту Бесс своего человека:

Мадам, податель сего Кристофер Хэннем долгое время был в моей свите, а теперь желает поступить к Вам на службу. О том, что Ваше Сиятельство собирается взять человека на должность дворянина-

49 **VHL** 121, 156, 189 и др.

50 **VHL** 107, 110, 197.

51 **VHL** 143, 146, 153, 234 и др.

52 **VHL** 132, 139 и др.

53 **VHL** 12.

54 **Серегина**. 2023: 232.

55 **VHL** 56.

распорядителя, я узнал от доброго друга, сэра Джона Уингфилда, который выбрал Хэннэма для служения Вам и спросил моего на то согласия. Я же не только не против, но по многим причинам одобряю это решение. Во-первых, ради самого Хэннэма, который попадет в дом столь благородной дамы, во-вторых, ради самого себя, ибо мне служит человек, достойный того, чтобы Вы его предпочли. Надеюсь, что когда он зарекомендует себя на службе Вам, то заслужит мою похвалу и Ваше доброе мнение о себе. Суждения графини Кент и сэра Джона Уингфилда⁵⁶, которые сочли его подходящим для службы Вам, может оказаться довольно, но я подумал — недостаточно просто отпустить его без рекомендательных писем, которые, хотелось бы думать, создадут у Вас доброе мнение о нем, а благодаря мне его услуги могут показаться Вашему Сиятельству более желанными⁵⁷.

Ответное письмо Бесс не сохранилось, но, судя по отсутствию упоминаний об Ханнэме в счетах графини, заступничество Эссекса оказалось недостаточным.

Не стоит, впрочем, считать, что покровительство графини Шрусбери распространялось лишь на ее собственную свиту. К ней обращались с просьбами и в случаях, когда речь шла о публичных должностях. Например, сэр Джон Тинн, друг ее второго мужа, в 1567 г. просил Бесс о посредничестве: ему нужна была протекция графа Шрусбери при назначении на должность. В сохранившемся ответном письме графиня Шрусбери сообщила о своей неудаче:

56 Сьюзен, урожд. Берти, в первом браке Грей, графиня Кент (1554 — после 1611) и ее второй муж, сэр Джон Уингфилд (ум. 1596), племянника Бесс Хардвик.

57 BHL 24: “first for his owne sake that he shall be placed with so honorable a Ladie, then for my selfe yat it is my happe to have a man worthie to be preferred to your Ladyship And I hope, when yow have made prooffe of his service, he will deserve my commendacion, and your Ladyship's good lyking. The iudgment of my Lady of Kent, and Sir Ihon Wingfield who have thought him meete for your service might well suffice for his credite; yet I thought it not enoughe to give him leave, vnlesse I added therto these lettres in his commendacion: which I do wishe may so farre stand him in steed, as that for my sake his service may be somewhat the more acceptable vnto your Ladyship.”

Я постаралась подвигнуть милорда исполнить Ваше желание, но не преуспела. Он сказал, что отдаст эти должности своим людям и т.п., потому что это выгоднее ему, но это не произойдет быстро. Тем временем я не премину сделать все, что в моих силах для исполнения Вашего желания⁵⁸.

Сама Бесс в мае 1568 г. обратилась к архиепископу Кентерберийскому Мэтью Паркеру с просьбой поставить на один из йоркширских приходов, патронами которого были Тэлботы, ее выдвиженца, Мартина Нельсона⁵⁹. А в 1576 г. графиня писала королевскому фавориту графу Лестеру с просьбой представить королеве «мастера Джулио», а также снабдить ее сына Генри Кэвендиша, отправлявшегося воевать в Нидерланды, рекомендательным письмом к Вильгельму Оранскому⁶⁰.

Кроме того, Бесс была бабушкой возможной наследницы престола — Арабеллы Стюарт, которая жила в ее доме, не считая коротких периодов пребывания при дворе Елизаветы, а это обстоятельство превращало дела семейные в политические. Бесс пристально следила за событиями в Шотландии и пыталась убедить королевских советников потребовать от Якова VI отдать Арабелле отцовское графство Леннокс⁶¹. О

58 **BHL 114:** “I haue earnestly moved my Lord to graunte your sute which I can not obtayne, he saith he will place his owne men in that & suche like, for his better seruice, but that will not be done in haste: and in the meane tyme I will not fayle to do for you what I can for the furtheringe of your desyre therin”. Покровительство графа Шрусбери могло понадобиться Тинну в 1560х гг., потому что его собственные отношения с графом Пемброком – самым влиятельным аристократом родного для Тинна графства Уилтшир, сильно испортились [**Hasler**. 1981]. Граф Пемброк был в родстве со Шрусбери, и Тинн мог искать у последнего защиты.

59 Его имя не значится в базе данных англиканского клира (Clergy of the Church of England Database, <https://theclergydatabase.org.uk/>), так что, скорее всего, просьба Бесс не была удовлетворена.

60 **BHL 110.**

61 **BHL 197.** После смерти Чарльза Стюарта титул графа Леннокса вернулся к королю Якову VI. В 1578 г. он даровал его представителю младшей ветви семьи Стюартов из Дарнли – Роберту Стюарту из Дарнли, епископу

перспективах внучки унаследовать корону в своих письмах бабушка мудро умалчивала, но это не означало отсутствия подобных амбиций.

Таким образом, участие Бесс, графини Шрусбери в коммуникациях в рамках своей системы патроната было глубоко политизированным. В ее случае — вероятно, и во многих других, границы между «мужским» политическим и «женским» семейным типами покровительства стираются. И конечно, при такой сильной вовлеченности в политические дела обмен новостями, слухами и сплетнями оказывался жизненно важным.

Примерно треть писем (31,5%), полученных Бесс, когда она находилась вне Лондона, и составленных в столице или в одной из ближних королевских резиденций, упоминает или пересказывает политические новости, слухи, или сплетни. Но прежде, чем обращаться к ним, необходимо проанализировать терминологию. В письмах постоянно используются слова «новости», news и «известия», reports. Со слухами дело обстоит сложнее. Лишь однажды (в письме Роберта Сесила к графине от января 1603)⁶² встретились понятия «слух», rumor и «досужие разговоры», idle talk. Обычно для маркирования слуха употребляли слово brute, происходившее из нормандского диалекта (brut), аналог французского bruit. Этим словом обычно обозначалась неподтвержденная информация. Англо-

Кейтнесскому. В 1580 г. Стюарт вернул королю титулы графа Леннокса и лорда Дарнли в обмен на титул графа Марча. Тогда же Яков VI пожаловал титул графа Леннокса своему кузену Эме Стюарту, сеньору д'Обиньи. Бесс Хардвик пыталась побудить министров Елизаветы потребовать от короля передачи внучке Арабелле Стюарт отцовского графского титула. В конце 1580-х гг. Яков VI обсуждал с английским дипломатом Томасом Фаулером возможность урегулировать конфликт путем заключения брака между наследником Эме Людовиком Стюартом и Арабеллой, но из этого ничего не вышло. [Gristwood. 2003: 109]

62 BHL 136.

нормандский язык был языком права в елизаветинской Англии. Им обычно владели мужчины, соответственно, и в письмах к Бесс его употребляют в большинстве случаев мужчины. Но порой оно появляется и в письмах женщин-аристократок, хорошо знакомых с лексикой юридических документов. Например, младшая дочь Бесс Мэри Тэлбот в собственноручной приписке к письму мужа от 1589 г. сообщала: «Здесь ходит слух, не знаю, насколько достоверный, что посланником-резидентом королевы в Шотландии будет Фаулер⁶³»⁶⁴.

В большинстве случаев употребляются формулы «говорят» — *it is sayed*, или «я слышал/а, что...», *I heard/heare*, «я слышала, что говорят...», *I heare say*, причем эти вводные фразы относятся и к тому, что мы бы назвали новостями, и к неподтвержденным слухам, и к сплетням. Все эти категории сообщений не маркируются и могут быть различены лишь при помощи контекста.

Каковы типы распространяемых новостей / слухов? В работах о слухах и сплетнях принято противопоставлять женщин с их заботой о частной, личной репутации внутри семьи и мужчин, стремившихся поддержать свою и семейную репутацию в публичном поле⁶⁵. Гендерная особенность сплетен связана с этим пониманием репутации. Сходным образом, и интерес к новостям разделяется по гендерному признаку: мужчин интересовали новости политики, внутренней и внешней, а женщин — семейные дела⁶⁶. Но в какой степени такое

63 Томас Фаулер (ум.1590), дипломат, клиент графини Леннокс, а после ее смерти в 1578 г. служил графу Лестеру. В 1589 г. уехал в Шотландию.

64 **BHL 88**: “here is a brut but I know not of what credet that foler shall be the Queen’s leger imbasitor in Scotland”.

65 **Botelho**. 2009: 8.

66 **Atherton**. 1999: 42.

разделение проявляется в корреспонденции аристократки — женщины, имевшей большое политическое влияние?

В обращенных к Бесс письмах много семейных новостей, чаще всего в них просто информируют о случившемся, т.е. эти сообщения представляют собой новости / слухи. Такие письма невозможно поделить согласно признанной границе между женским / частным и мужским / публичным. Во-первых, мужчины наряду с женщинами распространяют «семейные» слухи. Так, Джон Лентон сообщал Бесс в августе 1571 г., что ее планам женить родственника на Энн Пьерпойнт⁶⁷ не суждено сбыться:

Я слышал, что Энн Пьерпойнт влюблена в некоего Тейвла <...> если это правда, тогда Ваши надежды насчет мастера Чаворта ни к чему не приведут⁶⁸.

Женщины же беспокоятся о репутации семьи. Так, в письме от 13 июня 1560 леди Сент-Ло писала своей невестке Бесс, жене ее старшего сына Уильяма о слухах, которые ходят относительно ссоры между Уильямом Сент-Ло и его младшим братом Эдвардом. Причина ссоры была очень серьезной: Уильям обвинил брата в попытке отравить его и Бесс. Судя по письму, мать была на стороне старшего сына и невестки. Ради защиты семейной репутации дамы Сент-Ло стремились сохранить детали этой истории в тайне. Однако разрыв между братьями привлек внимание, и начались разговоры. Именно об этом и предупреждает леди Сент-Ло невестку: ей задают вопросы, и об отравлении уже пошли слухи:

67 Младшая сестра Генри Пьерпойнта — мужа Фрэнсис Кэвендиш, старшей дочери Бесс.

68 **BHL 43:** “I heare say yat Anne pierrepoint ys in love with on Teyvle <...>. yf it be this, then your hope of master Chaworth yat wayse ys dawnted”.

<...> Многие меня спрашивали, что произошло между моим сыном Сент-Ло и его братом Эдвардом. Я отвечала, что уверена: мой сын Сент-Ло не мог невзлюбить его без важной причины. Многие говорили мне, что слышали от других: Эдвард собирался отравить своего брата и вас, а я им говорила, что знаю — это не так. Здесь об этом много говорят <...>⁶⁹.

Здесь частное дело влияет на репутацию семьи, и дамы стараются ограничить распространение слухов в публичном пространстве.

Но не только дам занимали распространявшиеся слухи о делах семейных. В длинном письме от 19 сентября 1583 г., написанном в разгар конфликта между Бесс и ее последним мужем, графом Шрусбери, когда супруги не разговаривали, а вся коммуникация шла через Гилберта Тэлбота — пасынка и зятя Бесс, Гилберт подробно пересказывал свой разговор с отцом. В конце письма он рассказывает:

<...> Затем он сообщил мне, что когда Льюис [слуга семьи] был в Ньюарке, Эркуль Фолджамб сказал ему, что слышал: Его Сиятельство [граф Шрусбери] приказал мне отослать жену [Мэри Тэлбот, дочь Бесс]. Он [граф] позвал Льюиса, и тот подтвердил это, поэтому милорд приказал мне призвать Фолджамба к ответу и заставить его признаться, кто автор слуха <...>⁷⁰.

Таким образом, мужчины уже другими средствами оберегают репутацию семьи, хотя вроде бы речь идет о частном конфликте, который выплескивается в публичную сферу. Использование термина «вызов», challenge здесь может указывать на готовность Тэлботов предъявить судебный иск, обвиняя Фолджемба в клевете, ведь восстановление чести через

69 BHL 58: "I here of dyueres & I haue ben exed wat the maters ys be twexte my son sayntloo & hys brother edward I haue made anser I was suer my sone Sayntloo wolde not mysse leke with hym with owte a gret caues/ & many hath sayde to me thay here say Edward scholde go abowte to powson hys brether & yow & I haue tolde them I know hyt not so here hys a gret talke of hyt".

70 BHL 86.

дуэль в данном случае было невозможно из-за разницы в статусе сторон: сын графа не мог вступить в поединок с простым дворянином.

В другом письме, от Генри Кэвендиша матери (от 6 ноября 1585 г.)⁷¹ автор гневно обличает неназванных клеветников, которые распространили о нем ложную информацию — что он играет в кости. Он называет слова своих друзей «фантазиями», обвиняет в том, что они «изощрались в остроумии» за его счет из зависти, и требует, чтобы им впредь не оказывали доверия. Но речь не шла о том, что Генри приобрел репутацию игрока в обществе, а только о том, что об этом написали его матери, а та его отчитала в письме, т.е., о внутрисемейном конфликте. Таким образом, в письмах довольно трудно провести грань между частным и публичным.

Еще сложнее интерпретировать в этом отношении сообщения о придворной жизни, точнее, о жизни членов семьи при дворе. С одной стороны, это семейные новости, но с другой — информация или слухи, которые нужно было распространять или опровергать, и в любом случае учитывать.

Так, истории о благосклонности королевы к любому члену семьи – в особенности, о визитах или дарах, с радостью принятых ею, не просто так сообщали домой: эти новости свидетельствовали о близости к королеве, принадлежности к избранному кругу, а значит, о высоком статусе семьи, и их следовало пересказывать дальше.

В своем письме от 4 сентября 1560 г. сэр Уильям Сент-Ло рассказывал жене о том, как преподнес в дар королеве коня: «<...> вчера сама королева во время поездки верхом пожелала получить моего коня, которого я ей и отдал, получив за это

71 BHL 10.

много добрых слов <...>⁷². Невестка графини Шрусбери, Энн Тэлбот (урожд. Герберт)⁷³, описывала в 1575 г., как Елизавета оказала честь ее падчерице Кэтрин Герберт (урожд. Тэлбот), графине Пемброк, нанеся ей визит, когда та болела:

Ее Величество побывала у нее дважды, оба раза очень поздно, и в последний раз, когда Ее Величество уезжала, было уже 10 часов вечера, или позже, поднялся сильный туман, и несколько сопровождавших ее барж и лодок потерялись и пришвартовались не в том месте, но, слава Богу, Ее Величество вернулась домой не испугавшись и не простудившись⁷⁴.

Десятилетия спустя сын Бесс Чарльз Кэвендиш подробно опишет прием, оказанный в 1587 г. племяннице Арабелле королевой и ее лордом-казначеем Уильямом Сесилом, лордом Берли.

Миледи Арабелла побывала при дворе. Ее Величество дважды говорила с ней, недолго <...>. Она обедала в присутствии королевы, и милорд казначей пригласил ее на ужин. Там, поскольку я был приглашен и сидел напротив него, он спросил меня, приехал ли я с племянницей, или нет. Я сказал, что приехал с ней. Тогда он заговорил открыто и, обратив свою речь к сэру Уолтеру Рэли, восхваляя ее, так как она знает французский и итальянский, играет на музыкальных инструментах, танцует, прекрасно рисует и пишет <...>. За ужином он много говорил о ней, а также и о Молл, Бесс и Джордже⁷⁵, а затем днем при всем дворе в приемной палате. Потом он спрашивал, когда [Арабелла] снова приедет ко двору⁷⁶.

72 **BHL** 59: “<...> the qvene yesterdaye her owne seyloff rydeng apon the waye craved my horse, vnto home I gave hym resevyng openlye for the same manye goodlye words <...>”.

73 Энн Герберт (1550-1592), дочь Уильяма Герберта, графа Пемброка, с 1563 г. жена лорда Фрэнсиса Тэлбота, старшего сына графа Шрусбери.

74 **BHL** 92: “the Quynes Majesty hath ben here wyth her tywss, very latt both tymes, and last tyme, yt was x of the cloke at nyght or ever her Majesty whent hense, being so great a myste, as ther were dyueres of the barges and Boottes that wayted of her loste ther wayes, and landed In wronge plases, but thanks be to godher Majesty came well home wythout colde or feare <...>”.

75 Мэри, Элизабет и Джордж — внуки Бесс, дети Гилберта и Мэри Тэлботов.

76 **BHL** 209: “My lady Arbell hath bin once at Court hir magesty spake ij to hir but not longe and examined hir nothing touchinge hir booke she dined in the

Арабелла была потенциальной наследницей престола, и публично выказанная ей благосклонность Елизаветы имела большое значение. Не менее важным был и выраженный интерес к Арабелле со стороны Сесила: влиятельный советник в конце 1580-х гг. еще не высказался явно в пользу того или иного наследника, и еще сохранялся шанс, что он решит поставить именно на нее в «игре престолов».

Порой в письмах упоминаются и враждебные слухи, так, в 1568 г. граф Шрусбери в письме жене жаловался, что при дворе ходит слух о том, что он прижимист, а в доме у него плохо ведут хозяйство⁷⁷. Слух появился именно в тот момент, когда Елизавета решала, к кому отправить под домашний арест Марию Стюарт, и, вероятно, должен был заставить королеву посмотреть в сторону других претендентов. Однако Елизавета проигнорировала слух и отправила Марию к Шрусбери.

Даже совсем, казалось бы, женские темы — сообщения об изменениях придворной моды — имели политические коннотации. В октябре 1564 г. Фрэнсис Брук, леди Кобэм писала Бесс (тогда — леди Сент-Ло):

я научилась делать рукав такой ширины, какая нравится королеве. Длина его должна быть небольшой. Я знаю, что он понравится, потому что он тонкой работы и причудлив. К письму прилагаются мерки ткани той же работы для рубашки с рукавами. Вы можете

presence, but my lord Treasurer bad hir to supper, and at dinier I dinyng with hir and sittyng over agaynst him he asked me whether I cam with my nefe or no I sayd I cam with hir then he spake openly and direccted his speech to Sir water Rawley greatly in hir Commendation as that she had the french th' Italion playd of Instrmentes dansed wrough and writt very fayre wished she weare xv years ould and with that rouned Master Rawly in the eayre who answered it would be a happy thinge, At supper he mad excedynge much of hir so did he the after noun in his great Chamber publicly and of Mall and Bess George and sence he hath asked when she shall come agayne to Court <...>"

77 BHL 65.

прислать ее несшитой, потому что с тех пор, как Вы тут были, мода сильно изменилась⁷⁸.

Информация о новых фасонах рукавов в данном случае связана с темой даров королеве, прежде всего, новогодних даров. В этом ежегодном ритуале участвовали придворные и титулованные аристократы. Обмен дарами на глазах у всего двора свидетельствовал о доверии королевы тому или иному дворянину, демонстрировал принадлежность к ближнему кругу ее советников. Здесь было важно и само приношение, и то, как его приняли, и ответный дар Елизаветы⁷⁹.

Для аристократов традиционной формой приношения был кошель с золотыми монетами, количество которых определялось рангом. Граф Шрусбери, например, всегда подносил Елизавете I 20 фунтов стерлингов золотом⁸⁰. Однако Бесс ранее была придворной дамой, принадлежала к «дому» королевы. Ее дар должен был быть иным. Придворные обычно дарили предметы одежды — то, что будет соприкасаться с телом королевы. Бесс обычно дарила платья или юбки из драгоценных тканей⁸¹, и чтобы угодить правительнице, она должна была разбираться в моде и учитывать вкусы Елизаветы. Поэтому столь ценными были советы дам королевы: благодаря им можно было сделать подарок, который привлеч бы ее взгляд.

78 **BHL** 15: “i haue bassted the sleue of that wydenes that wyll best contente the quyne. the lenth all wrott wyllbe shourte innoufthe. i know the wyllbe well leked the ar fyne and strange. i haue heyr sent yow inclosed the brede and lenthe of a caylle for the quyne of the same worke for the shyрте with the sleues. yow may sendyt up unmade. for that the faysshyne ys much altered senes yow were heyr.”

79 **Серегина**. 2018.

80 **Lawson**. 2013: 55, 116, 151, 170, 184, 205, 246, 291, 328, 350, 368, 381.

81 **Lawson**. 2013: 118,152, 171, 187, 206, 247, 293, 329, 351, 368, 390.

Благосклонный прием дара сам по себе становился новостью, которую члены семьи быстро распространяли. Так, 2 января 1576 г., т.е., на следующий день после церемонии подношения даров королеве, дама ее опочивальни Элизабет Уингфилд писала своей сводной сестре Бесс о том, как Елизаветы приняла присланные юбку и камзол⁸²:

Ни одна из подаренных Вами Ее Величеству вещей не нравилась ей больше, чем эта. Цвет и непривычная отделка одеяний, их богатство, и большие расходы, которые Вы понесли, заставили ее произнести такие добрые слова о милорде и Вашей Светлости, какие я никогда раньше от нее не слышала. Она сказала милорду Лестеру и лорду-камергеру⁸³, что Вы в этом году подарили ей одеяния, которые изумительно идут ей <...> если бы милорд и Ваша Светлость подарили ей 100 фунтов, то, по моему мнению, они не были бы так же хорошо приняты⁸⁴.

Ответные королевские дары обсуждались и оценивались, хотя и втайне от Елизаветы. В январе 1601 г. подруга Бесс Дороти Стаффорд писала о том, как Елизавета благосклонно приняла новогодние подарки от семьи Тэлбот и в особенности от внучки Бесс Арабеллы Стюарт (та преподнесла «вуаль из кружева (ришелье), расшитую серебром и шелковыми нитями разных цветов»)⁸⁵, и позволила себе покритиковать прижимистость королевы:

82 **Lawson.** 2013: 187.

83 Роберт Дадли, граф Лестер (1533-1588), лорд-шталмейстер королевы, и Томас Рэдклиф, граф Сассекс (1525-1583), лорд-камергер.

84 **BHL** 97: “her majesty neuer liked any thinge you gaue her so well the color and strange triminge of the garments with the reche and grat cost bestowed vpon yt hath caused her to geue out such good speches of my lord and yow ladyship as I neuer hard of better she toulde my lord of Lester and my lord chamberlen that you had geuen her such garments thys yere as she neuer had any so well lyked her <...> if my lord and yow ladyship had geuen v hundrd pound in my opennon yt would not haue bene so well taken”.

85 **Nichols.** 2014: 101: “one skarfe or head vaile of lawne Cutworke flourished with silver and silke of sundry Colors”.

[она] в ответ даровала леди Арабелле знак своего расположения который не столь хорош как я пожелала бы, и не столь хорош, как того заслуживает ее Сиятельство, с учетом редкости того, что она послала Ее Величеству⁸⁶.

Далее Дороти Стаффорд просила Бесс «сохранить это в тайне и никому не говорить». Эта просьба свидетельствует не только о том, что критика в адрес королевы не приветствовалась, но также и о том, что обычно придворные новости такого рода широко распространялись и пересказывались получателем письма.

Кроме того, в письме затронута и деликатная политическая тема. Благосклонный прием, оказанный Арабелле в 1601 г., мог считываться как сигнал для политической элиты — королева выбирает именно ее в качестве своей наследницы. Именно в это время в столице назревал кризис, который вскоре выльется в попытку мятежа со стороны опального фаворита королевы, графа Эссекса. Эссекс был сторонником наследственных прав Якова VI, уже десятилетие состоял с шотландским королем в тайной переписке и был даже готов ускорить его приход к власти в Англии, или, по крайней мере, принудить официально признать его наследником⁸⁷. Арабелла была прямым конкурентом Якова VI, поэтому детали ее пребывания при королевском дворе зимой 1601 г. привлекали такое большое внимание.

В области придворных новостей и слухов разделить приватные дела королевы и ее окружения от вопросов власти оказывалось практически невозможным. В приведенном

86 BHL 91: “her Majestie tould mee that she would be Carefull of her and withall hath returned a token to my Lady Arbella which is not so good as I Could wish it nor so good as her Ladyship deserveth in respecte of the rarenes of that whiche she sente vnto her Majestie”.

87 Gajda. 2012: 39-40.

примере речь идет не только о расположении королевы к девушке из знатной семьи, но и о публично выказанной благосклонности к потенциальной наследнице престола, что делало событие важной политической новостью.

Став женой графа Шрусбери, Бесс получала политические известия вместе с мужем, но также и отдельно от него. Среди ее информаторов были члены семьи, находившиеся в столице, клиенты, например, Джеймс Монтегю — настоятель королевской капеллы Якова I, друзья и подруги, или даже специально для этого нанятый автор новостных писем Хью Фицуильям⁸⁸.

Политические темы, затронутые в письмах к Бесс, очень разнообразны. Графине сообщали о спорах между членами Тайного Совета (между графом Лестером и лордом Бакхёрстом из-за политики в Нидерландах), и о соперничестве между придворными — графом Эссексом и Уолтером Рэли⁸⁹, о парламенте — назначении спикера палаты общин⁹⁰, о судебных процессах заговорщиков (герцог Норфолка⁹¹, граф Эрендела⁹², участников Порохового заговора⁹³), и даже о приеме московского посла⁹⁴.

Отдельной темой новостей оказываются сообщения о католиках в Англии. Так, в письме от июля 1570 г. из Лондона Хью Фицуильям сообщал своей патронессе о том, что из тюрьмы освободили двух католиков, сэра Томаса

88 Daybell. 2006: 24. Новостным письмам Хью Фицуильяма будет посвящено отдельное исследование.

89 BHL 209.

90 BHL 87.

91 BHL 25.

92 BHL 87.

93 BHL 48, 49.

94 BHL 20.

Корнуоллиса и Томаса Китсона, «потому что они согласились ходить на литургию»⁹⁵. Здесь упомянут случай, когда арестованные католики-рекузанты (т.е. те, кто отказывался присутствовать на воскресной протестантской литургии), получили свободу, согласившись на компромисс — посещение церкви. Многие католики в елизаветинской Англии так и делали, чтобы избежать преследований. Однако они избегали участия в таинствах, и прежде всего, не принимали причастия по протестантскому обряду. Наказания за не-причащение беспокоили корреспондентов Бесс. В февраля 1576 г. ее зять Гилберт Тэлбот, рассказывая о биллях, рассматриваемых палатой лордов, большое внимание уделил именно такому проекту:

в верхней палате, как я слышал, есть билль, согласно которому те, кто не станет причащаться и ходить в церковь, должны будут ежегодно платить определенную сумму, но [билль] пока не пришел в нашу палату⁹⁶.

Этот билль так и не превратился в закон, и наказание за отказ от ежегодного пасхального причащения было введено только при Якове I. Обсуждение этого законопроекта было отражено в письме клиента графини Шрусбери Джеймса Монтегю⁹⁷:

Все здешние новости касаются парламентских дел. Предмет религии — заставить всех причащаться — очень их [парламентариев] взволновал, но теперь они сошлись на том, что каждый должен причащаться хотя бы раз в 2 года, иначе его сочтут рекузантом⁹⁸.

95 BHL 25: “by cause thei be contented to comme to the devyne service”.

96 BHL 165: there is a byll as I here in the hyerr house, that whosoever will not receave the communion, & cum to the churche shall pay yearely a certayne sum of mony, the which is not yet comme into our house.

97 Джеймс Монтегю (1568-1618) — придворный и клирик, настоятель королевской капеллы, позднее епископ Батский и королевский советник. McCullogh. 2004.

98 BHL 49: “The newes heere is all in parlament busines The matter of religion to compell euery man to the communion hath much trobled them but now

Интерес к антикатолическому законодательству, а также факт получения Бесс писем от Ричарда Топклиффа — знаменитого своей жестокостью и пристрастием к пыткам «охотника за иезуитами» елизаветинской эпохи — заставило исследовавшего письма Бесс Дж. Дейбелла счесть, что сама Бесс была ревностной протестанткой⁹⁹. Однако такое толкование выглядит необоснованным. Топклифф был клиентом графа Шрусбери. Когда жестокое обращение с арестованными католиками стало общеизвестным фактом (в конце 1580 г.), Топклифф лишился покровительства графа Шрусбери, о чем свидетельствует его исчезновение из палаты общин (ранее его номинацию в том или ином парламентском округе / боро) обеспечивал ему именно патрон)¹⁰⁰. Единственное известное письмо от Топклиффа к Бесс (с рассказом о приезде придворных на воды в Бакстон)¹⁰¹ датировано июлем 1577 г., т.е., периодом, когда «инквизиторская» карьера Топклиффа еще не началась. Топклифф служил в свите принцессы Елизаветы и, вероятно, при дворе в конце 1550-х гг., и должен был знать Бесс еще как леди Кэвендиш и леди Сент-Ло. Так что здесь мы имеем дело с письмом старого знакомого своей патронессе, и оно вряд ли может служить конфессиональным маркером.

Всю свою жизнь Бесс Хардвик принадлежала к церкви Англии. Правда, последняя за XVI в. несколько раз меняла обрядность, и догматику, разрывала и восстанавливала связи с Римом. Так что Бесс была последовательной конформисткой, хотя и не католичкой. Но вот в числе ее клиентов и родственников католиков было много, особенно после того, как она

they are agreed that all shall come to the communion within the space of 2 yeares or else they shalbe be in the nature of recusants”.

99 Daybell. 2006: 3.

100 Hasler. 1981.

101 BHL 94.

вышла замуж за графа Шрусбери. Супругами пятерых из шести ее детей — всех трех дочерей и двух сыновей — были католики¹⁰². Такая брачная политика указывает, скорее, на католические симпатии. Внимание графини Шрусбери к направленным против католиков законопроектам, таким образом, было тесно связано с интересами семьи и клиентелы.

Внешнеполитические новости также были разнообразными: графине присылали известия о войне в Нидерландах, событиях религиозных войн во Франции, о происходящем в Шотландии, о восстании морисков в Испании, о войне Венеции и Османской империи и продвижении турок на Балканах и в Далмации¹⁰³.

Распространявшие информацию корреспонденцию осознавали, что слухи могут оказаться недостоверными, причем порой намеренно, а распускание слухов — признанный политический маневр. В 1587 г. Чарльз Кэвендиш рассказывал матери о слухах из Шотландии и о целях, с которыми их распускали:

Шотландский король, как я слышал, делает вид, что намеревается жениться на испанке, так как у шотландца, недавно возвращавшегося из Испании, перехватили портрет дочери короля¹⁰⁴, который

102 Фрэнсис Кэвендиш вышла замуж в католическую семью Пьерпойнт. Муж Элизабет Кэвендиш Чарльз Стюарт также был воспитан католиком в доме матери, Маргарет (урожд. Дуглас), графини Леннокс. Мэри Кэвендиш и ее супруг Гилберт Тэлбот в начале XVII в. стали открытыми католиками, хотя в елизаветинской период не афишировали своих религиозных взглядов. Католичкой была и сестра Гилберта Грейс Тэлбот, жена Генри Кэвендиша. Брат и сестра восприняли религию матери, происходившей из католической семьи Мэннерс. Наконец, младший сын, Чарльз Кэвендиш, был женат на Маргарет Китсон, а вторым браком — на Кэтрин Огл (обе из католических семей). См. **Hasler**. 1981.

103 Эта информация содержится в новостных письмах Хью Фицуильяма: **BHL** 25, 26, 27, 164, 170.

104 Инфанта Изабелла, дочь Филиппа II.

он вез [Якову VI], так что переговоры с Данией замерли¹⁰⁵. Кроме того, в Шотландии созывают парламент, где собираются рассмотреть закон о свободе совести — чтобы никого не карали за религию, но чтобы публичное богослужение было только протестантским. Эти слухи здесь считают беспочвенными измышлениями — и брак с испанкой, и свобода богослужения, — распространенными, чтобы напугать и побудить Ее Величество к определенным действиям¹⁰⁶.

По мнению Кэвендиша, слухи о сближении с Испанией призваны были подтолкнуть Елизавету к тому, чтобы объявить Якова Шотландского наследником английского престола.

Иногда приводятся разные подробности и интерпретации события. Вот, например, рассказ об убийстве Генриха III Французского в 1589 г. из письма Гилберта и Мэри Тэлботов от 31¹⁰⁷ июля 1589 г.:

Я уверен, что раньше, чем это письмо попадет в руки Вашего Сиятельства, вы услышите о коварном убийстве французского короля. Оно произошло так: монах нового ордена, который создал сам

105 Переговоры о браке Якова VI Шотландского и датской принцессы Анны велись с 1588 г., однако до этого обсуждалась женитьба короля на ее старшей сестре Елизавете.

106 **BHL** 209: “Scotland I heare maketh great shoves of an intention to marry with spayn insomuch as a scottish man Comminge latly out of spayn, the picture of the Kynges daughter was taken from him which he was carringe to the Kyng, so that Denmark now lyeth deed, besydes ther is a parlament to be kept in Scotland in which parliament is intended to be prepounded liberty of Conscience and that noe man shalbe punisshed for his religion though ther shalbe noe publicke exercise of any but the protestantes ther be taken heare but for Inventions without meninge ether of marriage with spayn or alteration of Religion but t'increase feiare heare to the end motions may be mad to hir magesty concerninge divers thinges”.

107 Указана дата: 1 июля 1589 (“this fyrste of July. 1589”), однако это противоречит содержанию письма, в котором говорится о позднейших событиях: придворной свадьбе, состоявшейся 18 июля 1589 г., и о смерти Генриха III (2 августа). Гилберт Тэлбот допустил опisku: в письме должно было быть либо “this last of July”, т.е., 31 июля, либо “this first of August”.

король, называемого орденом доминиканцев¹⁰⁸, пожелал получить личную аудиенцию у короля по делу, которое должно было послужить к его чести и благу. Будучи принятым, он передал королю письмо, содержавшее предложение передать в распоряжение монарха одни из главных парижских ворот. Но прежде, чем король дочитал письмо, этот жестокий слуга ударил короля в бок длинным острым кинжалом, который для этой цели прятал в рукаве. Однако король, который успел заметить клинок, сумел немного отвести его рукой, так что он не вошел в тело слишком глубоко, и поначалу была надежда, что король поправится. Сам король вырвал кинжал из руки преступника (некоторые говорят, что он вытащил его из собственного тела), но точно известно, что король ударил слугу кинжалом в лицо и голову два или три раза, а те, кто находились рядом с королем, немедленно убили нападавшего на месте. Король сразу послал за королем Наварры¹⁰⁹, который расположился лагерем неподалеку, со многими знатными дворянами. После того, как он поговорил с королем Наварры наедине, он пожелал, чтобы все присутствовавшие там дворяне признали Наваррца, и никого другого, своим королем, и все они поклялись это сделать. И все они (вместе с королем Наварры) также поклялись отомстить за смерть короля. Некоторые полагают, что это ужасное деяние совершил не настоящий монах, а кто-то другой, кто, решив пожертвовать жизнью ради мести, надел на себя монашеское облачение, чтобы благодаря ему получить доступ к королю¹¹⁰.

108 Обитель якобинцев (доминиканцев) в Париже, где учился Жак Клеман, пользовалась покровительством французской короны.

109 Генрих де Бурбон (1553-1610), король Наварры в 1572-1610 гг., в 1589-1610 гг. — король Франции.

110 **BHL 88:** “<...> I assure my selfe that before this lettre shall cum to your Ladyship's handes/ you shall have harde of the wycked murther of the ffranche Kyng In this manner/ a freare of a new order which this Kyng him selfe erected caled/ The order of Dominickes desyred to have private accesse to his owne person for matters tendinge hylve to his honor & servyce/ And beyng admtyted he delivered vnto the Kyng a lettre importyng an offer of one of the chefe gates of Paris to be at the Kynges commandement but before the sayde lettre was fully redd/ that cruell varlett (with a longe sharpe poynted knyfe yat he hadd in his wyde sleve for yat purpose) stabbed the Kyng into ye syde therwith/ yet the King havynge sum glympse of the knyfe stroke it sumwhat doune with his arme/ wherby it perced not so depe into his boddy but yat ther was hope of his recovery/ the Kyng him selfe wrested that knyfe oute of the vyllanes hande/ (sum sayes he pulled it oute of his owne boddy) but certayne it is that the King stabbed the varlett two or three

Это письмо позволяет оценить пути и скорость распространения новостей и слухов. Генрих III был убит 2 августа=24 июля по старому стилю. В Англии известие о его смерти дошло 28 июля, о чем свидетельствует письмо государственного секретаря, сэра Фрэнсиса Уолсингэма¹¹¹. Уже 31 июля Гилберт Тэлбот пишет о событиях своей теще. За три дня информация разошлась среди придворных от лордов Тайного Совета. Возможны и другие каналы: посол Англии в Париже Эдвард Стаффорд — сын подруги Бесс Дороти¹¹². Вероятно, Гилберт считал, что Бесс уже получила новости этим путем.

Корреспонденция графини Шрусбери демонстрирует, что женщины-аристократки составляли часть мира политики раннего Нового времени, являлись потребителями политических новостей и обладали большим кругозором. Среди авторов писем, распространявших политические новости, были и мужчины, и женщины. Можно усмотреть элементы гендерной специфики в выборе тем: мужчины скорее будут писать о внешней политике, о восстаниях, наследовании престола,

tymes into the face & hedd therwith/ & so by thos yat were nereste the Kynge/ he was Instantly slayne in ye place/ The King immediately sente for the King of Navar to him who was incamped nere vnto him with many others of the nobilitie/ And after he hadd hadd sum private speche with the King of Navarr/ he desyred all thos noble men ther presente to receve him for theyr Kynge and no other/ which they all faythfully vowed to doe And they all (with that Kynge) did also vow to be revenged of the Kynges dethe/ Sum thynke it is not a freare indeede who did this wycked acte/ but sum other person who determininge to sell his lyffe in yat revenge/ did so aparrell him selfe/ to thende therby to procure accesse./ Vppon this newes my Lord Chancellor (who was then at holdenby at the marryage of his nephew) was sente for vpp agen with all spede/ And this nyghte he will be at london/ he purposed to have tarryed ther xen or xij dayes longer/ here they will resolve what course is fytteste to be taken for the King of Navars ayde so sone as they shall be agen advertized how the nobilitie & people are bente towards him./ all thynges here are after the wonted manner <...>”.

111 **SP Foreign.** 1950: 409.

112 **Hasler.** 1981.

войне и о заседаниях парламента, в которых сами участвуют. При этом о придворных делах и назначении на должности общали и мужчины, и женщины, о семейных делах — тоже и те, и другие. Однако эти тенденции не являются строгим правилом, ведь женщины тоже писали на темы «большой политики». В апреле 1603 г. леди Фрэнсис Пьерпойнт писала своей матери Бесс о прибытии в Англию нового короля Якова I:

В прошлый вторник приехал из Лондона сэр Джон Холлс, и вчера отбыл в Бервик, где, как он слышал от джентльмена королевской опочивальни, Его Величество будет в следующую субботу, и где он останется до тех пор, пока в тамошних местах все не успокоится. Он [Холлс] также говорит, что в южных графствах все идет мирно, и только лорд Бичем, говорят, собирает людей, которые, как он [Холлс] надеется, рассеются как дым, будучи слишком незначительными, чтобы противостоять столь великому союзу.¹¹³

Здесь мы видим редкое упоминание о том, что приход к власти Якова мог оказаться не столь быстрым и беспрепятственным, как это принято считать, и даже имела место попытка противопоставить ему английского претендента, Эдварда Сеймура, лорда Бичема (потомка Генриха VII). Новость такого рода — о престолонаследии и возможном вооруженном конфликте — относилась к публичной политике, но распространяли ее, как следует из письма, представители «дома» короля, и мужчины, и женщины, причем женщины эти были потенциальными участницами событий. Лорд Бичем был

113 BHL 53: “sur lhon halles cam post from london vppon tuesday last and yesterday went towards barwike wher he dothe heare bi on of the kinges chamber that his majesti woll be on Saterdag nexeste and ther stay vntil he hath settled the parts ther aboutes also he sayeth that al thinges in the southeren partes proceede peaceably only my lord beauchamp issayd to mak some assemblies whic he hopeth wil soddenly dessholfe into smoke his forse being feble to make hede agenst so grayt an vnyon”.

наследником престола, согласно завещанию Генриха VIII¹¹⁴, а его сына в начале 1603 г. тайно прочили в мужа Арабелле Стюарт¹¹⁵ — внучке и племяннице дам, обсуждавших происходящее. Для них события были тесно связаны с семейными интересами, но касались их и как подданных английской короны. Таким образом, и в сфере «большой политики» есть области, где различить частное и публичное оказывается затруднительным, и именно там мы видим женщин не просто в качестве зрителей, но также и активных участниц политических коммуникаций.

114 Эдвард Сеймур, лорд Бичем (1561-1612) — старший сын Эдварда Сеймура, графа Хартфорда и Кэтрин Грей, по женской линии — праправнук Генриха VII (потомок его младшей дочери Марии). Согласно завещанию Генриха VIII, потомки Марии Тюдор должны были наследовать трон в случае отсутствия у старшей ветви рода прямых потомков.

115 В январе 1603 г. Арабелла Стюарт попыталась устроить брак со старшим сыном лорда Бичема Эдвардом Сеймуром (1586-1618). **Gristwood**. 2003: 243.

Список источников и литературы

Петтигри. 2021 — Петтигри Э. Изобретение новостей: как мир узнал о самом себе. Пер. с англ. яз. А. Громченко и Е. Ивановой. М.: АСТ, 2021.

Серегина. 2013 — Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Долеман Р. [Парсонс Р.] Рассуждение о наследовании английского престола / Перевод с англ. яз., введение, коммент. А.Ю. Серegiной. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 4-99.

Серегина. 2018 — Серегина А. Ю. Доверие королевы и верность аристократов-католиков: обмен новогодними дарами при дворе Елизаветы I Английской // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 9 (73) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002398-6-1> (03.09.2024).

Серегина. 2023 — Серегина А.Ю. Придворные дамы Елизаветы I Английской и путешествия королевского двора // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 32. 2023. С. 186-251.

Atherton. 1999 — Atherton I, 'The Itch Grown a Disease': Manuscript Transmission of News in the Seventeenth Century // News, Newspapers, and Society in Early Modern Britain / Ed. by Joad Raymond. London: Taylor & Francis, 1999. P. 39-65.

Bindoff. 1982 — The History of Parliament: the House of Commons 1509-1558 / Ed. by S.T. Bindoff. London: Boydell and Brewer, 1982. E-edition. URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1509-1558> (03.09.2024).

BHL — Bess of Hardwick's Letters: The Complete Correspondence, c.1550-1608 (2013-2014). URL: <https://www.bessofhardwick.org/home.jsp> (03.09.2024).

Botelho. 2009 — Botelho K. Renaissance Earwitnesses: Rumour and early Modern Masculinity. New York, 2009.

Brodhurst. 1908 — Brodhurst F. Elizabeth Talbot, Countess of Shrewsbury // Derbyshire Archaeological Collection. Vol. 30. 1908. P. 231-260.

Bryson. 2019 — Bryson A. Bess of Hardwick: A Life // Bess of Hardwick: New perspectives / Ed. by L. Hopkins. Manchester: Manchester University Press, 2019. P. 18-35.

Capp. 2003 — Capp B. *When Gossips Meet: Women, Family and Neighbourhood in Early Modern England*. Oxford, 2003.

Capern. 2015 – *Rumour and Reputation in the Early Modern English Family // Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in early Modern Europe*. Turnhout, 2015. P. 85-114.

Cogan. 2021 — Cogan S.M. *Catholic Social Networks in Early Modern England: Kinship, Gender, and Coexistence*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021.

Cressy. 2010 — Cressy D. *Dangerous, Scandalous, and Treasonable Speech in Pre-Modern England*. Oxford, 2010.

Daybell. 2004 — Daybell J. “Suche newes as on the Quenes hye wayes we have mett”: The News Networks of Elizabeth Talbot, countess of Shrewsbury (c.1527–1608) // *Women and Politics in Early Modern England* / Ed. by J. Daybell. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 114–131.

Daybell. 2006 — Daybell J. *Women Letter-Writers in Tudor England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006

Daybell. 2011 — Daybell J. *Gender, Politics and Diplomacy: Women, News and Intelligence Networks in Elizabethan England* // (eds), *Diplomacy and Early Modern Culture* / Ed. by R. Adams, R. Cox. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 101-119.

French. 2019 — French S.L. *Hardwick Hall: Building a Woman's House // Bess of Hardwick: New Perspectives*. Manchester, 2019. P. 121-141.

Frye. 2011 — Frye S. *Pens and Needles: Women's Textualities in Early Modern England*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2011.

Gajda. 2012 — Gajda A. *The Earl of Essex and Late Elizabethan Political Culture*. Oxford, 2012.

Goldring. 2004a — Goldring E. Talbot [née Hardwick], Elizabeth // *Oxford Dictionary of National Biography online*. Oxford, 2004. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26925>

Goldring. 2004a — Goldring E. Talbot George // *Oxford Dictionary of National Biography online*. Oxford, 2004. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26928>

Gristwood. 2003 — Gristwood S. *Arbella: England's Lost Queen*. London, 2003.

Hasler. 1981 — *The History of Parliament: the House of Commons 1558-1603* / Ed. by P.W. Hasler. London: Boydell and Brewer, 1981. E-

edition: URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1558-1603> (03/09/224)

Hicks. 2004 — Hicks M. Talbot Gilbert // Oxford Dictionary of National Biography online. Oxford, 2004. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26930>

Hopkins. 2019 — Bess of Hardwick: New perspectives / Ed. by L. Hopkins. Manchester: Manchester University Press, 2019.

Lawson. 2013 — The Elizabethan New Year's Gift Exchange, 1559-1603 / Ed. by J. A. Lawson. Oxford, 2013.

Loades. 2007 — Loades D. The Cecils: Privilege and Power behind the Throne. London, 2007.

Lovell. 2009 — Lovell M.S. Bess of Hardwick: First Lady of Chatsworth. London: Abacus, 2009.

McCullogh. 2004 — McCullogh P.C. Montagu, James // Oxford Dictionary of National Biography online. Oxford, 2004. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/19021>

Merton. 1992 — Merton I. The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553 – 1603. PhD Dissertation. University of Cambridge, 1992.

Nichols. 2014 — John Nichols's The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth: Volume IV: 1596 to 1603. Oxford, 2014.

Rawson. 1910 — Rawson M.S. Bess of Hardwick and her circle. London, 1910.

State Papers Foreign. 1950 — Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, January-July 1589. Volume 23 / Ed. by R. B. Wernham. London, 1950.

Weir. 2015 — Weir A. The Lost Tudor Princess: A Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox. London, 2015.

Wiggins. 2013 — Wiggins A. Editing Bess of Hardwick's Letters // Bess of Herdwick's Letters: The Complete Correspondence, c.1550-1608. URL: <https://www.bessofhardwick.org/background.jsp?id=186> (03.09.2024)

Wiggins. 2017 — Wiggins A. Bess of Hardwick's Letters: Language, Materiality, and Early Modern Epistolary Culture. London, 2017.

REFERENCES

Atherton, Ian, "The Itch Grown a Disease': Manuscript Transmission of News in the Seventeenth Century." In *News, Newspapers, and Society in Early Modern Britain*, edited by Joad Raymond, 39–65. London: Taylor & Francis, 1999.

Bindoff, Staley, ed. *The History of Parliament: the House of Commons 1509-1558*. London: Boydell and Brewer, 1982. E-edition: <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1509-1558>.

Botelho, Keith. *Renaissance Earwitnesses: Rumour and Early Modern Masculinity*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Brodhurst, Frederick. F. "Elizabeth Talbot, Countess of Shrewsbury." In *Derbyshire Archaeological Collection* 30 (1908): 231-260.

Bryson, Alan. "Bess of Hardwick: A Life." In *Bess of Hardwick: New perspectives*, edited by Lisa Hopkins, 18-35. Manchester: Manchester Univ. Press, 2019.

Capern, Amanda. "Rumour and Reputation in the Early Modern English Family." In *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe*, edited by Claire Walker, Heather Kerr, 85-114. Turnhout: Brepols, 2015.

Capp, Bernard. *When Gossips Meet: Women, Family and Neighbourhood in Early Modern England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Cogan, Susan. *Catholic Social Networks in Early Modern England: Kinship, Gender, and Coexistence*. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2021.

Cressy, David. *Dangerous, Scandalous, and Treasonable Speech in Pre-Modern England*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Daybell, James. "'Suche newes as on the Quenes hye wayes we have mett': The News Networks of Elizabeth Talbot, countess of Shrewsbury (c.1527–1608)." In *Women and Politics in Early Modern England*, edited by James Daybell, 114–131. Aldershot: Ashgate, 2004.

Daybell, James. "Gender, Politics and Diplomacy: Women, News and Intelligence Networks in Elizabethan England." In *Diplomacy and Early Modern Culture*, edited by R. Adams, R. Cox, 101-119. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Daybell, James. *Women Letter-Writers in Tudor England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006

French, Sarah. "Hardwick Hall: Building a Woman's House." In *Bess of Hardwick: New Perspectives*, edited by Lisa Hopkins, 121-141. Manchester: Manchester Univ. Press, 2019.

Frye, Susan. *Pens and Needles: Women's Textualities in Early Modern England*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2011.

Gajda, Alexandra. *The Earl of Essex and Late Elizabethan Political Culture*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.

Goldring, Elizabeth. "Talbot [née Hardwick], Elizabeth." In *Oxford Dictionary of National Biography* online. Oxford, 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26925>

Goldring, Elizabeth. "Talbot George." In *Oxford Dictionary of National Biography* online. Oxford, 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26928>

Gristwood, Sarah. *Arbella: England's Lost Queen*. London: Bantam Books, 2003.

Hasler, Paul, ed. *The History of Parliament: the House of Commons 1558-1603*. London: Boydell and Brewer, 1981. E-edition: <https://www.historyofparliamentonline.org/research/members/members-1558-1603>.

Hicks, Michael. "Talbot Gilbert." In *Oxford Dictionary of National Biography* online. Oxford, 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/26930>

Hopkins, Lisa, ed. *Bess of Hardwick: New perspectives*. Manchester: Manchester Univ. Press, 2019.

Goldring Elizabeth, Eales Faith, Clarke Elizabeth, Elisabeth Archer Jayne, eds. *John Nichols's The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth: Volume IV: 1596 to 1603*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

Loades, David. *The Cecils: Privilege and Power behind the Throne*. London: The National Archives, 2007.

Lovell, Mary. *Bess of Hardwick: First Lady of Chatsworth*. London: Abacus, 2009.

McCulloch, P.C. "Montagu, James". In *Oxford Dictionary of National Biography* online. Oxford, 2004, <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/19021>

Merton, Isabelle. *The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553-1603*. PhD Dissertation. Univ. of Cambridge, 1992.

Pettigree, Andrew. *The Invention of News: How the World Came to Know About Itself*. London: Yale Univ. Press, 2014.

Rawson, Maud. *Bess of Hardwick and Her Circle*. London: Hutchinson & Co., 1910.

Seregina, Anna. "Ladies-in-Waiting of Queen Elizabeth I of England and Summer Progresses of the Royal Court." In *Adam & Eve. Gender History Review* 32 (2023): 186-251. (in Russian)

Seregina, Anna. "Robert Persons and his 'Conference about the Next Succession tot eh Crown of Inland'". In Doleman R. [Persons, Robert]. *A Conference about the Next Succession tot eh Crown of Inland [1594]*, translated and edited by Anna Seregina, 4-99. Moscow, Dmitriy Pozharskiy University, 2013 (In Russian). (in Russian)

Seregina, Anna. "The Queen's Trust and the Loyalty of Catholic Nobles: The New Year's Gifts Exchange at the Court of Elizabeth I of England." In *ISTORIYA* 9, Issue 9 (2018), <https://history.jes.su/s207987840002398-6-1/>. (in Russian)

Weir, Alison. *The Lost Tudor Princess: A Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox*. London: Vintage, 2015.

Wiggins, Alison. *Bess of Hardwick's Letters: Language, Materiality, and Early Modern Epistolary Culture*. London: Routledge, 2017.

Wiggins, Alison. "Editing Bess of Hardwick's Letters." In *Bess of Herdwick's Letters: The Complete Correspondence, c.1550-1608*, 2014, <https://www.bessofhardwick.org/background.jsp?id=186>

«НЕНАСЫТНОСТЬ ПАМЯТИ»: НОВОСТИ, СПЛЕТНИ И БЕСЕДЫ В МУЖСКОМ ДНЕВНИКЕ XVII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сэмюэль Пипс, дневник, сплетни, информация, новостная культура, гендер, Англия, раннее Новое время.

АННОТАЦИЯ: Гендерные аспекты информационной культуры Англии II пол. XVII века анализируются на основе дневника Сэмюэля Пипса, охватывающего 1660-1669 гг. Дневник, содержащий большое количество новостей, сплетен, пересказанных бесед и т.п., является не просто жизнеописанием, но одним из инструментов работы с возросшим потоком информации, обусловленным как переменами в культурной и политической жизни страны, так и изменениями в статусе, круге общения и образе жизни самого Пипса. Он рассмотрен в контексте практики ведения заметок и связанных с ней изменений представлений о памяти. Анализ демонстрирует, что практики документирования, используемые Пипсом, были частью мужской деловой и ученой культуры. Потребность в дневнике в значительной мере была обусловлена «ненасытностью памяти» человека, стремящегося выстроить успешную карьеру и достичь более высокого положения, для чего ему требовалось принимать во внимание большое количество информации. Ведение записей и собирание новостей самого разного рода, включая очевидные сплетни, было мужской профессиональной стратегией успеха. С той же маскулинной культурой деловых кругов Сити были связаны и представления о ценности той или иной информации, а также о достойных, эффективных и уместных способах обмена ею. Пипс стремился к тому, чтобы наладить общение с придворными и высшими чиновниками, собирая и делясь той информацией, которая была востребована в этих кругах, даже если сам не вполне понимал или одобрял эти практики общения, но сведения, которые можно было получить через сети женского общения представлялись ему недостойными забывания для выстраивания коммуникации.

Для цитирования: Стогова А. В. «Ненасытность памяти»: новости, сплетни и беседы в мужском дневнике XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 54-93. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93

A.V. Stogova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

ORCID ID 0000-0003-0322-1397

Scopus ID 57200118570

anna100gova@yandex.ru

‘THE GREEDINESS OF THE MEMORY’: NEWS, GOSSIP AND CONVERSATION IN A SEVENTEENTH-CENTURY MEN'S DIARY

Keywords: Samuel Pepys, diary, gossip, information, news culture, gender, England, early Modern period.

Abstract: The study of the gender aspects of the English information culture of the second half of the 17th century is focused on the diary of Samuel Pepys covering the years 1660-1669. The diary, which contains a large amount of news, gossip, retold conversations, etc., is not just an autobiographical text, but a tool for dealing with the increased flow of information caused both by changes in the cultural and political life and by changes in status, social standing, and lifestyle of Pepys himself. It is examined in the context of the practice of note-taking and the associated changes in the culture of memory. The study demonstrates that the documentation practices utilised by Pepys were part of male business and scholarly culture. The need for a diary was largely driven by the ‘the greediness of the appetite of the memory’ of a man seeking to build a successful career and achieve a higher position, which required him to take into account a large amount of information. Keeping records and collecting all sorts of news, including obvious gossip, was a male professional strategy for success. Linked to the same masculine culture of the City's business community were perceptions of the value of certain information, as well as the worthy, effective and appropriate ways of sharing it. Pepys sought to communicate with courtiers and senior officials by collecting and sharing information that was in demand in these circles, even if he did not fully understand or approve of these communication practices, though the information that could be obtained through female networks was clearly seen as unworthy of memorisation in order to build communication.

To cite this article: Stogova, Anna. “‘The Greediness of the Memory’: News, Gossip and Conversation in a Seventeenth-Century Men's Diary”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 54–93. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93

Развитие культуры личных дневников было частью масштабных изменений информационной культуры. Как отмечали Энн Блэр и Питер Сталибрасс, «примерно с 1450 года информация в Европе стала накапливаться в радикально иных масштабах»¹. И дело не только в изобретении книгопечатания, но и в распространении новых практик и способов сохранения и распространения рукописных текстов, главным из которых было распространение и удешевление бумаги. Это позволило многим частным лицам создавать самые разнообразные документы — письма, книги счетов, воспоминания, каталоги библиотек и т.п. Стали возможными и всевозможные заметки «на память», включая дневники, польза которых в разнообразных повседневных практиках, в первую очередь в контексте накопления и сохранения знания, активно обсуждалась в XVI-XVII веках.

Эти изменения имели серьезные культурные и социальные последствия. Пол Довер обращал внимание на то, что в раннее Новое время резко вырос объем и сложность бумажного делопроизводства, что было обусловлено побуждением писать и сохранять написанное, но параллельно с этим в результате освоения практик ведения бумажной работы изменились и сами индивиды, и сообщества, которые ее осваивали: «Европейцы раннего Нового времени приспособивали бумагу для использования в самых разных условиях и ситуациях и, в свою очередь, сами адаптировали свои представления об информации, свои ожидания относительно того, что важно и необходимо, и даже свое восприятие реальности»².

Среди наиболее очевидных следствий — изменения культуры памяти, очень значимые аспекты которых связаны с

1 Blair, Stallybrass. 2010: 139.

2 Dover. 2023: 57.

периодом раннего Нового времени. Распространение практики ведения дневников (среди других повседневных документов) не просто совпадает по времени с этими процессами, но имеет прямое к ним отношение. Представления о функционировании памяти и о том, как соотносятся память и письмо, претерпевали существенные изменения, которые принято описывать как переход от культуры запоминания Средневековья, какой мы ее знаем по работам Мэри Каррутерс и Фрэнсис Йейтс³, к современной культуре документирования. Он выразился в сосуществовании противоречивых суждений о том, как, для чего и какую информацию стоит собирать и сохранять.

Хотя дневники раннего Нового времени в целом связаны с идеей сохранения памяти о событиях своей жизни, связь эта могла быть разной. Многие подобные тексты тяготели к автобиографиям (и часто становились основой для написания таковой спустя годы), в первую очередь они имели целью сохранение информации в долговременной перспективе, в том числе для последующих поколений. Другие имели более тесную связь с культурой повседневных заметок, смысл которых заключался в том, чтобы аккумулировать сведения, необходимые для текущего практического использования. Такого рода записи были в большей степени характерны для мужчин, в школе и университете приучавшихся делать выписки и заметки для выполнения текущих задач. В 1640-х годах Ричард Холдсуорт, глава Эммануил-колледжа и вице-канцлер Кембриджского университета составил пособие для студентов, включавшее раздел, посвященный этому вопросу. Холдсуорт обращал внимание на несколько основных причин, по которым следовало постоянно вести записи в процессе обучения: 1. не стоит полагаться только на свою память, поскольку

3 Carruthers. 1990; Йейтс. 1997.

хотя людям и кажется, что «в настоящее время вещи настолько свежи в памяти, что, кажется, никогда не забудутся, однако они обнаружат, что течение времени новые занятия сотрут их, и, если у них нет памятных заметок, они смогут вспомнить очень немногое»; 2. записывание помогает более полному и ясному пониманию прочитанного и «заставляет вас обращать внимание на многие вещи, которые вы в ином случае упустили бы»; 3. ведение записей помогает бороться с ленью и скукой⁴. В первую очередь Холдсуорт имеет в виду так называемые тетради общих мест, в которые записывались цитаты из разных книг в соответствии с определенными темами, однако он также советует фиксировать на бумаге все то, что осталось непонятным, чтобы позднее проконсультироваться, и записывать задним числом по памяти проповеди, лекции и прочие услышанные публичные выступления⁵. Усвоенная в ходе обучения привычка вести заметки впоследствии пригождалась для самых разных случаев, включая помощь в личных делах и упорядочивание собственной жизни.

Показательным примером дневника, связанного с культурой заметок, является «Журнал» Сэмюэля Пипса, чиновника английского Военно-морского ведомства, который тот начал вести накануне реставрации монархии — в 1660 году и продолжал скрупулезно делать записи день за днем в течение девяти с половиной лет. Как убедительно продемонстрировали издатели дневника Роберт Лейтем и Уильям Меттьюз, сохранившаяся рукопись дневника представляет собой чистовой вариант текста, составленного на основе разрозненных заметок, делавшихся в течение дня⁶.

4 Holdsworth. 1956: 650.

5 Holdsworth. 1956: 650-651.

6 Pepys. 2000: I, CI-CIII (Introduction).

Пипс, хотя и, несомненно, изучал различные мнемотехники в школе и университете⁷, не мог похвастаться хорошей памятью, что его постоянно удручало. Своеобразным подспорьем для него, особенно в вопросах профессиональной деятельности, выступали разнообразные заметки, о чем в дневнике сохранилось немало записей:

Домой, в контору, где допоздна провозился весь вечер, делая на память записи в тетрадь обычным почерком⁸ о наших последних встречах с Каркассом⁹; ... и затем мы с У. Хьюэром отправились в «Кока», и там мы с ним пообедали наедине и с большим удовольствием, он читал мне для памяти (for my memory's sake) мои последние подборки по истории военного флота, чтобы я мог представить их герцогу Йоркскому¹⁰.

Помимо дневника он вел несколько разных блокнотов с записями. Большая часть из них не сохранилась и по названиям некоторых из них сейчас сложно догадаться, какого рода записи в них заносились. Например, несколько раз в дневнике упоминается *bu-book*, «часть второго журнала», записи из которой он переносил в свой дневник (24.01.64). Некоторые блокноты были связаны с его личными интересами: в песенник он переписывал понравившиеся слова и мелодии (24.11.1660; 15.11.1665), в «тетрадь наблюдений» — интересные физические опыты, о которых читал или которые пробовал проводить сам (16.08.1664; 3.10.1664), в «тетрадь историй» (*book of tales, book of stories*) — услышанные анекдоты и остроумные высказывания, а то и целые беседы (24.10.1663;

7 Пособие Холдсуорта появилось в конце 1640-х гг., а в 1650 г. Пипс поступил в Кембриджский университет. По всей видимости Пипс был одним из первых студентов, кто ознакомился с этим наставлением.

8 У Пипса — *longhand*, который он отличает от *shorthand* — стенографии, при помощи которой был записан дневник.

9 **Pepys.** 2000: VIII, 187. (26.04.1667).

10 **Pepys.** 2000: IX, 506. (2.04.1669).

3.12.1663; 28.03.1664; 4.03.1667). Другие были частью повседневных практик упорядочивания собственных дел — книга счетов, куда он заносил доходы и расходы, или письменники, куда Пипс копировал написанные им письма (01.07.1667)¹¹. Хотя границу между «частными» бумагами и «деловыми» провести трудно (тот же дневник содержит очень много информации о работе, среди писем сохранились и дружеские, и сугубо деловые), большинство блокнотов имели своей целью помощь в выполнении должностных обязанностей. В дневнике Пипс упоминает несколько записных книжек (тетрадей срочных/важных дел — *book of memorandums* (2.02.1663; 15 и 16.12.1663; 25.02.1668)), в большинстве случаев имея в виду то, что сейчас известно как «Белая книга флота» (*Navy white book*)¹² или ее черновые варианты; «рабочий ежедневник» (*my office day-book* (8.04.1664)) и отдельный блокнот, посвященный работе в Комитете по Танжеру (*Tangier book* (13.12.1666), вероятно то же, что он называет «Танжерскими счетами»), «карманный рыночный блокнот» (*my little pocket market book of the office* (18.11.1667), вероятно содержавший записи о ценах на закупаемую для флота провизию,¹³ «карманную тетрадку выписок из контрактов» (*my little abstract pocket book of contracts* (16.05.1662; 26.07.1667; 24.11.1667;

11 Одна из таких тетрадей, содержащая записанные стенографией копии его «официальных писем» за 1662-1679 ныне хранится в Морском музее Гринвича: **Pepys.1662-1668.**

12 Был и документ, также именуемый *memorandum book*, который вели клерки Пипса в офисе, сохранившийся среди документов Военно-морского ведомства. **Conclusions and Memorandums.** Также 20.06.1662 г. Пипс записал в дневнике, что ему нужна и личная записная книжка такого же рода. По всей видимости она начал ее вести, но она не сохранилась. «Белая книга флота» (*Navy white book*) была начата только весной 1664 г. Возможно, таким же образом именовались и иные записные книжки и журналы.

13 **Pepys. 2000: VIII, 537. n.1 (18.11.1667).**

27.11.1667 и др.)). Из всего этого сохранилась только «Белая книга флота» с личными заметками о работе Военно-морского ведомства и особенно решений коллег, которые Пипс не одобрял, она охватывает период с 1663 по 1672 годы.¹⁴ Однако в дополнение ко множеству копий документов и разрозненных заметок (только в коллекции Роулинсона в Бодлеанской библиотеке насчитывается 27 томов с личными и рабочими бумагами Пипса¹⁵), все эти блокноты, даже если они велись не одновременно и не длительный срок, показывают, частью какой колоссальной повседневной «бумажной» работы по собиранию, сортировке, копированию информации был его «Журнал».

В дневнике можно встретить немало замечаний о том, какую помощь в этом оказывали разнообразные заметки, служившие не столько как резервуар памяти, где те или иные новости сохранялись для будущего использования, сколько как один из внешних факторов, запускающий процесс вспоминания того, что хранится в памяти и последующие размышления: «Встал рано утром и пошел в свой кабинет, перечитывать все наши служебные письма, которые мы писали с тех пор, как я поступил на флот, чтобы восстановить в памяти весь ряд вопросов и внести в рукопись те из них, которые необходимы и имеют большое значение»¹⁶. Именно по этой причине многочисленные и разнообразные заметки помогали в ведении повседневных дел. В особенности это касалось возросшего потока новостной информации, который отмечали многие современники Пипса. Еще в начале столетия

14 Navy white book. Pepys Library, Magdalene College, Cambridge. PL2581. **Samuel Pepys**. 2019.

15 Pepys' Papers. Rawlinson Manuscripts, Bodleian Library, Oxford MSS Rawl. A. 170-195[A].

16 **Pepys**. 2000: IV, 190. (22.06.1663).

Роберт Бёртон в знаменитой «Анатомии меланхолии» красноречиво описывал ошеломляющее количество новостей, при том, что сам он, ведя уединенный образ жизни в Крайст-Чёрч-колледже Оксфорда, подобно «Демокриту в его садике», считал себя лишь безучастным зрителем происходящего:

Что ни день, я слышу новые вести — обычные слухи о войне, бедствиях, пожарах, наводнениях, грабежах, убийствах, резне, метеорах, кометах, привидениях, чудесах, призраках, захваченных селениях или осажденных городах во Франции, Германии, Турции, Персии, Польше и прочее, что ни день сообщают о смотрах, победах, приготовлениях к новой войне и тому подобном, чем так богаты наши времена, о разыгравшихся баталиях и множестве павших на поле боя, о поединках между храбрейшими войнами двух армий, кораблекрушениях, пиратствах и морских сражениях, перемириях, коалициях, всякого рода маневрах и новых призывах к оружию. Смешение бесчисленных клятв, ультиматумов, помилований, указов, прошений, тяжб, ходатайств, законов, воззваний, жалоб, обид — мы слышим об этом каждый Божий день. И что ни день, то новые книги, памфлеты, листки с новостями, истории, целые каталоги всевозможного рода изданий, новые парадоксы, мнения, секты, ереси, философские и богословские диспуты и прочее. То приходят известия о свадьбах, масках, пантомимах, увеселениях, празднествах, прибытии послов, дуэлях и турнирах, подвигах, триумфах, пиршествах, охотах, спектаклях, а то опять словно после перемены декораций, предательства, мошеннические проделки, грабежи, всякого рода чудовищные злодейства, похоронные шествия, погребения, кончины государей, новые открытия, экспедиции, забавное вперемешку с ужасным. Сегодня мы узнаем о назначении новых лордов и должностных лиц, завтра — об опале неких знатных особ, а потом опять о тех, кто удостоился новых почестей; одного выпустили из тюрьмы, другого, напротив, заточили, один — богатеет, другой — разоряется, этот преуспевает, а его сосед становится банкротом, сейчас изобилие, потом вновь нужда и голод, один бежит, другой разъезжает; бранятся, смеются, плачут и прочее. Вот такие новости о делах частных и общественных, и многое еще в таком духе я слышу каждодневно¹⁷.

17 Бёртон. 2005: 78-79.

Хотя Бёртон и описывал события, которые становятся новостями, как что-то неизменно повторяющееся раз за разом, многочисленные культурные изменения раннего Нового времени приводили к тому, что культура новостей делала их все более заметными и постоянно присутствовавшими в поле зрения, в особенности в периоды политической нестабильности, одним из которых был период конца 1650-х — начала 1660-х гг., когда Пипс начал вести свой дневник. Дэниэл Вулф, занимающийся изучением изменений представлений о прошлом и настоящем в английской культуре раннего Нового времени, выделяет из всего XVII столетия 1660-е годы как период, когда события, и, соответственно, новости могли оставаться актуальными максимально длительное время¹⁸. В резко возросшем потоке информации надо было ориентироваться, отличать правдивое от ложного, важное от незначительного, устаревшее от актуального. За новостями не только охотятся, их собирают и архивируют, обращаются к ним снова и снова, поскольку даже старые новости могли неожиданно снова стать значимыми.

При этом раннее Новое время было периодом бурных дебатов касательно сохранения информации. Запоминание превалировало над записыванием еще по меньшей мере до конца XVII века. Одной из центральных идей интеллектуальной культуры Ренессанса было развитие и тренировка памяти в рамках активно развивавшегося искусства памяти, которые становилось все более актуальным по мере увеличения числа циркулирующей информации и развития культуры наблюдения. Память рассматривалась как внутреннее чувство, которое аккумулировало в виде образов информацию, полученную от всех остальных чувств (включая здравый смысл —

18 Woolf. 2001: 96.

sensus communis), для работы воображения и суждения. Искусственная тренировка памяти основывалась на аристотелевском разделении памяти (*memoria*) — способностью помнить то, что происходило раньше, которой обладают все животные, — и вспоминания (*reminscentia*) — способностью вспоминать забытое, свойственной людям. Память виделась как хранилище идей и образов, а ее функционирование — зависящим от работы организма. Считалось, что как любая физическая способность, она могла легко быть повреждена травмой или болезнью, но и без того, со временем память «переполняется» и перестает удерживать всю получаемую от органов чувств информацию. До некоторой степени эту проблему предполагалось решать за счет обновления содержащихся в памяти идей при помощи постоянных повторений — проговаривания заученного наизусть, перечитывания, размышлений, возобновления чувственного опыта и т.п.¹⁹ Однако в основном *ars memorativa* были нацелены на улучшение умения *вспоминать* то, что сохранено в памяти. Этому должны были способствовать разнообразные мнемотехники, а также вспомогательные материалы — упорядоченные диаграммы, рисунки, заметки, индексы и т.п., помогавшими справляться с резко возросшим потоком информации²⁰. Ренессансная традиция также поощряла делать заметки в тетрадах общих мест²¹, в которых следовало сохранять информацию, полученную из разных источников — передавать суть беседы и аргументы диспутов, делать выписки из книг, записывать собственные размышления. Т.е. одновременно

19 Уео. 2020: 59.

20 См. об этом: Блэр. 2024.

21 В коллекции манускриптов, собранной Пипсом, сохранилась такая книга, созданная примерно в 1460-1475 гг. Ее оцифрованная версия доступна на портале Cambridge Digital Library: **Commonplace book**.

тренировать свою память в процессе письма и создавать благодаря записям своеобразные «ключи», которые в процессе перечитывания позволят вспомнить больше, чем написано.

Одним из самых известных адептов искусства памяти в Англии 1660-х годов был богослов Томас Фуллер, с которым Пипс был знаком. Фуллер был известен своей прекрасной памятью не только на разнообразные ученые тексты, но и на подробности жизни известных людей, описания биографий и характеров которых он включал в свои работы. Но при этом он весьма скептически относился к некоторым советам, касавшимся тренировки памяти, называя их «трюками». Свои собственные мысли по этому поводу Фуллер изложил в работе «Благодатное состояние и нечестивое состояние» (1642). Поскольку память виделась необходимой составляющей добродетельной жизни, за ее состоянием необходимо было следить. В его идеях, касательно работы памяти не было ничего существенно нового, пожалуй, ключевым моментом, делавшим их интересными, было то, они являлись частью рассуждений о том, какими способами достичь счастливого достойного и добродетельного состояния как в частной (семейной), так и в публичной жизни. Один из первых советов Фуллера гласил, что не надо перегружать ее:

Не перегружай свою память, чтобы не превратить столь верного слугу в раба. Не забывай про уставшего Атласа. Будь не глупее верблюда, чтобы суметь подняться после того, как загрузился доверху. Память подобна кошельку — если ее набить слишком туго, то невозможно будет закрыть, и все просыпется. Остерегайся жадного любопытства ко многим вещам, иначе ненасытность твоей памяти испортит переваривание информации²².

22 Fuller. 1642: 175.

Помимо «хорошей диеты» для памяти, которую каждый должен подобрать себе сам, в зависимости от своих потребностей, Фуллер советовал, во-первых, систематизировать и упорядочивать знания, поскольку «можно унести в два раз больше веса, если все упаковано в свертки, чем когда оно небрежно заброшено на плечи, болтаясь и раскачиваясь»²³. А во-вторых, не следует стремиться запомнить все, но следует «распределять свои знания между памятью и блокнотами с записями», чтобы болезнь не обворовала человека, лишив его всех воспоминаний и оставив банкротом²⁴.

Иан Доналдсон обратил внимание на сходство, между Пипсом и Фуллером — оба обладали неутолимым любопытством в отношении текущих событий и прошлого, использовали систематизацию и распределение, чтобы справиться с большим объемом информации, с которым им приходилось ежедневно иметь дело.²⁵ Эта значимость хорошей памяти в повседневной жизни касалась не только работы. Хотя личный дневник обычно представляется чем-то максимально далеким от офисной документации, тем не менее, записи Пипса свидетельствуют, что для него «Журнал» имел значение в рамках той же культуры эффективной работы памяти. Упоминаний об этом существенно меньше, чем о записях, помогающих в делах, но те, что есть, показывают очевидное сходство в том, как Пипс относился к ведению разнообразных записок. Так, например, в августе 1664 года он записал: «Бегал туда-сюда, выполнив, к моему большому удовольствию, множество поручений, которые лежали бременем на моем уме и

23 Fuller. 1642: 175.

24 Fuller. 1642: 175-176.

25 Donaldson. 2002: 75-76.

памяти»²⁶, а через полтора года дневник упоминается в том же контексте переполненности памяти, препятствующей как мышлению, так и процессам запоминания и вспоминания. Уехав на несколько дней из дома и не имея под рукой своих бумаг, он испытывал опасения, что не удержит в уме все детали прошедших дней, и после возвращения, первым делом сел за дневник:

Встал и сделал все записи в журнал с 28 октября. Я держал в уме отрывки про каждый день, хотя мне стоило немало труда их запомнить. Но я был вынужден к этому, поскольку несколько дней не мог добраться домой, где хранятся все мои тетради и бумаги.²⁷

Особенно поначалу, когда было не вполне понятно, как изменится политическая ситуация в стране, насколько прочной будет восстанавливаемая монархия, и когда сам Пипс получил должность в военно-морском ведомстве, существенно изменившей его статус, круг общения и обязанности, собиране и удержание в голове самой разной информации, включая новости было действительно делом большой важности.

Состояние, в котором оказался Пипс, Томас Фуллер описал как «ненасытность памяти» (*greediness of the appetite of thy memory*), а современные исследователи Энн Блэр и Питер Сталлибрас назвали «информационной жаждой» (*info lust*), и оно видится сейчас особенностью нарождающейся культуры современности, связанной со стремлением аккумулировать и сохранять информацию самыми разными способами²⁸. Делать выписки из книг, записывать новости, кратко пересказывать в тексте беседы или проповеди и т.п. — все это, а не только наблюдение было частью бурно развивавшихся в культуре

26 Pepys. 2000: V, 249. (22.08.64).

27 Pepys. 2000: VI, 295. (10.11.65).

28 Blair, Stallybrass. 2010: 143.

раннего Нового времени практик ведения заметок, к числу которых принадлежали и дневники. Документ постепенно превращался в необходимость, от него зависело не только успешное ведение дел, но и самоощущение людей.

«Журнал» Пипса был результатом различных практик целенаправленного собирания информации, а не простого стремления описать собственную жизнь. Его поденные записки — не только важная часть наблюдения за собой и окружающими, но и ключевой элемент практик «охоты за новостями». Существенная часть информации в записях каждого дня касалась не его самого, а того, что происходит в стране, со знакомыми или не знакомыми, но публично известными людьми. Причем это были новости самого разного толка — от политически значимых изменений («В полдень прогуливался в [Вестминстер] Холле, где услышал новость о письме от Монка, который снова отправился в Сити и решил выступить за срочное заполнение вакантных мест в Палате [общин]»²⁹) до разнообразных скандальных происшествий:

Я с Кридом и капитаном Феррерсом отправился в парк. Отлично там прошлись, разговаривая всю дорогу и наблюдая, как люди катаются на коньках. И капитан Феррерс сообщил мне о разных происшествиях при дворе, в том числе о том, как с месяц назад на дворцовом балу у одной из танцующих дам случился выкидыш, но никто не знал, у кого. Кто-то подобрал ребенка, завернув в носовой платок. На следующий день все фрейлины рано утром явились ко двору, чтобы снять с себя подозрение. Так что никто не мог сказать, с кем же произошло это несчастье. Однако, судя по всему, м-с Уэллс почувствовала себя дурно после полудня и с тех пор не показывалась, из чего был сделан вывод, что это была она³⁰.

Дневник не просто репрезентирует практики собирания и обмена информацией (пришел и услышал), но является их

29 Pepys. 2000: I, 50. (11.02.1660).

30 Pepys. 2000: IV, 37. (08.02.1663).

частью, поскольку он, наряду с другими тетрадами, которые вел Пипс, сохраняет эту собранную информацию. В этом смысле он представляет собой часть мужской стратегии поведения — как профессиональной, так и социальной. В него преимущественно попадали новости политического характера, сплетни и слухи о разных людях и содержание бесед. Так, например, запись от 28 июля 1666 года по большей части представляет собой заметки о полученных за день сведений: сначала в таверне «Голова Папы» он обедал с коллегами и пересказал в дневнике беседу, касательно того, что природа создает живым существам зубы определенной формы в соответствии с их рационом питания и возражения против этой идеи, затем отправился в Уайтхолл, но заметил лишь, что «ни каких новостей не было». Касательно следующего пункта своего маршрута — Сент-Джеймского дворца, резиденции верховного адмирала герцога Йоркского — он тоже отметил, что узнал и каких новостей (очевидно — политических или касавшихся его работы) не получил. После этого Пипс отправился с графом Сэндвичем в Хайгейт, и беседу о принципах оптики, которую они вели по дороге туда и обратно, пересказал в дневнике. И лишь визит к лорду Лодердейлу удостоился описания не только содержания беседы, но и «странного музыкального концерта»³¹.

В силу своей работы — и обязанностей, требовавших встреч со многими людьми, и расположения Военно-морского ведомства около Тауэра, на другом конце города от резиденций короля и герцога Йоркского, вдалеке почти от всех значимых центров управления — Пипс очень много передвигался по городу и целенаправленно или случайно встречался со многими людьми, записывая потом в дневнике суть бесед с

31 Pepys. 2000: VII, 223-225. (28.07.1666).

ними, услышанные новости и сплетни. Встретив знакомых в любом из пунктов своего назначения или просто на улице, он часто отправлялся в ближайшую таверну для беседы, к которой нередко присоединялись другие знакомые или незнакомые посетители:

Затем с м-ром Кридом в «Голову короля», где славно пообедали, и после обеда между сэром Томас Уиллисом и другим незнакомцем, Кридом и мной завязалась беседа. Они, не зная о том, кто я есть, говорили об ошибках и коррупции во флоте, о больших тратах на него, что я в конце концов опроверг и вывел их из заблуждения. Они восприняли это очень хорошо, и я надеюсь, это послужит к пользе, ибо оба они члены парламента.³²

Порой он делал такие остановки по 5-6 раз в день. Спонтанность этих посиделок проявляется в том, что из 148 подобных заведений, упоминавшихся в дневнике Пипса, только 17 встречаются в тексте более 10 раз. В ставшем уже классическим исследовании английских кабаков Питер Кларк подчеркивал их роль в социальной жизни различных сообществ, как пространств общения, где могли обсуждаться дела и заключаться сделки, где происходил обмен информацией, обсуждались политические события, формировались социальные ритуалы.³³

Равным образом, Пипс направлялся туда, где можно было услышать самые последние новости или поучаствовать в интересном разговоре. Помимо очевидных визитов с этой целью в основные властные пространства — Уайтхолл, Сент-Джеймский дворец, резиденцию герцога Йоркского, Казначейство и т.п. одним из любимых мест для таких вылазок был Вестминстер-холл, расположенный в непосредственной близости от многих политически значимых центров — в

32 **Pepys.** 2000: IV, 37. (08.02.1663).

33 **Clark.** 1983: 2.

первую очередь парламента и Уайтхолла. Время от времени этот зал использовался для судебных заседаний, а в обычные дни был заполнен лавками книготорговцев. В силу этого пространство Вестминстер-холла было местом, где можно было встретить и интересного собеседника или побеседовать с книготорговцами и узнать самые свежие новости и сплетни. Нередко бывая в Вестминстере по делам или специально заглянув туда, Пипс прогуливался, делая несколько кругов по этому залу, и вел беседы:

И отсюда в Вестминстер-холл слушать наше дело, но оно еще не рассматривалось сегодня, так что спустился вниз и там прогуливался в Холме и встретил Нэда Пикеринга, который рассказал мне новости о его племяннике Гилберте, который оказался большим жуликом, затем я взял в оборот м-ра Ивлина с которым прогуливался два часа, почти до часу дня...;³⁴ Оттуда в Вестминстер и прошелся несколько раз по Холлу. Палата [общин] сегодня не заседала и новостей было мало, лишь некоторые разговоры о том, насколько вероятно соглашение между Францией и Испанией, которое чревато для нас неприятностями³⁵.

Другим информационным пространством были появившиеся в Лондоне в 1650-х годах кофейни, о социокультурной роли которых написано немало исследований³⁶. Хотя они также были центрами распространения новостей, кофейни в первую очередь славилась затевавшимися там дискуссиями. Специфика кофейен заключалась в том, что там не продавали алкогольных напитков, но можно было попробовать помимо кофе другие экзотические товары — чай и шоколад, покурить табак и купить различные снадобья. Это отсутствие алкоголя, как считают исследователи, способствовало более

34 Pepys. 2000: VIII, 181. (26.04.1667).

35 Pepys. 2000: VIII, 153. (06.04.1668).

36 См., например: Ellis. 1956; Cowan. 2005; Ellis. 2011. О роли кофейен в формировании читательской аудитории см. также: Алябьева. 2004: 119-132.

серьезным беседам. Брайан Кауан характеризует кофейни как пространство, где люди собирались, чтобы узнать свежие новости и обсудить важные сделки³⁷. Там завязывались дискуссии на самые разные темы от политики (чем прославился республиканский Рота-клуб, собиравшийся «У Майлза», где несколько раз бывал Пипс) до египетских древностей или строения насекомых. Стоил кофе довольно дешево, поэтому в кофейнях собиралась самая разная публика³⁸. Уже в 1660-х годах появилась своего рода специализация кофеен, сближавшая их с развившейся позднее клубной формой общения. В кофейне Ллойда встречались купцы и моряки, занятые в международной торговле (считается, что из этого вырос страховой дом Ллойда), кофейня «У Уилла», рядом с Ковент-Гарденом, была любима литераторами, ее завсегдатаем и душой этой кампании был драматург Джон Драйден, которого Пипс немного знал по Кембриджу. Несмотря на признанную роль кофеен в формировании публичной сферы, они могли рассматриваться и как «частное» пространство для отдыха, бесед с друзьями и соседями. Как и в тавернах, здесь могло собираться частное локальное сообщество, Б. Кауан подчеркивает, что никакого противостояния между «частной» и «публичной» функцией кофеен не было³⁹.

Пипс главным образом выбирал кофейни, где собиралось более ученое общество:

37 Cowan. 2005: 79.

38 Исследователи долго спорили, допускались ли в кофейни женщины. Поводом для дискуссий была «Петиция женщин против кофе» 1674 г. По всей видимости, следует согласиться с Б. Кауаном в том, что формального запрета не существовало, но специфика кофеен и завязывавшихся в них дискуссий практически исключала возможность участия в них женщин. Во всяком случае Пипс как-то раз вывел жену и ее компаньонку в кофейню (30.03.1668).

39 Cowan. 2007: 1183.

В полдень в кофейню, где была превосходная беседа с сэром Уильямом Петти, который предложил рассматривать как весьма спорный вопрос о существовании различия между бодрствованием и сновидением, поскольку сложно не только понять, делаем ли мы нечто в действительности или же во сне, но и выяснить разницу между одним и другим.⁴⁰

Если поначалу он посещал их, как и таверны с большой кампанией, то, примерно с 1663 года стал ходить туда один, чтобы не вести отдельных разговоров между друзьями, но включаться в завязывавшиеся там беседы. Он старательно записывал их содержание, а также новости и услышанные пикантные истории.

Значимость дневника как способа сохранения не просто важных по тем или иным причинам сведений, но ситуаций обмена информацией подчеркивается и тем, что они чаще всего записываются с указанием, от кого и где он их узнал. До середины XVII в., по оценке исследователей, устное и письменное общение оставалось основным каналом передачи новостей, но в условиях резко возросшего (особенно из-за политической и религиозной нестабильности) новостного потока широкая аудитория начала все больше обращаться к печатным материалам как обладающим определенной степенью достоверности. Это способствовало появлению первых периодических новостных изданий. Однако, как отмечал Д. Вулф, печатные и устные источники информации еще не разделились как достоверные (новости) и недостоверные (слухи)⁴¹. Достоверность, как писал в свое время Стивен Шейпин, продолжала коррелировать с социальным статусом информанта, но эта корреляция все больше и больше ставилась под сомнение⁴².

40 Pepsys. 2000: V. 108. (02.04.1664).

41 Woolf. 2001: 102-104.

42 Shapin. 1995.

Стремление по возможности указывать кто и где, при каких обстоятельствах сообщил те или иные сведения демонстрирует важность сохранения не только самих новостей или ученых обсуждений, но и источник той или иной информации, связано с социальной значимостью информационной культуры. Новость сама по себе, как в приводившемся выше цитате о «новости о письме от Монка», появляющаяся в дневнике, это как правило публично известные сведения. В остальных случаях (за одним исключением, о котором пойдет речь ниже) Пипс записывает имя того, кто передал ему ту или иную информацию и ситуацию, в которой это случилось. Но также «анонимные» новости, тем не менее четко привязаны у него к дате и к месту, где они были услышаны.

Новостная культура XVII столетия чаще всего обсуждается в контексте развития печатной прессы — как разовых изданий, вроде памфлетов, новостных листков, так и периодических, чаще всего именуемых новостными книгами из-за формата издания и периодичности раз в одну или две недели⁴³. Потихоньку они начинали вытеснять рукописные сводки новостей, приобретшие популярность с конца XVI века. О последних в дневнике нет информации, но печатные новости Пипс то и дело покупал и читал. К. Лавман обращала внимание на то, что Пипс сам писал сводки новостей для тех, кто был в отъезде⁴⁴. Кроме того среди его бумаг сохранились более поздние рукописные сводки новостей, распространявшиеся в кофейнях, в которых сам Пипс фигурирует в качестве героев одного из слухов.⁴⁵ Однако, основным каналом передачи новостей по-прежнему оставались личные связи.

43 См. каталог ранней британской прессы: **Nelson**. 1987.

44 **Loveman**. 2015: 86.

45 **Two coffee-house manuscript**. 1679.

Новостная культура еще не существовала вне непосредственных отношений между людьми, даже печатные новости создавались на основе передававшейся лично информации и читались как правило в дополнение к сведениям, получаемым через сети самых разнообразных знакомств и родственных связей. Возможность быстро получать разнообразные новости частным путем, а не довольствоваться публично известной информацией была существенной составляющей социального капитала, и, соответственно обмен новостями играл ключевую роль в «социальном траффинге»⁴⁶.

Пипс начал вести дневник в тот период своей жизни, он перестал быть лишь частью домохозяйства своего влиятельного родственника и покровителя Монтегю и получил возможность преуспеть самому в совершенно новой деятельности (в значительной мере именно по этой причине он отказался от места личного секретаря Роберта Даунинга в Казначействе, не дававшего никаких перспектив). Важнейшей составляющей такого успеха было владение информацией, которую за неимением пока еще связей, которые позволяли бы ее получать, Пипсу приходилось собирать самому, действительно охотясь за новостями и слухами. Кейт Лавман прекрасно показала социальную значимость их собирания для Пипса:

Новости, которые Пипс записывал в своем дневнике, могли иметь для него разную ценность. Они могли быть ценны просто потому, что касались близкого человека. Они могли, как, например, новости о перевозках и стоимости товаров, цениться потому, что помогали ему хорошо работать на своем посту. Среди наиболее полезных новостей была информация, которая помогала ему заискивать перед начальством или распознавать новые угрозы во флотской иерархии и при дворе⁴⁷.

46 **Belo.** 2016: 380.

47 **Loveman.** 2015: 90.

Исследовательница продемонстрировала в своей монографии, что собирание не только новостей, но и книг играло важную роль в выстраивании и поддержании значимых социальных связей и целенаправленно использовалось Пипсом с этой целью⁴⁸. Харольд Лав и вовсе называет Пипса неутомимым искателем полезной информации, отмечая, что, хотя он порой любил записать какую-нибудь любопытную сплетню или анекдот ради самой истории, его основной целью было собирание информации о людях, которые могли быть тем или иным образом причастны к выполнению его обязанностей⁴⁹. Таким образом дневник, связанный одновременно с культурой памяти и практиками общения играл важнейшую роль в повседневных стратегиях поведения чиновника — он позволял аккумулировать большое количество новостей и прочей информации, запоминать в процессе переписывания, чтобы потом в нужный момент ее вспомнить.

Однако успех в делах и выстраивании социальных связей определялся не только владением информацией любого рода, в силу чего скандальных сплетен в дневнике так же много, как и других «полезных» новостей, но и пониманием правил, по которым она функционировала в том или ином сообществе. В 1662 году Пипс записал в дневнике свой фрустрирующий опыт чтения недавно опубликованной псевдо-героической сатирической поэмы «Гудибрас» Сэмюэля Батлера⁵⁰, в которой высмеивались пуритане, пресвитериане, круглоголовые и другие группы людей, ассоциировавшиеся с периодом революции и Протектората. Поэма стала невероятно

48 Loveman. 2015: 80-107.

49 Love. 2008: 93.

50 Подробнее об этом см.: Стогова. 2021.

популярной⁵¹, и поскольку все вокруг восхваляли и цитировали «Гудибраса», Пипс также решил ее прочесть, но нашел оскорбительной и совершенно лишенной остроумия. Однако, стремясь стать своим в новом для себя окружении, он несколько раз предпринимает попытки перечитать поэму в надежде понять, за что ее так хвалят:

Это действительно раздражает, быть настолько настроенным против того, что весь свет восхваляет как образчик остроумия; в силу чего я настроен снова его прочесть и увидеть, смогу я счесть его таковым или нет.⁵²

К. Лавман отмечала, что это упорное стремление было обусловлено тем, что книга была в моде, и в среде, в которой вращался Пипс, ее необходимо было знать⁵³. Но, хотя эта история и не имеет прямого отношения к новостной культуре, многократное перечитывание и досада оттого, что он не понимает достоинств поэмы, свидетельствует также о том, что Пипс либо не до конца понимал особенности режима информации, которым определялось в первую очередь политическое придворное сообщество, либо, что более вероятно, подчеркивал в своих записях принадлежность к «серьезным» государственным людям. Поэма была откровенной политической сатирой, популярной среди тех, кто стремился воспользоваться политической конъюнктурой первых лет Реставрации, демонстрируя свою лояльность новому режиму через отсылки к этому тексту, его литературные достоинства или отсутствие таковых имели второстепенное значение. Но такое поведение приветствовалось и было уместным отнюдь не

51 На волне популярности, Батлер написал и опубликовал вторую (1663), а затем и третью (1678) части.

52 *Pepys*. 2000: VI, 35. (6.02.63).

53 *Loveman*. 2015: 39.

езде. Позднее, когда ажиотаж вокруг поэмы утих, Пипс записал, как член Палаты общин Эдвард Сеймур попробовал прибегнуть к этой поэме в споре с флотскими чиновниками по поводу захваченных во время войны с Голландией кораблей, и отметил по этому случаю странность обращения к «Гудибрасу» среди «серьезных» людей:

Но я не мог не думать, о том, что член Парламента в серьезном разговоре перед такими людьми, как мы, милорд Брункер и сэр Джон Миннес, непременно должен цитировать “Гудибраса”, поскольку это книга, которую, я сомневаюсь, он читал чаще всего⁵⁴.

К. Лавман обращает на это внимание в связи с тем, что университетское образование как пример разделяемого джентльменами знания способствовало относительно легкой интеграции Пипса в сообщество людей, занимавшихся управлением флотом, хотя они имели более высокий статус и происхождение⁵⁵. Однако это объяснение представляется недостаточным. Питер Бёрк в своей известной работе «Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро» отмечал, что, изучая феномен научной революции раннего Нового времени, нужно учитывать как то, что «знание» не было единым, но разные социальные группы порождали свое знание, так и то, как эти типы знания соотносились и взаимодействовали между собой⁵⁶. Его рассуждения можно отнести и к информационной культуре раннего Нового времени в целом, поскольку в ситуации существенных сдвигов и в социальной структуре и в структуре информационной сообщества определяли себя и через специфические режимы информации — разделяемые практики обмена информацией, критерии ее

54 **Pepys.** 2000: VI, 262. (11.10.1665).

55 **Loveman.** 2015: 60.

56 **Burke.** 2015: 14-17.

оценки, отношение к ее публичному использованию. Эти разные сообщества пересекались и наслаивались друг на друга, как показывает история с «Гудибрасом», отнюдь не сводились к разделению на джентльменов, обладающих определенным разделяемым набором знаний, и всех остальных.

Пипсу приходилось взаимодействовать с очень многими людьми и пытаться вписаться в разные сообщества. До начала ведения дневника он вращался преимущественно в среде родных, прислуги и мелких клерков, но, начав выстраивать собственную карьеру, стал тесно общаться с людьми другого уровня, в первую очередь представителями «среднего класса» — обеспеченными производителями и торговцами Сити, но также и придворными, чиновниками разного уровня, капитанами, учеными-*virtuosi* и аристократами, вплоть до влиятельных политических фигур. Иэн Арчер проанализировал постепенную смену круга общения Пипса, подчеркивая, что такие фигуры, как он были своего рода посредниками между представителями разных кругов, в особенности — двумя довольно обособленными сообществами «двора» и «города»⁵⁷. Особенность положения Пипса Арчер связывает и со спецификой циркуляции информации, поскольку сети его знакомств позволяли ему получать новости и сплетни из очень разных источников. Его новое и, что еще важнее, то и дело меняющееся положение в обществе требовало умения вращаться в разных кругах и само по себе способствовало постепенному изменению его представлений об общении.

Владение разнообразной информацией и умение правильно ею распорядиться также было важной частью

57 Archer. 2000: 84. Арчер составил и таблицу, в которой отражен, распределенный по категориям, социальный статус людей, с которыми общался Пипс (р. 81).

завоевания авторитета в новой среде и в новом статусе. Истории с изменением поведения в отношении кофеев и чтением «Гудибраса» свидетельствуют о стремлении Пипса адаптироваться в новой информационной среде. Он собирал в дневнике не только заметки об обсуждении вопросов политики, этики или науки, но и скандальные истории, вроде выкидыша на балу, о том, как племянник лорда кукарекал за обеденным столом,⁵⁸ или как два придворных поэта бегали ночью без штанов по улицам Лондона⁵⁹, которые потом мог бы пересказать в другом разговоре. По всей видимости, упоминавшаяся в дневнике «Тетрадь историй» служила именно этой цели. Ценность информации, которая заносилась в дневник, определялась не ее достоверностью или значимостью события, с которой она связана, и даже не эксклюзивностью, поскольку как правило он пересказывал новости услышанные от других, но возможностью использовать ее информацию с разными целями — обмениваться ею как ценным товаром, позволяющим приобретать и сохранять разнообразный социальный капитал, выстраивать отношения с разными людьми, основываясь на сохраненных в памяти, благодаря дневнику, сведениях о них, выполнять свои обязанности и преуспеть в этом лучше остальных, понимать, что происходит в стране и какова расстановка сил в политике, для ведения светских бесед и бесед ученых и т.п. И в этом практическом применении был важен не какой-то один тип информации, а их разнообразие, поэтому сплетни и слухи оказывались не менее ценными, чем политические новости или научные открытия.

Эти разные цели были связаны и с тем, что надо было варьировать свое поведение и «переключаться» с одного

58 Pepys. 2000: VIII, 556. (6.12.1667).

59 Pepys. 2000: IX, 335. (23.10.1668).

информационного режима на другой: анекдот о бегавших с голым задом придворных Пипс спустя три дня пересказал своему покровителю графу Сэндвичу в беседе о «печальном положении дел в наше время»,⁶⁰ но он был бы совсем неуместен во многих других беседах. В то же время этот случай, как и история с «Гудибрасом» показывает и то, что основным ориентиром для него все же оставалась университетская, ученая и «деловая» культура, определявшая критерии серьезных бесед и новостей и тех, которые могли служить скорее для развлечения. Не случайно он противопоставляет «серьезных» людей, с которыми не стоит обсуждать эту сатирическую поэму с дурным, на его вкус, остроумием, «всему свету», идущему на поводу у моды. Еще одним следствием того, что отбор новостей, попадавших в дневник, и отношение к ним определялись специфическим, характерным для мужской деловой культуры режимом информации, является игнорирование Пипсом женских сплетен несмотря на то, что новости, которые мы сейчас могли бы назвать сплетнями, сообщавшиеся мужчинами, хоть и вызывали у него иронию, но старательно записывались. Как показывает дневник Пипса и многие другие документы раннего Нового времени, для выстраивания и поддержания нужных связей они были куда ценнее публичных, известных многим новостей.

Сплетничающие женщины выступали в качестве воображаемого сообщества, активно критикуемого в различных изданиях XVII века (в том числе в виду коммерциализации и профессионализации новостей и повышавшейся конкуренции в этой сфере), они были постоянным объектом осмеяния в пьесах, памфлетах и сатирических изображениях. В словарях того времени подавляющее число упоминаний

60 *Pepys*. 2000: IX, 338-339. (26.10.1668).

существительного gossip — это характеристика человека, гораздо реже это слово характеризует сам процесс общения⁶¹. Но как в словарях, так и в дневнике Пипса мы не найдем ни этого слова, ни его синонимов как характеристики самой новости, передаваемого сообщения, которое мы сегодня называем сплетней, хотя с XVII века использовался глагол to gossip, обозначающий досужую бесцельную болтовню о чужих делах⁶². В XVII столетии у существительного gossip и производных от него форм выделялось два на первый взгляд очень разных значения. Основное — это крестный родитель (как мужчина, так и женщина), и, в разнообразных производных от существительного формах — все, что имеет отношение к родам и крестинам⁶³. Другое значение — человек, который разносит сплетни — отсылает почти исключительно к женщинам-сплетницам. Многие исследователи отмечали, что понятие сплетничание (gossiping) в раннее Новое время ассоциировалось преимущественно именно с женским общением и сетью женских социальных связей⁶⁴. Клэр Уолкер отмечала, что на смену позднесредневековому порицанию пустой болтовни (idle talk) вне зависимости от гендера, пришло осуждение женских сплетен⁶⁵. Связь между двумя значениями слова gossip в этих случаях определяется как раз специфическим режимом информации, обусловленным и особой коммуникативной ситуацией — многочасового общения женщин у

61 Здесь и далее информация основана на результатах поиска слова 'gossip' на портале «Lexicons of Early Modern English». **LEME**: 'gossip'.

62 **OED**: 'gossip'.

63 Например: «...вернулся в Вестминстер, как и было уговорено, встретился с женой у м-с Хант, чтобы отпраздновать с ней крестины (to gossip with her). Были только мы и было очень весело. Подарил ей чашку и ложку для крестника моей жены». **Pepys**. 2000: III, 7. (10.01.1662).

64 См. об этом: **Capp**. 2004.

65 **Walker**. 2015: 13.

постели роженицы. Эта «бесцельная» и бесконечная болтовня, не затрагивавшая никаких серьезных вопросов и преимущественно касавшаяся того, что случилось в кругу соседей, родственников и знакомых, ассоциировалась с женским типом общения. Такая специфическая модель обмена информацией за пределами дома хорошо отражена, например в сатирической ксилография 1560-х годов «Балаболство, или несколько видов сплетничания»⁶⁶, которая воспроизводилась и продавалась как минимум до середины XVIII столетия. На ней показаны пространства женского общения в городе, начиная с комнаты роженицы — рынок, пекарня, церковь, река, у которой стирают белье, паб и так далее. Негативные коннотации, которое имело это понятие, было связано с невозможностью контролировать свободу этих женских разговоров («У постели роженицы, где встречаются сплетницы / нам рассказывают отличные истории, / А если они слегка переберут, / Их языки и вовсе не остановишь») и с отсутствием видимой пользы, или даже в ущерб делам («На рынке, где встречаются почтенные домохозяйки / Они как ненормальные будут болтать, / Когда и рынок уже давно закрылся, / Прежде чем пойдут домой», а также с кокетством и фривольностью («В церковь прекрасные леди отправляются / Чтобы подглядеть новые модные фасоны. / А другие иногда идут в церковь, / Дабы продемонстрировать свою дерзость»)⁶⁷.

Среди самой разнообразной информации, которую Пипс собирал в своем дневнике, включая очевидные сплетни обо всяких скандальных историях, за исключением редких случаев не найдется такой, которая была бы отмечена как услышанная от женщины. Изредка он упоминал, что какие-то

66 Tittle-Tattle.

67 Tittle-Tattle.

новости о слугах, родных или соседях ему сообщила жена, но всего несколько раз за все годы ведения дневника указывал, что почерпнул информацию из разговора с какой-либо другой женщиной. Так в июне 1660 года он отмечает историю, которую сложно было пропустить, о том, что «старая леди Миддлсекс обделалась на днях в присутствии короля, что было замечено присутствовавшими»⁶⁸. Она была рассказана ему миссис Тёрнер, супругой лондонского юриста, далекого от придворных кругов, Джона Тёрнера, которую несколько лет спустя назвал «заядлой сплетницей»⁶⁹.

Он не стремился использовать (или по меньшей мере не считал необходимым записывать в дневнике) информацию, полученную от леди Монтегю или других высокопоставленных дам. По всей видимости, это можно соотнести с его общим отношением к женщинам, которых он редко оценивал самостоятельно значимых фигур⁷⁰, и с собственным стремлением как можно меньше впутывать жену в свое общение с коллегами во многом из-за ревности («...там был сэр У. Баттен со своей женой и дочерьми и полковник Тресуэлл и майор Холмс, который, как я почувствовал, был склонен повольничать и сблизиться с моей женой; но я должен это предотвратить»⁷¹). Немаловажно и наблюдение Изна Арчера, что деловых кругах Сити (особенно среди людей не самого высокого статуса) в меньшей степени нежели при дворе было распространено смешанное общение, и женщины реже были посвящены темы мужских дискуссий, а потому не представляли

68 **Pepys.** 2000: I, 181-182. (22.06.1660).

69 **Pepys.** 2000: VII, 121. (10.05.1666).

70 Об этом см.: **Loveman.** 2022: 1221-1243.

71 **Pepys.** 2000: III, 4. (06.01.1662).

для Пипса большого интереса как источники информации⁷². Так или иначе, Пипс, используя только отношения с мужчинами для получения информации и выстраивания полезных связей, явно не до конца представлял себе как было устроено придворное сообщество, в котором связи между женщинами (родственные, патронажные и иные) имели огромное значение как в социальном аспекте, так и с точки зрения передачи информации, в особенности той, которую по каким-то причинам нельзя было передать «официальными» путями⁷³. Если сведения, которые могли распространять женщины, и виделись ему интересными и полезными, он явно не считал их информацией того рода, что стоило сохранять в дневнике. Точнее даже будет сказать, что он не считал необходимым сохранять информацию о женщинах, которые могли что-то ему сообщать. Хотя Пипс по преимуществу игнорирует обычные «бабские толки» о родных и соседях, если они не касаются его самого и его жены, записывая при этом придворные сплетни, это вовсе не означает, что в дневнике вовсе нет информации, которую он мог получать через знакомых женщин и родственниц. Известия, вроде этих — «Покончив с этим отправился домой обедать, и там услышал, что сегодня Пег Пенн вышла замуж, церемония была скромной — никаких друзей, только по два-три родственника с его и ее стороны. Они позаимствовали немало посуды у меня на кухне, чтобы подать обед»⁷⁴ или «Я слышал, что у бедной Митчел умер ребенок»⁷⁵

72 Archer. 2000: 89.

73 Пример этого можно увидеть в работе Анны Серegiной: Серегина. 2021.

74 Маргарет (Пег) Пенн — дочь сэра Уильяма Пенна вышла замуж за сэра Энтони Лоуфера. Pepys. 2000: VIII, 63. (15.02.1667).

75 Элизабет (Бетти) Митчелл была дочерью лавочника и женой кабатчика Майкла Митчелла, владельца таверны «Старый лебедь». 23 апреля она

— Пипс скорее всего получил от жены, которая, в свою очередь, узнала их от других женщин. Но, даже если новость (или сплетня) сама по себе представлялась ему достойной внимания по тем или иным причинам (Пег Пенн, например, была дочерью его коллеги и одного из основных соперников в вопросе продвижения по службе сэра Уильяма Пенна, а Элизабет Митчел — кузиной, дочерью тети Пипса по материнской линии) те личные коммуникации, в которых могло бы иметь значение, кто именно ее сообщил, не представляли интереса для его собственного будущего. Он был заинтересован в том, чтобы налаживать связи с влиятельными торговцами Сити, чиновниками и придворными и уделал внимание тому, что могло способствовать налаживанию этих связей.

Таким образом появление или отсутствие той или иной новости или сплетни, вне зависимости от ее достоверности, а также то, как именно они были записаны, было обусловлено двумя факторами, в каждом из которых важное значение имели гендерные иерархии. Во-первых — сами практики активного документирования, которые Пипсу — выпускнику университета, чиновнику и virtuoso — как и многим другим виделись частью мужской деловой и ученой культуры. «Журнал» (как и другие, более поздние дневники Пипса, существовавшие параллельно с разнообразными тетрадями, куда заносились те или иные сведения) был тесным образом связан с культурой заметок, которые представляли собой инструмент работы с информацией — ее накопления, систематизации, сохранения с целью дальнейшего использования. Потребность в нем в значительной мере была обусловлена «ненасытностью памяти» человека, стремящегося выстроить

родила дочь, которую тоже называли Элизабет, но та не прожила и двух месяцев. *Рерис*. 2000: VIII, 277. (18.06.1667).

успешную карьеру и достичь более высокого положения, для чего ему и требовалось принимать во внимание большое количество информации, которую можно было использовать в общении. Безусловно, такой типаж «высочки из низов» был отнюдь не единственным в культуре раннего Нового времени, кому требовались новости и сплетни. Об этом свидетельствуют и некоторые другие дневники, включая женские. Известные дневниковые записи леди Энн Клиффорд⁷⁶ были частью ее большой работы по собиранию информации, необходимой для успешной борьбы за наследство⁷⁷. Однако в случае с Пипсом ведение записей и собирание разного рода новостей было мужской профессиональной стратегией успеха. Как раз этот, весьма внушительный пласт новостной информации в дневнике Пипса, зачастую не имеющий непосредственного отношения к его биографии, наиболее очевидным образом связан с практической пользой, которую могло принести ведение дневника как подспорья для удержания в голове большого количества разнообразных сведений, представлявших полезными в условиях существенных изменений в его собственной жизни и перемен в стране. Во-вторых, с той же маскулинной культурой деловых кругов Сити были связаны

76 Clifford. 1991.

77 Ее отец Джордж Клиффорд, барон Клиффорд и граф Камберленд (1558-1605) не имел детей мужского пола, титул графа (передававшийся по мужской линии) и земли перешли его младшему брату Френсису. Леди Энн получила титул баронессы Клиффорд, который передавался напрямую наследнику вне зависимости от пола и 15000 фунтов стерлингов. Однако, по инициативе ее матери было начато судебное разбирательство с требованием передать леди Энн все земли Клиффордов на основании того, что не только баронский титул, но и связанные с ним земли должны были передаваться напрямую наследнику любого пола, согласно условиям изначального пожалования земель. Получить земли леди Энн смогла только после смерти сына Френсиса Клиффорда Генри в 1643 году и в силу того, что он не оставил прямых наследников.

и представления о ценности той или иной информации, а также о достойных, эффективных и уместных способах обмена ею. Если он стремился к тому, чтобы наладить общение с придворными и высшими чиновниками, собирая и делясь той информацией, которая была востребована в этих кругах, даже если сам не вполне понимал или одобрял эти практики общения, то сведения, которые можно было получить через сети женского общения явно представлялись ему недостойными если не внимания, то запоминания для выстраивания коммуникации. И именно в силу этого его дневник позволяет выявить некоторые социальные и гендерные аспекты информационной культуры раннего Нового времени.

Список источников и литературы

Алябьева. 2004 — Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI-XIX веках. М.: НЛО, 2004.

Бёртон. 2005 — Бёртон Р. Анатомия меланхолии. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Блэр. 2024 — Блэр Э.М. Знать слишком много. Организация научной информации до Нового времени. М.: Litres, 2024.

Йейтс. 1997 — Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская Книга, 1997.

Серегина. 2021 — Серегина А.Ю. Англичанки в Мадриде и Брюсселе XVII века: женский патронат и эмигранты-католики «за морем» // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 29. Москва: ИВИ РАН, 2021. С. 43-87.

Стогова. 2021 — Стогова А.В. Пипс читающий: страсть к книгам в мужском английском дневнике XVII в. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 29. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 188-242.

Archer. 2000 — Archer I.W. Social Networks in Restoration London: the Evidence from Pepys Diary // Communities in Early Modern England: Networks, Place, Rhetoric / eds. A. Shepard, P. Withington. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. P. 76-94.

Belo. 2016 — Belo A. News Exchange and Social Distinction // News Networks in Early Modern Europe / ed. by J. Raymond, N. Moxham. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2016. P. 375-393.

Blair, Stallybrass. 2010 — Blair A., Stallybrass P. Mediating Information, 1450-1800 // This Is Enlightenment / eds. C. Siskin, W. Warner. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 139-163.

Burke. 2015 — Burke P. Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot. Cambridge: Polity, 2015.

Capp. 2004 — Capp B. When Gossips Meet: Women, Family, and Neighbourhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Carruthers. 1990 — Carruthers M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Clark. 1983 — Clark P. The English Alehouse: A Social History, 1200-1830. L., N.Y.: Longman, 1983.

Clifford. 1991 — Clifford A. countess of Pembroke. The Diaries of Lady Anne Clifford. Wolfeboro Falls: Alan Sutton, 1991.

Commonplace book — Commonplace book and handbook of liturgical music (Use of Sarum). Cambridge, Magdalene College, Pepys MS 1236. University of Cambridge Digital Library. URL: <https://cudl.lib.cam.ac.uk/view/MS-MAGDALENE-PEPYS-01236/1> (29.09.2024).

Conclusions and Memorandums — Conclusions and Memorandums Occasional. The National Archives, Kew. PRO. ADM 106/3520.

Cowan. 2005 — Cowan B. The Social Role of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse. New Haven, L.: Yale University Press, 2005.

Cowan. 2007 — Cowan B. Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses // History Compass. 2007. V. 5. N. 4. P. 1180-1213.

Donaldson. 2002 — Donaldson I. National Biography and the Arts of Memory: From Thomas Fuller to Colin Matthew // Mapping Lives: The Uses of Biography / ed. by P. France, W. St. Clair. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 67-82.

Dover. 2023 — Dover P. M. The Impacts of Paper's Abundance, 1450–1650. An Episode in Coevolution // Paper Stories – Paper and Book History in Early Modern Europe / ed. by S. Hufnagel, Þ. Sigurðardóttir, D. Ólafsson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2023. P. 47-71.

Ellis. 1956 — Ellis A. The Penny Universities. A History of the Coffee Houses. L.: Secker & Warburg, 1956.

Ellis. 2011 — Ellis M. The Coffee House: A Cultural History. L.: Orion Publishing, 2011.

Fuller. 1642 — Fuller T. The Holy State and the Profane State. Cambridge: Printed by Roger Daniel, 1642.

Holdsworth. 1956 — Holdsworth R. Directions for a student in the Universitie // Fletcher H. F. The intellectual development of John Milton. Urbana: University of Illinois Press, 1956. Vol. II. P. 623-664.

LEME — Lexicons of Early Modern English. URL: <https://leme.library.utoronto.ca> (29.09.2024).

Love. 2008 — Love H. Gossip and Biography // Writing lives: biography and textuality, identity and representation in early modern England / eds. K. Sharpe, S.N. Zwicker. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91-104.

Loveman. 2015 — Loveman K. Samuel Pepys and his books: reading, newsgathering, and sociability, 1660-1703. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Loveman. 2022 — Loveman K. Women and the History of Samuel Pepys's Diary // The Historical Journal. 2022. Vol. 65. № 5. P. 1221-1243.

Nelson. 1987 — Nelson C. British newspapers and periodicals, 1641-1700: a short-title catalogue of serials printed in England, Scotland, Ireland, and British America. N. Y.: Modern Language Association of America, 1987.

OED — Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (29.09.2024).

Pepys. 1662-1668 — Pepys S. Letterbook of the official correspondence of Samuel Pepys, 1662-1668 (copies). The National Maritime Museum, Greenwich. NMM. LBK/8

Pepys. 2000 — Pepys S. The Diary of Samuel Pepys /ed. by R. Latham, W. Matthews. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. Vol. I-IX.

Samuel Pepys. 2019 — Samuel Pepys and the Second Dutch War: Pepys's Navy White Book and Brooke House Papers. Samuel Pepys and the Second Dutch War / ed. by R. Latham. N. Y.: Routledge, 2019.

Shapin. 1995 — Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England: Science and its conceptual foundations. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Tittle-Tattle — Tittle-Tattle; Or, the several Branches of Gossiping. The British Museum, London. 1973, U.216. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1973-U-216 (29.09.2024)

Two coffee-house manuscript. 1679 — Two coffee-house manuscript news-letters, the second written by one named Mason, containing the fictitious story of Pepys being repulsed on going to the King at Windsor, 6 and 8 Sep 1679. The Bodleian Library, Oxford. MS. Rawl. A. 188, fols. 93, 95.

Walker. 2015 — Walker C. Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society // Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe. Fama and Her Sisters / eds. H. Kerr, C. Walker. Turnhout: Brepols Publishers, 2015. P. 9-35.

Woolf. 2001 — Woolf D. News, History and the Construction of the Present in Early Modern England // The Politics of Information in Early

Modern Europe / eds. by B. Dooley, S. A. Baron. L.; N. Y.: Routledge, 2001. P. 80-118.

Yeo. 2020 — Yeo R. Media and Technology: Notes, Memory and Recollection // Cultural History of Memory / ed. by M. Tamm, A. Arcangeli. Volume 3. In the Early Modern Age. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 57-75.

REFERENCES

Aliabieva, Lyudmila. *The Literary Profession in England in the 16th-19th Centuries*. Moscow: New Literary Review, 2004. (In Russian)

Archer, Ian W. "Social Networks in Restoration London: The Evidence from Pepys Diary." In *Communities in Early Modern England: Networks, Place, Rhetoric*, edited by A. Shepard, P. Withington, 76-94. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000.

Belo, André. "News Exchange and Social Distinction". In *News Networks in Early Modern Europe*, edited by J. Raymond, N. Moxham, 375-393. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2016.

Blair, Ann M. *Too Much to Know. Managing Scholarly Information before the Modern Age*. New Haven; London: Yale University Press, 2010.

Blair, Ann M., Stallybrass, Peter. "Mediating Information, 1450-1800". In *This Is Enlightenment*, edited by C. Siskin, W. Warner, 139-163. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Burke, Peter. *Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity, 2015.

Capp, Bernard. *When Gossips Meet: Women, Family and Neighbourhood in Early Modern England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Carruthers, Mary. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Clark, Peter. *The English Alehouse: A Social History, 1200-1830*. L., N.Y.: Longman, 1983.

Cowan, Brian. "Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses." *History Compass* 5, no 4 (2007): 1180-1213.

Cowan, Brian. *The Social Role of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse*. New Haven, L.: Yale University Press, 2005.

Donaldson, Ian. "National Biography and the Arts of Memory: From Thomas Fuller to Colin Matthew". In *Mapping Lives: The Uses of Biography*, edited by P. France, W. St. Clair, 67-82. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2002.

Dover, Paul M. "The Impacts of Paper's Abundance, 1450–1650. An Episode in Coevolution". In *Paper Stories — Paper and Book History in Early Modern Europe*, edited by S. Hufnagel, Þ. Sigurðardóttir, D. Ólafsson, 47-71. Berlin; Boston: De Gruyter, 2023.

Ellis, Aytoun. *The Penny Universities. A History of the Coffee Houses*. L.: Secker & Warburg, 1956.

Ellis, Markman. *The Coffee House: A Cultural History*. L.: Orion Publishing, 2011

Love, Harold. "Gossip and Biography". In *Writing lives: biography and textuality, identity and representation in early modern England*, edited by K. Sharpe, S.N. Zwicker, 91-104. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008.

Loveman, Kate. "Women and the History of Samuel Pepys's Diary." *The Historical Journal* 65, no. 5 (2022): 1221-1243.

Loveman, Kate. *Samuel Pepys and his books: reading, newsgathering, and sociability, 1660-1703*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Seregina, Anna. "Englishwomen at Madrid and Brussels in the 17th Century: Women's Patronage and English Catholic Exiles Overseas." In *Adam & Eve. Gender History Review* 29 (2021): 43-87. (In Russian)

Shapin, Steven. *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England: Science and its conceptual foundations*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Stogova, Anna. "Pepys Reading: Passion for Books in an English Man's Diary of the 17th Century". In *Adam & Eve. Gender History Review* 29 (2021): 188-242. (In Russian)

Walker, Clair. "Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society". In *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe*, edited by H. Kerr, C. Walker, 9-35. Turnhout: Brepols Publishers, 2015.

Woolf, Daniel. "News, History and the Construction of the Present in Early Modern England". In *The Politics of Information in Early Modern Europe*, edited by B. Dooley, S. A. Baron, 80-118. L.; N. Y.: Routledge, 2001.

Yates, Frances A. *The Art of Memory*. London: The University of Chicago Press, Routledge and Kegan Paul Ltd, 1966.

Yeo, Richard. "Media and Technology: Notes, Memory and Recollection". In *Cultural History of Memory*, edited by M. Tamm, A. Arcangeli. Volume 3. In the Early Modern Age, 57-75. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020.

СПЛЕТНИ, ПАТРОНАЖ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИГРЫ: О РЕПУТАЦИИ ЛЕДИ ОТТОЛАЙН МОРРЕЛЛ

Ключевые слова: леди Оттолайн Моррелл, сплетни, патронаж, Д.Г.Лоуренс, мода, репутация, Блумсбери.

Аннотация: Репутация леди Оттолайн Моррелл (1873-1938), известной английской меценатки и хозяйки светского салона, до сих пор носит весьма амбивалентный характер. Одна из причин этого феномена — влияние на ее репутацию сплетен и бесконечных обсуждений ее характера и стиля одежды среди Блумсбери, с которыми она дружила и — как следствие — удостоилась «чести» стать объектом многочисленных слухов, пародий и карикатур. Ее вызывающие оригинальные платья и необычные шляпы вызывали всеобщее внимание, но радикальный богемный стиль леди Оттолайн не находил понимания в кругу Блумсбери. Через сплетни о леди Оттолайн члены группы Блумсбери утверждали свою коллективную идентичность.

Эта модель общения и передачи информации отразилась и в репрезентации леди Оттолайн в литературных произведениях. В статье подробно анализируется роман Д.Г. Лоуренса «Влюбленные женщины» (1920), в котором леди Оттолайн запечатлена в образе Гермiony Роддис. В заключении анализируется проблема патронажа на примере взаимоотношений леди Оттолайн Моррелл и Д.Г. Лоуренса.

Для цитирования: Вайнштейн О.Б. Сплетни, патронаж и литературные игры: о репутации леди Оттолайн Моррелл // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 94-133. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-94-133

O. B. Vainshtein

Institute of Advanced Studies in humanities
Russian State University for the Humanities
ORCID ID 0000-0002-1753-4848
Scopus ID 55195267300
katermur@gmail.com

GOSSIPS, PATRONAGE AND LITERARY GAMES: ON REPUTATION OF LADY OTTOLINE MORRELL

Keywords: Lady Ottoline Morrell, Gossips, patronage, D. H. Lawrence, Fashion, Reputation, Bloomsbury.

Abstract: The reputation of Lady Ottoline Morrell, the society hostess and patron of arts (1873-1938), is rather ambivalent. Gossips damaged it, because Lady Ottoline Morrell was frequently an object of hostile parodies and caricatures, even among her friends, including the Bloomsbury group. She was a sharp dresser, and her original dresses and unique hats attracted lots of attention. Her radical bohemian style was frequently discussed and misunderstood. Gossiping about Lady Ottoline Morrell the members of Bloomsbury group affirmed their collective identity.

This model of communication and spreading gossip influenced the way Lady Ottoline Morrell was represented in fiction. D. H. Lawrence based the image of Hermione Roddice on a thinly disguised portrait of Lady Ottoline Morrell in his novel “Women in Love” (1920). The article is focused on the problems of patronage, taking as a case study the relations between D. H. Lawrence and Lady Ottoline Morrell.

To cite this article: Vainshtein, Olga. “Gossips, patronage and literary games: on reputation of lady Ottoline Morrell”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 94–133. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-94-133

Репутация леди Оттолайн Моррелл (1873-1938), известной английской меценатки и хозяйки светского салона, до сих пор носит весьма амбивалентный характер. Историки британской культуры нередко писали о ней пренебрежительно и необъективно, отделяясь поверхностными замечаниями. Между тем документальных источников для изучения этой интереснейшей фигуры более чем достаточно: ее образ запечатлен в мемуарах и письмах, в многочисленных литературных произведениях, на фотографиях и на живописных портретах. За последние годы появились и серьезные научные труды, посвященные леди Оттолайн Моррелл, и, в частности, фундаментальная биография, написанная Мирандой Сеймур, в которой использовано много архивных данных¹. Также следует отметить содержательную биографию леди Оттолайн, принадлежащую перу Сандры Даррок²

Известно также множество фотографий и живописных портретов леди Оттолайн Моррелл: по данным Национальной портретной галереи в Лондоне, она позировала для 596 портретных изображений. Ее писали такие художники, как Огастес Джон, Дункан Грант, Генри Лэм и многие другие. Ее фотографировали Адольф де Мейер, Д.Ч. Бересфорд, Х.У. Барнетт (Илл. 1) Кроме того, она сама числится как автор 1715 снимков, причем нередко ее фотографии выделяются на фоне других своей спонтанностью.

При первом знакомстве Леди Оттолайн поражала всех своей внешностью: высокая (ее рост был 190 см) и худощавая, с пышной копной медных волос, она напоминала прерафаэлитских красавиц. Запоминались ее низкий голос и особая манера медленно, с паузами, говорить и, конечно же, ее

1 Seymour. 1992. Об этой книге см. также: Вайнштейн. 2023.

2 Darroch.1976.

необычные наряды. У леди Оттолайн Моррелл был точный и уверенный вкус в одежде, позволявший ей одеваться в экстремальном богемном стиле. Она носила испанские шали и черепаховые гребни, желтый корсаж или заказывала портнихе платья, копируя фасоны со знаменитых живописных полотен. Ее вызывающие платья и оригинальные шляпы вызывали всеобщее внимание. «Conventionality is deadness», — говорила леди Оттолайн: «Следование условностям — это мертвечина»³

Она надевала по настроению то “эстетические” платья⁴, то викторианские кринолины, то наряды современных дизайнеров, то платья, стилизованные в духе XVIII в. Ее коньком были шляпы, бесконечно разнообразные по форме, которые она комбинировала с легкими газовыми вуалями (Илл. 2). В ее гардеробе были розовые шелковые “блумерсы”⁵ — дань идеям женской эмансипации. Из украшений она предпочитала длинную нитку жемчуга. Ее стиль был выразительным воплощением богемной эксцентрики, поражающим своей избыточной декоративностью. Леди Оттолайн любила азартно экспериментировать, нередко сочетая вещи, считавшиеся несочетаемыми, то одеваясь по современной моде, то полностью игнорируя новейшие тренды. Словом, в вестиментарной сфере она чувствовала себя свободным человеком. По мнению Селии Маршик, ее «можно легко назвать новатором в сфере моды»⁶, но при этом ее стиль был абсолютно

3 Seymour. 1992: 3.

4 Платья свободного фасона, введенные в моду художниками-прерафаэлитами, напоминающие наряды раннего итальянского Возрождения.

5 Широкие штаны в восточном стиле, названные по имени популяризовавшей их Амелии Блумер. Во второй половине XIX века блумерсы стали символом женской эмансипации.

6 Marshik. 2016: 27.

индивидуальным и последователей у нее не было. Исследовательница называет ее модный вкус «модернистской чувствительностью в дизайне»⁷, что имеет смысл, если вспомнить, к примеру, деятельность Мастерских Омега примерно в это же время: члены этого объединения конструировали одежду и предметы дизайна в соответствии с эстетикой постимпрессионизма. Слияние жизни и искусства в 1910-е годы понималось вполне буквально, как привнесение идей искусства в повседневную жизнь, в быт. Это был эстетический проект в духе модернизма как тотального опыта, включающего как интеллектуальные, так и чувственные аспекты.

Вестиментарный стиль леди Оттолайн — важная часть ее личного проекта жизнетворчества⁸. Она нередко находила образцы для своих платьев на полотнах старых мастеров, делала набросок или приобретала открытку с понравившейся картиной и давала своей портнихе мисс Бретон, а та, в свою очередь, вносила коррективы с точки зрения выполнимости. Леди Оттолайн также покупала ткань и материалы для отделки. Техника пошива порой отличалась небрежностью: необработанные швы, отсутствие подкладки, простые застёжки. На одном из платьев, которые сейчас находятся в батском музее, манжеты оказались скреплены булавками. Миранда Сеймур сравнивает такие платья с театральными костюмами, замечая, что «платья Оттолайн шились не для удобства, а чтобы поразить воображение зрителя»⁹. Портниха старалась по возможности экономить, опуская некоторые моменты отделки или иногда растягивая ткани, и в результате, как правило, стоимость наряда не превышала 3 гинеи.

7 **Marshik.** 2016: 19.

8 **Melišová.** 2020.

9 **Seymour.** 1992: 70.

Иногда мисс Брентон (или как её называли дома, Бренти) возражала против замыслов хозяйки: «Я думаю, что эта открытка очень оригинальная и красивая, но это не ваш стиль»¹⁰. В другом письме она заявляла:

Очень трудно не следовать моде, поскольку вам очень идут узкие юбки, однако нам надо делать наши вещи необычными и странными за счёт цвета или вышивки¹¹.

Это стремление создавать «странные и необычные» вещи можно считать модным манифестом леди Оттолайн и Бренти: в созданных этим дуэтом нарядах очевидно сопротивление современным трендам (программный отказ от узких юбок), что полностью согласуется с эстетикой «артистического» богемного стиля. Вспомним хотя бы аналогичный отказ следовать парижским модам Муны Чивви, героини романа «Райская птица» Ады Левerson (1914): «Я не хочу ничего нарядного. Я не хочу выглядеть по парижской моде. — А как же ты хочешь выглядеть? — Как? Артистично (artistic), конечно же»¹². Наряды Муны также не вызывают одобрения окружающих, но тем не менее в романе она остается верна своей манере одеваться.

Оригинальность артистического стиля леди Оттолайн достигалась за счёт свободного комбинирования исторических деталей (например, ее излюбленные беретные рукава в стиле 1820-х годов), нетривиальных цветовых сочетаний или отделки. Неслучайно многие платья леди Оттолайн напоминают исторические костюмы разных периодов. Это тоже характерная черта богемного стиля: эклектика, свободное

10 Цит. по Seymour. 1992: 70.

11 Seymour. 1992:70.

12 Levenson. 1914: 35. Подробнее об артистическом стиле см. Вайнштейн. 2024: 375-377.

цитирование исторического костюма. Подражая старинным нарядам, леди Оттолайн носила платья с завышенной талией или наоборот, с корсажем и приспущенной талией, с пышной юбкой. Среди уцелевших образцов из ее гардероба обращают на себя внимание платья без рукавов, с пышным кружевным воротником, который должен был спускаться, прикрывая верхнюю часть рук. Возможно, любовь к кружевным воротникам восходит к ее аристократическим предкам. В их числе была, между прочим, эксцентричная герцогиня Ньюкаслская, философ и писательница Маргарет Лукас Кавендиш (1623-1673), которая переписывалась с Томасом Гоббсом и Рене Декартом. Сочетания элементов старинного и современного в нарядах леди Оттолайн могли балансировать и на тонких контрастах между тканью, набивным орнаментом и отделкой. Так, платье из шелковой тафты с современным рисунком оттеняется кружевным воротником ручной работы, отсылающим к аристократическим традициям костюма.

Индивидуальный стиль леди Оттолайн не раз привлекал внимание модной прессы. Ее снимал знаменитый фотограф барон Альфред де Мейер (Илл. 3), ее фотопортреты дважды публиковались в *Vogue*. В 1928 году снимок для *Vogue* делал Сесил Битон. Подпись гласила: «Необычный фотографический этюд, в манере Гойи, леди Оттолайн Моррелл, из рода Кавендиш-Бентинк, единокровная сестра герцога Порлендского»¹³. На этой фотографии леди Оттолайн позирует в эффектном декольтированном платье с модернистским рисунком, голова повернута в профиль. Однако платье в стиле XIX века с беретными рукавами контрастирует с авангардным веером — вновь возникает продуманное противоречие между традицией и современным. Драматическая поза,

13 *Vogue*. 1928: 60.

аффективный жест руки, жемчужное ожерелье — многие элементы фотопортрета действительно напоминают парадные портреты Гойи, да и в целом испанская живопись была популярна в культуре 1910-1920-х годов. К примеру, портрет леди Оттолайн Моррелл работы Огастеса Джона (1919) был явно выполнен в стиле Веласкеса¹⁴.

Несмотря на энтузиазм художников и фотографов, стиль леди Оттолайн не был адекватно воспринят в кругу ее непосредственного общения — в группе Блумсбери. По поводу ее богемных платьев Литтон Стрейчи, Ванесса Белл и Дункан Грант отпускали язвительные замечания, а Леонард Вулф писал, что они представляют собой “a fantastic hotchpotch” — «фантастическую мешанину»¹⁵. Однако эта мешанина типична для богемной моды, подразумевая принцип «mix and match» — вольных сочетаний разных стилевых элементов. Подобная эстетика в дальнейшем легла в основу уличной моды, но в начале XX столетия она отчетливо обозначала отказ от буржуазной моды с ее ригидными правилами хорошего вкуса и декларацию артистической свободы. Этот выразительный стиль, с одной стороны, обеспечивал зрелищность, но с другой, делал носителя уязвимым для неблагоприятных репрезентаций.

В воспоминаниях Дэвида Гарнетта можно найти описание экстравагантных нарядов леди Оттолайн во время визита к Ванессе Белл:

Оттолайн внезапно появилась в наряде, который она еще не надевала. Такой ансамбль мог создать Бакст для Русских Балетов по мотивам черкесского фольклора: русские сапожки из красной марокканской кожи выглядывали из-под голубой туники, поверх которой

14 Благодарю А.Е.Завьялову, которая отметила сходство этой работы О.Джона с портретом Филиппа IV Веласкеса.

15 Woolf.1972: 198.

был надет белый кафтан с вышитыми карманчиками для патронов на груди, а на них спускались длинные жемчужные бусы из семейного наследства герцога Портлендского. На голове у нее красовалась каракулевая феска¹⁶.

Неслучайно Дягилев, который был знаком с леди Оттолайн, хотел посвятить ей балет: бакстовский стиль смотрелся на ней естественно. Описанный лук – образец богемной моды, вариант использования элементов национального костюма в ансамбле.

Многие члены группы Блумсбери критиковали её вкус, выбор цвета или отделки в одежде. Леонард Вулф заявлял, что «она выглядит как огромная птица с ярким и плохо окрашенным плюмажем»¹⁷. Виржиния Вулф сатирически описывала её платья из кричаще-розового плюша и из тафты, отделанной серебряным кружевом¹⁸. Неоднократно высказывались мнения об «определенно плохом вкусе»¹⁹ леди Оттолайн, и, в частности, ей ставили в вину то, что она днем появлялась в вечерних нарядах. Между тем её платья по цветовой гамме частично перекликались с излюбленной палитрой Мастерских Омега — ведь неслучайно создатели Мастерских (главным образом, Роджер Фрай) во многом рассчитывали на помощь леди Оттолайн как светского лидера, спонсора и клиента.

Мы сейчас узнаем об этих критических комментариях из писем, воспоминаний и дневников членов группы Блумсбери, но в свое время такие замечания, безусловно, в основном высказывались в процессе устного общения, в частных и общих

16 Darroch. 1976: 246-247.

17 Woolf.1972:199.

18 Цит. по Marshik. 2016: 60

19 Bell. 1994: 199.

разговорах. И здесь надо особо отметить, что ощутимый ущерб для репутации леди Оттолайн нанесли сплетни.

СПЛЕТНИ

Сплетни, можно сказать, сыграли явно неблагоприятную роль в судьбе и системе дружеских связей леди Оттолайн: это и разговоры, и письма, служащие источником распространения слухов и злословия.

Как зарождались и распространялись сплетни в то время? Посмотрим на одном конкретном примере. В мае 1911-го года Роджер Фрай, искусствовед и основатель Мастерских Омега, близкий друг и в прошлом любовник леди Оттолайн, зашел к ней в гости в субботу и между делом упрекнул её в том, что она якобы всем рассказывала, что он влюблён в неё. Этот был конец их отношений: как потом писала леди Оттолайн, «моя самая интимная и приятная дружба рассыпалась в прах в ту субботу. До этого я не понимала, каким злом может обернуться клевета»²⁰. Вполне возможно, как считает Миранда Сеймур, что леди Оттолайн обронила намёк на свои отношения с Фраем в переписке с Генри Лэмом. А Лэм, в свою очередь, поделился этой новостью с Литтоном Стрейчи, и через него об этом узнала вся группа Блумсбери. Леди Оттолайн пыталась восстановить отношения, позвонив Роджеру Фраю, но он не пошел на контакт. Тем временем информация уже циркулировала повсюду, и Роджер Фрай в отместку всем рассказывал о романе леди Оттолайн с Бертраном Расселлом, о чем она его просила молчать. В результате Расселл чуть не развёлся женой (что грозило ему потерей должности в Кембридже), а леди Оттолайн превратили в мишень самых злонамеренных сплетен.

20 Seymour. 1992: 132.

Теперь её судили по тому, что о ней говорили Фрай, Клайв и Ванесса. А они говорили, что она много болтает, ведёт себя неприлично, нарушает обещания. И только Вирджиния, хотя она всегда была готова поучаствовать в обсуждении последних сплетен, все же отказывалась говорить об Оттолайн в негативном ключе²¹.

В октябре Роджер сделал попытки примирения, однако леди Оттолайн их отвергла, и отношения между ними так и остались напряженными. Когда в её доме на Бедфорд Сквер проводилось заседание Общества Современного Искусства, она специально ушла наверх в спальню почитать, заявив, что не спустится, пока Роджер Фрай не покинет её дом. К тому же в её лице Мастерские Омега потеряли клиента и кровителя: леди Оттолайн, ранее собиравшаяся приобрести стулья с ручной росписью для столовой, отказалась от запланированной покупки, сославшись на дороговизну. Дороти Бретт (подруга леди Оттолайн, принадлежащая к кругу Блумсбери) вспоминала:

Мы сидели, пили чай и раздирали Оттолайн на кусочки. Мы выдирали из нее перья пучками, пока я не остановилась в ужасе и попыталась быть милосердной, сказав: «надо оставить хотя бы одно жалкое перо в хвосте этой ощипанной курицы!»²²

Конечно, чтобы полностью и адекватно понять контекст распространения этих сплетен, нам в идеале надо было бы восстановить атмосферу и интонации, понять, как велись эти разговоры, какие словечки при этом использовались, кто и как слушал и возражал или, наоборот, подхватывал — то есть, обратить внимание на то, что Майкл Льюси называет «языком в употреблении» (“language-in-use”)²³. Например, в цитированном отрывке обыгрывается метафора «ощипанной

21 Seymour. 1992: 133.

22 Seymour. 1992: 210.

23 Подробнее см. Lucey. 2022

курицы». При этом выделяются слова «We pull her feathers out in handfuls», иллюстрирующие активное и агрессивное обсуждение, «выщипывание перьев пучками» и «roog plucked hen» — обозначающие униженное состояние жертвы сплетен, «ощипанной курицы». Но, к сожалению, полностью реконструировать все коннотации мы уже не можем.

В таких обсуждениях и обмене сплетнями налицо функция укрепления коллективной идентичности, в данном случае — самосознания группы Блумсбери. Обмен историями увеличивал нарративный капитал группы. Члены Блумсбери подтверждали свою принадлежность к группе, сплетничая по поводу отсутствующего и конструируя образ «Другого». Эта функция сплетен в ее антропологическом аспекте подробно проанализирована в свое время Робинот Данбаром²⁴. Он, в частности, отмечал, что обмен сплетнями функционировал как механизм связывания социальных групп (“mechanism for bonding social groups”), помогая эффективно распространять информацию в больших группах и контролировать тех, кто не выполнял неформальные соглашения, принятые в данном кругу²⁵.

Круг общения леди Оттолайн был очень широк. Как хозяйка светского салона на Бедфорд-сквер она регулярно устраивала приемы, на которые не просто приглашала друзей, интеллектуалов и знаменитостей, а старалась сводить молодых художников и писателей с потенциальными меценатами. Она постоянно принимала гостей в своем имении Гарсингтон неподалеку от Оксфорда. У нее была идея создать в Гарсингтоне своего рода убежище, утопическую общину для

24 Согласно теории Робина Данбара, обмен звуковой информацией среди приматов в свое время заместил ритуал почесывания (grooming) и служил укреплению отношений между членами стаи. См. **Dunbar**. 1998.

25 **Dunbar**. 2004: 103, 109.

творческих людей, чтобы позволить им в полной мере раскрыть свои таланты:

Приезжайте, собирайтесь здесь! Все, в ком есть чувство и желание создать новые условия жизни – новые восприятие искусства и литературы, новые волшебные миры поэзии и музыки. Если бы мне удалось почувствовать, что дни в Гарсингтоне укрепили ваши попытки вести благородную жизнь: жить свободно, без оглядки, с ясным умом, свободным от условностей – более не погруженным в мелкие личные события, но воспринимая их как часть великого целого²⁶.

По воспоминаниям ее гостей, леди Оттолайн действительно удавалось создать уникальную атмосферу, располагающую к интеллектуальным беседам и творческим свершениям. Романист Д.Г. Лоуренс писал, что «Гарсингтон должен быть убежищем (retreat), где мы собираемся и соединяемся вместе»²⁷.

Среди посетителей ее салонов в Лондоне и гостей в Гарсингтоне было немало знаменитостей: писатели Вирджиния Вулф, Д. Г. Лоуренс, Генри Джеймс, Т. С. Элиот, У. Б. Йейтс, Николай Гумилев, У. Х. Оден, сэр Макс Бирбом, Джозеф Конрад, Э. М. Форстер, Андре Жид, Максим Горький, Грэм Грин, Томас Харди, Олдос Хаксли, Джеймс Джойс, Кэтрин Мэнсфилд, Зигфрид Сассун, Альберто Моравиа, Герберт Уэллс, Торнтон Уайлдер. В ее салон заглядывали Бертран Рассел, Чарли Чаплин, Сергей Дягилев, Вацлав Нижинский, Пабло Пикассо, Уинстон Черчилль, кайзер Вильгельм II и другие.

Многие гости приезжали в Гарсингтон без приглашения, как в бесплатный санаторий. Часть друзей, пацифисты и «сознательные уклонисты» во время Первой мировой войны, были оформлены как работники на ферме, что давало им бронь от армии. Другие приезжали без приглашения и

26 Цит. по Lyon. 2009: 696.

27 Lyon. 2009: 696.

требовали постоянного внимания. Гости, в свою очередь, приглашали других гостей. Хозяйка жаловалась, что визитеры рассматривают её как «менеджера гостиницы», что, конечно, противоречило ее изначальной идее — создать богемный салон и наслаждаться интеллектуальным общением на природе и в великолепных интерьерах английского имения.

К сожалению, некоторые гости, пользуясь всеми преимуществами Гарсингтона, не брезговали распространять сплетни о хозяйке. Говорили, что она экономит на еде — якобы во время завтрака она взяла ложку джема из буфета, не предложив джем другим гостям²⁸.

Литтону Стрейчи, который жаловался на недостаточный завтрак, она посылала в комнату поднос с яичницей, тостами и сосисками. Он же потом больше всех злословил про леди Оттолайн. Кому-то не нравились туалеты в Гарсингтоне. Одна гостья рассказывала, что леди Оттолайн в длинном пеньюаре заглянула в ее комнату поболтать вечером, в то время как она расчесывала волосы. Другие повествовали о том, как она пыталась устраивать любовные дела своих гостей и заниматься сватовством. Словом, поводов для недовольства и сплетен было достаточно, что вызывало справедливое возмущение настоящих друзей Оттолайн. Так, Дора Каррингтон жаловалась Марку Гертлеру:

Какие предатели все эти люди! Они насмеются над Оттолайн! Я думаю, это зверская неблагодарность — использовать доброту Оттолайн и затем высмеивать её²⁹.

Как пишет Сандра Даррок, биограф леди Оттолайн, некоторые слухи были наверняка преувеличены. Постепенно возникал биографический миф, и «чем больше этот миф

28 Darroch. 1976: 248.

29 Darroch. 1976: 236.

развивался и приукрашивался, тем больше он отдалялся от правды»³⁰. Сандра Даррок выделяет две причины злословия:

Многие из гостей в Гарсингтоне имели все основания для благодарности Оттолайн, но человеческая природа такова, что они не могли вынести ситуации, когда они кому-то обязаны. Распространение злостных слухов помогало им вновь обрести свою независимость. Другим фактором, способствующим распространению сплетен, было нежелание Оттолайн говорить о себе. Для молодого поколения она была загадочной женщиной в свои 43 года, и эта таинственность неизбежно порождала слухи о её прошлой жизни и романах³¹.

К этому можно добавить, что леди Оттолайн отличала глубокая религиозность, не свойственная большинству людей из этого круга. Экстравагантность одежды довершала конструкцию образа «Другого», и все эти факторы наносили ущерб репутации леди Оттолайн.

Циркуляция сплетен иной раз совершалась просто по инерции, как очередная «новость» о старой знакомой. Многие сплетни не имели под собой никакого основания. Так, про Оттолайн говорили, что она перепутала картины Генри Лэма, которые хранились в ее доме и предназначались для выставки в галерее Графтон. На самом деле с выбором картин ошибся Клайв Белл, а леди Оттолайн была не при чем. По поводу этого недоразумения Молли МакКарти писала:

Из-за чего очередной скандал с Оттолайн? Меня так огорчает, что про неё сплетничают, поскольку я люблю её и мне неважно, что она делает. Она занимается многими вещами и боюсь, порой что-то путает. Не позволяй другим злословить о ней³².

Характерно, что даже когда Оттолайн узнавала о злонамеренных сплетнях, она затем вновь приглашала этих людей

30 Darroch. 1976: 237.

31 Darroch. 1976: 237.

32 Darroch. 1976: 171.

погостить. Так было, например, с писательницей Кэтрин Мэнсфилд, которая недолюбливала Оттолайн, но тем не менее пользовалась ее гостеприимством.

Одна из основных причин распространения сплетен, на наш взгляд, заключается в яркости личности леди Оттолайн. Она всегда привлекала внимание, положительное или отрицательное, не стеснялась нарушать условности. Так, Вирджиния Вулф писала:

Тебе будет интересно услышать, что Оттолайн и Филипп ведут себя скандально. Говорят, в Гарсингтоне происходит нечто ужасное. Как легко догадаться, мы, безусловно, туда поедем и погостим там³³.

Очевидно, в этом письме идет речь о романе леди Оттолайн с садовником по прозвищу Тигр, который был вдвое младше нее. Но здесь мы видим у Вулф и явный интерес к сенсационности, ожидание очередных новостей про скандальную персону.

Отношения леди Оттолайн с молодым садовником, скорее всего, были использованы как сюжетная основа романа «Любовник леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса (1928), хотя единого мнения среди исследователей на этот счет нет. Однако не подлежит сомнению, что образ леди Оттолайн был запечатлен в многочисленных произведениях художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИГРЫ

Черты леди Оттолайн Моррелл без труда угадываются в целом ряде литературных героинь. Ш. Латем называет 10 романов с ключом, в которых фигурирует леди Оттолайн³⁴, причем в абсолютно узнаваемом виде. Она послужила

33 Seymour. 1992: 350.

34 Latham. 2009: 132.

прототипом образов Гермионы Роддис в романе «Влюбленные женщины» Д. Г. Лоуренса (1920), Присциллы Уимбуш в «Желтом Кроме» Олдоса Хаксли (1921), леди Септагесимы Гудли в «Тройной фуге» Осберта Ситвелла (1924), леди Каравей в «Эстетях» У. Тернера, леди Кэролайн Бэри из «Это Баттерфилд» Грэма Грина (1934), миссис Манрезы в романе В. Вулф «Между актами» (1940). К сожалению, в большинстве текстов она изображена в иронически-пародийном ключе, на что влияли разные обстоятельства.

Рассмотрим подробнее ее портрет в романе «Влюбленные женщины» Д. Г. Лоуренса (1920), где она выведена в образе Гермионы Роддис, а литературный двойник самого Лоуренса представлен в образе Биркина. Место действия — прозрачно завуалированный Гарсингтон. В тексте налицо полная узнаваемость леди Оттолайн во всех деталях — внешность, голос, цвет волос, ее поместье и знаковые увлечения — дизайн и сад, страсть к философским дискуссиям. Леди Оттолайн появляется уже в первой главе романа:

С одной из них — высокой, неторопливой, полной неспешной грации женщиной с густыми светлыми волосами и вытянутым бледным лицом — она была знакома. Это была Гермиона Роддис, приятельница семейства Кричей. Она шла по дорожке, подняв подбородок. Огромная светло-желтая бархатная шляпа, на которой колыхались черные и серые страусовые перья, почти полностью скрывала ее лицо. Она плыла вперед, словно в полудреме, обратив свое вытянутое напудренное лицо вверх, чтобы не видеть окружающего мира. Это была состоятельная женщина. На ней было платье из тонкого шелковистого бледно-желтого бархата, а в руках она сжимала букетик розовых цикламенов. Ноги облекали коричневато-серые туфли и чулки в тон перьям на шляпе. Волосы были уложены в тяжелую прическу. Она плыла вперед, совершенно удивительным образом не двигая бедрами, из-за чего ее движения выглядели неестественно — точно ей совсем не хотелось идти вперед. В этом сочетании бледно-желтого и коричневато-розового она выглядела эффектно и вместе с тем мрачно, отталкивающе. Когда она проходила мимо, восхищенные и заинтересованные зеваки

умолкали, и язвительные слова, готовые слететь с языка, замирали на губах. Ее бледное вытянутое лицо, обращенное, словно у женщин на картинах Россетти, к небу, казалось одурманенным, точно в темных уголках ее души кишели странные мысли и ей не было от них спасения³⁵.

В этом первоначальном наброске дан ярко выраженный эстетский женский образ, однако в нем уже проскальзывают мрачные обертоны. Далее романист рисует ее портрет в социальном плане как успешной хозяйки салона:

Умственные и душевные качества позволили Гермионе завязать тесные отношения различного свойства со многими выдающимися мужчинами... Гермиона сознавала, что она прекрасно одета, сознавала, что стоит на одной ступени (если не выше) с любым представителем общества Виллей-Грин. Она сознавала, что в мире интеллекта и культуры ее считают своей. Она была носителем культуры, именно ей дано было претворять идеи в жизнь. Она была на короткой ноге со всем передовым в обществе и общественной жизни, она вращалась среди самых выдающихся людей и чувствовала себя в их обществе как рыба в воде.

Ни у кого не было шансов унизить, высмеять ее — она была одной из лучших, ее обидчики были ниже ее по положению, да и денег у них было меньше, чем у нее, а уж точек соприкосновения с миром мысли, прогресса и интеллекта — и подавно. Поэтому ничто не могло ее уязвить. Всю свою жизнь она стремилась стать непроницаемой для насмешек, неприкосновенной, оказаться выше человеческого суждения³⁶.

Однако критические интонации Лоуренса исподволь нарастают: начинается моральная критика, демонстрация уязвимости героини. По сюжету романа она — брошенная любовница главного героя, Руперта Биркина, который является авторским альтер-эго. Эти двое выясняют отношения на протяжении всего повествования. И Лоуренс постепенно создает крайне недоброжелательно выписанный образ.

35 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

36 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

Но в то же время ее сердце, выставленное на всеобщее обозрение, рвалось на части. Даже когда она поднималась по ступенькам в церковь, когда она была уверена, что во всех отношениях она выше суждений черни, когда она прекрасно понимала, что в ее внешности нет ни малейшего изъяна, что она соответствует самым высоким стандартам, — даже в этот момент ее мучила мысль, которую она пыталась скрыть под маской уверенности и гордости, — мысль, что она бессильна перед всеми уколами, насмешками и презрением. Она постоянно чувствовала свою уязвимость, в ее броне была незаметная пробоина. И она никак не могла понять причину этой уязвимости. А уязвима она была потому, что в ней не было живости, что от природы она не обладала цельностью, внутри она ощущала пустоту, изъян, неполноценность.

Эта меланхоличная, раздираемая душевной мукой женщина постоянно нагромождала вокруг себя баррикады из эстетической философии, культуры, взглядов на мир. Но этим она никогда бы не смогла заполнить страшную пропасть собственной неполноценности³⁷.

Образ Гермионы для Лоуренса является одновременно как объектом морально-философской критики, так и предметом уничижительной сатиры. Автор декларативно проецирует на Гермиону свои теории о женских типах. Гермиона-Оттолайн в его концепции воплощает тип рассудочной церебральной женщины, в то время как Урсула-Фрида — интуитивный тип «земной» женщины, богини-матери.

Особую неприязнь у автора вызывает манера одеваться героини. Ее наряды явно возбуждают у повествователя гротескно-преувеличенное отвращение:

Сама же Гермиона была в иссиня-черном шелковом платье, украшенном коралловым ожерельем, и в кораллово-красных чулках. Но ее платье было измято и покрыто пятнами, можно даже сказать, что оно было грязным³⁸.

В подобных пассажах — и тут Лоуренс выдает свое личное отношение — очевидно желание любой ценой

37 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

38 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

принизить героиню. Среди авторских обвинений в адрес Гермियोны выделяются ее эротические притязания на Биркина и нарушение личных границ в отношениях с его будущей невестой Урсулой:

Вдруг Гермiona подошла совсем близко, ее грудь судорожно всколыхнулась, и от страха Урсула чуть не потеряла сознание. Как только запавшие глаза Гермियोны узрели страх на лице другой женщины, ее вновь охватило чувство, будто она летит с обрыва в пропасть³⁹.

В реальности отношения леди Оттолайн с женой Лоуренса Фридой были неприязненными. Это видно из письма Фриды:

У меня была большая ссора с дорогой леди Оттолайн. Я наконец высказала ей все, что думаю о ней. Вся ее духовность фальшива, ее демократия – это протухшая автократия, а внутри этих прекрасных шалей скрывается дешевка и вульгарность⁴⁰.

Аналогичные оскорбительные отзывы о леди Оттолайн можно найти и в других письмах Фриды: «флэппер, полная дешевой духовности и восхищения перед молодыми гениями».

И, наконец, кульминация — сцена с физическим насилием, травмой, когда Гермiona ударяет Биркина по голове лазуритовым пресс-папье. Если разбирать источники «вдохновения» Лоуренса, то в реальности был случай, когда его жена Фрида швырнула ему тарелку в голову. А вот леди Оттолайн подарила ему в свое время булавку из опала. Лоуренс произвел «творческую» контаминацию образов, придав этому эпизоду оттенок эротического насилия.

39 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

40 Darroch. 1976: 257.

СЦЕНА С ЛАЗУРИТОВЫМ ПРЕСС-ПАПЬЕ

Ее ладонь сомкнулась на прекрасном голубом лазуритовом шаре, который она использовала как пресс-папье. Перекатывая его в ладони, она поднялась с места. Сердце в груди жарко пылало, экстаз совершенно лишил ее рассудка. Она подошла к нему и несколько мгновений самозабвенно стояла за его спиной. Он, словно окутанный ее чарами, не двигался и ничего не осознавал.

И вдруг быстрым рывком она, охваченная пламенем, влившимся в жилы подобно расплавленной молнии и позволившим ей испытать совершенный, неопиcуемый словами чувственный пик, невыразимую радость, она изо всех сил опустила драгоценный камень на голову сидящего. Но помешали ее пальцы, и удар был смягчен. Мужчина уронил голову на стол, где лежала его книга, камень скользнул в сторону, по уху; она же содрогнулась от неподдельного наслаждения, обостренного жгучей болью в пальцах. Но чего-то все же не хватало. Она еще раз занесла руку, чтобы нанести второй удар по голове, в полубморочном состоянии лежавшей на столе. Она должна размозжить ее, нужно размозжить ее прежде, чем экстаз закончится и исчезнет навеки. В тот момент она была готова отдать тысячу жизней, умереть тысячу раз ради того, чтобы ощутить этот высший экстаз.

Но она не могла действовать быстро, она была не в состоянии тут же повторить удар. Сила духа заставила Руперта очнуться, поднять голову и посмотреть на нее. Он увидел ее руку, в которой был судорожно зажат лазуритовый шар. Это была левая рука — он вдруг с ужасом, словно в первый раз, осознал, что она была левшой. Пытаясь защититься, он торопливо накрыл голову толстым томом Фукидида, и удар, который чуть не сломал ему шею и разбил на куски его сердце, пришелся по книге.

Он был сокрушен, но не сломлен. Он повернулся к ней лицом, опрокинул столик и отпрыгнул от нее. Он был похож на стеклянный сосуд, разлетевшийся на мелкие осколки, ему казалось, что он весь состоит из мелких фрагментов, что он разбит на кусочки. Однако движения его были четкими и последовательными, душа его была прочна, как никогда ранее, он давно ожидал нечто подобное.

— Нет, Гермiona, нет! — произнес он низким голосом. — Я тебе не позволяю.

Высокая, смертельно бледная женщина следила за ним с непрерывным вниманием, напряженно сжимая в руке камень. — Отойди и дай мне уйти, — приказал он, подходя ближе.

Она отошла в сторону, повинувшись какой-то силе, не переставая следовать за ним взглядом; ему показалось, что перед ним падший ангел, которого лишили могущества⁴¹.

В этой сцене насилие рисуется как эротическое наслаждение. Это не столько физический поединок, сколько борьба воли и темперамента, игра власти, в которой в конечном счете побеждает получивший удар по голове Биркин, заставляя Гермиону отступить.

Прочитав роман в рукописи, леди Оттолайн была очень расстроена и потребовала от Лоуренса вернуть ей опаловую булавку. Однако он не вернул, мотивируя это тем, что подарил булавку Фриде.

Сходство образа Гермионы с леди Оттолайн было совершенно очевидным и стало предметом обсуждения среди всех ее друзей. Ее реакция была очень резкой:

Читая, я побледнела от гнева. Так изобразить меня мог только человек, преисполненный ненависти и злобы. Это был невероятный шок, поскольку в то же время он писал мне дружеские письма, и я не подозревала, что он настолько презирает и ненавидит меня. Он обзывает меня старой ведьмой, сексуальной маньячкой, развратной сапфисткой. Он представил меня в образе своей брошенной любовницы. Он описал во всех подробностях мою гостиную и будто бы я пытаюсь ударить его по голове пресс-папье, а он кричит: «Нет, Гермиона, не надо, не делай этого!» В другой сцене я будто бы непристойно веду себя с другой героиней, в образе которой выведена его жена Фрида. В книге у меня грязные платья, я грубо и нагло веду себя со своими гостями⁴².

«Влюбленные женщины» написаны в традиционном жанре «романа с ключом». Другие персонажи в тексте также имеют узнаваемых прототипов. Лоуренс вывел своего приятеля Филипа Хезелтайна в образе Джулиуса Хэллидэя, и тот тоже

41 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

42 Darroch. 1976: 262.

угрожал ему судебным иском. Гудрун в романе — Кэтрин Мэнсфилд, а Джеральд Крич — это ее муж Джон Миддлтон Марри.

Леди Оттолайн узнала и в других героях книги членов своей семьи и близких друзей — там были выведены ее муж Филипп (в образе Александра), дочь Джулиан и другие. До публикации романа Филипп и леди Оттолайн пытались подать судебный иск против Лоуренса, вели переговоры с его адвокатом и издателем. Но в 1920 году роман был опубликован в Америке, и уже было нельзя что-либо сделать.

Характерно, что, когда отношения уже были испорчены, Лоуренс вновь через друзей сделал попытку получить приглашение в Гарсингтон, однако леди Оттолайн ему, разумеется, отказала.

Эмоциональная травма от книги Лоуренса у леди Оттолайн была настолько серьезной, что чувствовалась еще продолжительное время. Она признавалась:

На протяжении многих месяцев мой страшный портрет, написанный человеком, которому я доверяла и который мне нравился, мысленно преследовал и ужасал меня⁴³. Нанесенный им ущерб оставил серьезный след в моей жизни. Понадобилось много лет, чтобы залечить эту рану⁴⁴.

Естественно, возникает вопрос, почему автор создал такой негативный образ? Ведь Лоуренс дружил с леди Оттолайн, подолгу жил в Гарсингтоне, и она делала ему много добра: помогала в житейских делах, дарила подарки, давала деньги — например, на поездку в Америку, и даже оказывала помощь с проблемами детей Фриды от первого мужа — договаривалась, чтобы она виделась с ними в Гарсингтоне. А когда в 1915 году роман Лоуренса «Радуга» был признан

43 Darroch. 1976: 263.

44 Darroch. 1976: 271.

непристойным, леди Оттолайн через мужа добилась слушания дела в Парламенте, хотя и безуспешно.

Эта неблагодарность возмущала многих, например, Вирджинию Вулф, которая писала леди Оттолайн по поводу обряда Гермионы у Лоуренса:

Я так рассердилась, что едва дочитала его письма. Вы посылали ему том поэзии Шелли, мясной бульон, предоставляли ему коттедж, фотографировали на пороге Гарсингтона, частенько подсовывали ему деньги — и вот он уезжает, достает свою подаренную вами авторучку — и... что ж, дальше я даже не стала читать этого⁴⁵.

В романе Вирджинии Вулф «Орландо» (1928) есть примечательная сцена, явно навеянная этой историей. Орландо приглашает в гости в свое поместье писателя Ника Грина, который живет у него, рассуждает о литературе и, между прочим, выпрашивает денежное пособие. На прощание Орландо дает ему почитать свою поэму «Смерть Геракла». Вдоволь попользовавшись гостеприимством, он, вернувшись домой, пишет поэму, высмеивающую благодетеля:

Тема напрашивалась сама. Благородный лорд у себя дома. «В гостях в поместье у вельможи» — так как-нибудь будет называться его поэма. Грин тотчас настроил вдохновенную сатиру. Она была столь меткой, что ни у кого не могло явиться сомнений, что разделяемый в ней лорд — это Орландо; интимнейшие его замечания и сокровеннейшие поступки, его порывы и прихоти, самый цвет волос и манера на иноземный лад раскатывать «эр» — все было представлено публике. Если же сомнения все-таки могли зародиться, Грин их рассеивал, вводя в текст, почти без камуфляжа, отрывки из этой аристократической трагедии «Смерть Геракла», которую он, в точности, как и ожидал, нашел напыщенной и многословной донельзья⁴⁶.

45 Отрывок из неопубликованных писем Вирджинии Вулф цит. по: <https://www.christies.com/en/lot/lot-4803704>

46 Вулф. 2022. Электронное издание. Благодарю О.В.Гавришину за это сравнение с текстом В.Вулф.

Орландо, прочитав поэму, жестоко разочарован в людях и выписывает себе из Норвегии борзых, чтобы общаться отныне только с ними. Однако при этом, что характерно, он сохраняет поэту его денежное пособие. Подобное великодушие — характерная черта леди Оттолайн, которая рано или поздно простила своих обидчиков.

Но Лоуренса она простила только через 10 лет. Они помирились только когда и он, и она уже тяжело заболели. В 1929 году, когда Лоуренс умирал от туберкулеза, была устроена выставка его картин в Лондон и опять повторилась история с обвинением в непристойности. Были назначены судебные слушанья, на которые пришла леди Оттолайн — и когда обвинитель сказал, что эти картины надо сжечь, она поднялась во весь свой высокий рост, показала пальцем на магистрата и сказала, что его самого надо сжечь. Скорее всего, она смогла простить Лоуренса, только мысленно переложив вину на его жену Фриду.

По ее мнению, сатирический образ Гермियोны Роддис был создан под влиянием недоброжелательного отношения к ней Фриды (хотя та тоже всю пользовалась гостеприимством в Гарсингтоне). Сохранились пометки леди Оттолайн на полях романа, где она отмечала фрагменты, написанные под влиянием Фриды. Это в основном куски, в которых господствует резкая оценочная лексика:

Гермиона искоса наблюдала за ним со злобной насмешкой. Он чувствовал, что каждое его слово она встречает мощной волной ненависти и отвращения. Эти черные потоки ненависти и злобы, изливавшиеся из ее души, становились все мощнее и мощнее⁴⁷.

Однако, нам представляется, что дело заключается не только в неблагодарности Лоуренса и в неприязни Фриды к

47 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

Оттолайн. Леди Оттолайн выступала по отношению к Лоуренсу не просто как друг, а как влиятельный покровитель, патрон.

ДИЛЕММЫ ПАТРОНАЖА

Как неоднократно отмечалось, леди Оттолайн вошла в историю как меценат и патрон, покровительствуя многим художникам и писателям. «Патронаж — это игра, когда дают и принимают, в ней есть свои ритуалы, нормы, идеалы, табу, переживания, условности и трансгрессии... Изучение патронажа требует исследования покровителя и творца, их взаимоотношений»⁴⁸, — писала видная исследовательница этого феномена Хеллеке ван дер Брабер. Оказывая покровительство, леди Оттолайн во многом следовала традиции, сложившейся веками: она воспроизводила социальные отношения аристократа-патрона и творца.

Пьер Бурдьё, анализируя историю патронажа в культуре, подчеркивал, что во второй половине XIX века он подразумевал «настоящую структурную субординацию, которая очень по-разному действует на авторов, в зависимости от их положения в литературном поле»⁴⁹. Проблема заключалась в том, что субординация нравилась далеко не всем авторам. При этом действия патрона часто включали целый набор стереотипов и норм из прошлого, которые не осознавались. Этот «габитус», если взять понятие Бурдьё, мог показаться архаичным или даже оскорбительным для художника или писателя, но со стороны патрона это были действия по инерции, по канону традиции.

48 Van den Braber. 2021: 42.

49 Bourdieu. 1996: 49.

Литературное поле эпохи модернизма стремительно менялось, возникали новые конфигурации искусства и коммерции, что создавало всевозможные дилеммы патронажа. Например, концепция издательства «Хоггарт пресс» Леонарда и Вирджинии Вулф предполагала финансовую самостоятельность автора и сокращение промежуточных звеньев на пути к читателю (литературные агенты, редакторы). Сходный замысел был и у создателя Мастерских Омега Роджера Фрая: художники непосредственно выходят на рынок, ищут клиентов и зарабатывают на жизнь. К тому же писатели члены группы Блумсбери во многом противопоставляли себя не только писателям викторианского поколения, но и эдвардианцам как традиционалистам. Достаточно вспомнить эссе Вирджинии Вулф «Мистер Беннетт и миссис Браун». Группа Блумсбери создала свой альтернативный габитус — ходить на правильные спектакли, вечеринки для своих... и в этом поле действовали меценаты, не все из которых понимали новые правила игры.

Напротив, леди Оттолайн действовала как традиционный патрон-аристократ, покровитель искусств. Ее поддержка порой имела форму подарков и помощи, но часто бывала нематериальной — полезные знакомства, писатели встречались с издателями, художники с потенциальными заказчиками. Салон был пространством для таких знакомств, для networking. Но далеко не все хотели признавать ее влияние и желание помочь.

При этом у нее было уникальное и возвышенное видение своей роли: она усматривала в помощи талантливым людям свою религиозную миссию: «Если господь подействует во мне, я помогу ему»⁵⁰ — писала она о своем отношении к

50 Seymour. 1992: 98.

художнику Огастесу Джону. Из этой же серии — уже упоминавшееся ранее ее утопическое толкование Гарсингтона как пространства для идеального сообщества творческих людей.

В этом контексте патрон осуществляет свою благородную миссию, освобождая художника от стесняющих обстоятельств быта и попутно приобретает символический капитал, укрепляя свою репутацию покровителя искусств. Взамен он приобретает возможность влиять на художественный процесс и благодарность творцов. Но, очевидно, порой леди Оттолайн действовала чересчур напористо, и выполняя свою религиозную миссию, прибегала к манипуляциям. Этот аспект ее патронажа акцентировал Лоуренс. В его романе есть глава под названием «Ковер Гермियोны», где описываются как раз такие манипуляции с ее стороны. Они нацелены на вручение подарка — традиционный жест со стороны патрона. В этом эпизоде Гермiona пытается как дизайнер выстроить интерьер Биркина и навязывает ему персидский ковер, а он вяло отнекивается, но в итоге соглашается (за что потом получает выговор от своей будущей жены Урсулы):

— «Это будет кабинет, — сказала Гермiona. — Руперт, у меня есть ковер, который я хотела бы видеть на полу в этой комнате. Можно я вам его подарю? Пожалуйста, мне было бы очень приятно отдать его вам.

— Что он из себя представляет? — довольно резко спросил он.

— Вы его не видели. Основной тон розово-красный, но остальные цвета — голубой, ярко-насыщенный синий и очень глубокий темно-синий. Мне кажется, вам он понравится. А вы как думаете?

— Звучит очень интересно, — ответил он.

— Откуда он? С Востока? Он пушистый?

— Да. Его привезли из Персии. Он из верблюжьей шерсти, очень шелковистый на ощупь. По-моему, это бергамский ковер — двенадцать футов на семь. Подойдет?

— Думаю да, — ответил он. — Но не нужно дарить мне дорогой ковер. Я прекрасно обойдусь и старой оксфордской подделкой под турецкий.

— Можно я все же вам его подарю? Пожалуйста!

- Сколько он стоит? Она посмотрела на него и сказала: — Не помню. По-моему, совсем недорого. Он взглянул на нее, и его лицо стало жестким.
- Гермiona, я не хочу его брать, — сказал он.
- Позвольте мне подарить его этим комнатам, — сказала она, подходя к нему и с легкой мольбой кладя руку на его локоть. — А то я буду огорчена.
- Ты знаешь, что я не хочу, чтобы ты делала мне подарки, — беспомощно повторил он.
- Я и не собираюсь делать тебе подарки, — насмешливо сказала она. — Но ковер-то ты возьмешь?
- Хорошо, — сдался он наконец, и она восторжествовала⁵¹.

В этом эпизоде описана борьба двух характеров: патрон манипуляциями заставляет своего подопечного принять ценный подарок фактически вопреки его воле. В романе устами Биркина выражено и авторское отношение Лоуренса к подобным ситуациям:

Мне бы хотелось, чтобы каждый человек получил причитающуюся ему долю мирских благ и избавил меня тем самым от своих докучливых притязаний; мне хотелось бы сказать ему: «Ты получил, что хотел — у тебя есть твоя доля этого мира. А теперь ты, твердящий об одном и том же, займись своим делом и не мешай мне заниматься своим»⁵².

Поддержка покровителя часто была известна только среди людей, принадлежащих к литературным или художественным кругам, а авторам чаще всего не хотелось признавать факт патронажа — и тогда для широкой публики создавалась негативная литературная проекция через жанр романа с ключом. Очевидно, что Лоуренс не мог признать для себя и вынести в публичное пространство факт патронажа. Видимо, его гордость была задета, он был не в силах признать экономическую зависимость от женщины, поскольку

51 Лоуренс. 1916. Электронное издание. Глава «Ковер Гермiony».

52 Лоуренс. 1916. Электронное издание.

исторически амплуа патрона и хозяйки салона — форма женской власти, параллельная светская карьера для женщины. Поэтому в романе у него сплошь и рядом происходит замена по принципу противоположности — что особенно четко видно в эпизоде с пресс-папье, когда подарок превращается в орудие нападения и нанесения травмы. Это, по Фрейдю, механизм психологической защиты — проекция или замещение. Но в результате образ леди Оттолайн в интерпретации Лоуренса приобретает устрашающие черты «темного патрона», по терминологии Ван ден Брабер⁵³.

Рассматривая проблему патронажа, необходимо учесть и социальные аспекты. Лоуренс происходил из шахтерской семьи, и он, конечно, остро чувствовал социальную дистанцию, отделяющую его от леди Оттолайн, принадлежащей к старинному роду Кавендиш. В письмах он декларировал всяческое почтение к аристократизму:

Замечательно, что Вы — такая знатная леди. Не пренебрегайте вашим титулом. Ваше высокое происхождение слишком ценно в нашем низком коммерческом мире. Я действительно преисполнен почтения к вашей родословной. Надо воздать должное благородному происхождению: это не случайно. Я бы многое отдал, чтобы быть аристократом⁵⁴.

В подобной возвышенной романтизации аристократизма, однако, ощутимы следы зависти. Романтическая парадигма патрона-аристократа создавала ауру посвященности, эксклюзивности, но и накладывала целый ряд обязательств, в том числе — благодарности покровителю. Видимо, это морально было не под силу Лоуренсу, никогда не забывавшему о своем социальном происхождении, несмотря на всю риторiku.

53 Van den Braber. 2021.

54 Seymour. 1992: 212.

ОХОТА НА ЛЬВОВ

Еще один важный концепт в проблеме патронажа выражается через гендерную метафорику «охоты на львов». Охотник / охотница на львов — термин⁵⁵, описывающий патронов как охотников или укротителей львов, т.е. знаменитостей. Эта гендерная метафорика распространилась прежде всего на женщин — мужчины-патроны здесь не были задействованы. Салон выступает как топос женской власти, «охоты», а патронессы — как дрессировщицы, укрощающие гордых львов-знаменитостей и заставляющие их исполнять разные трюки, что подкрепляет репутацию патрона⁵⁶.

В истории культуры действительно были хозяйки салонов, которые использовали знаменитых гостей для упрочения своей репутации: так, во Франции мадам Арман де Кайаве заставляла Анатоля Франса выступать перед гостями своего салона. Другая британская салонная хостесса того времени, леди Сибил Коулфакс, тоже «коллекционировала» знаменитостей и так любила невзначай упоминать их имена в беседе, что Вирджиния Вулф даже придумала термин «colefaxism»: упоминание престижных имен, name-dropping — стремление возвыситься за счет важных знакомств. У Пруста блестяще описана конкуренция хозяек светских салонов за знаменитую актрису, можно вспомнить и иронию по сходному поводу Льва Толстого: «Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное»⁵⁷.

Но стоит отметить, что и роль гостя-льва тоже имела свои приятные свойства: быть львом — это почетно, за

55 Melišová. 2022: 101-116.

56 Melišová. 2022: 101-116.

57 Толстой. 2020.

львами гоняются, все хотят залучить их к себе. А другие гости, не столь известные, наоборот, гонялись за подобными приглашениями. Молодёжь также привлекали знакомства, которые можно завести в салоне. Так, Олдос Хаксли, будучи студентом, добился того, что его стали приглашать в Гарсингтон и в итоге женился на Марии Нис, гувернантке Джулиан.

Подобные упреки как раз адресовались леди Оттолайн в кругу группы Блумсбери. Вряд ли эти рассуждения об охоте на львов были справедливыми, скорее это были все те же сплетни, досужие разговоры. У леди Оттолайн было другое, утопическое, понимание своей роли патрона как особой религиозной миссии, о чем мы уже писали. Да и масштаб ее личности не позволял свести ее отношения со знаменитыми авторами к подобной меркантильной цели. Для нее эти метафоры были неадекватны: согласно Шону Латему, «Моррелл становится трагической фигурой — ее состояние и престиж недостаточны, чтобы защитить ее от попыток мужчины-художника присвоить и использовать символическую подоплеку женского гендера и превратить ее из патрона в охотницу на львов»⁵⁸

Лорд Дэвид Сесил, описывая Гарсингтон, очень точно определил специфику ситуации именно в этом аспекте:

Львы и в самом деле присутствовали... но их не выставляли напоказ, и они не были в клетках. Скорее я наблюдал за ними в их естественном окружении, расслабленными, за ними никто не следил, они или играли или если хотели, могли пойти поработать. Что касается леди Оттолайн, она тоже была одним из них... Она вовсе не являлась охотницей на львов, наоборот, она сама была львицей, она была художником, творящим собственную жизнь. В компании своих знаменитых друзей она обнаруживала духовное родство с ними и была равной им по силе и оригинальности личности. Все

58 Latham. 2009: 156.

смотрели на нее и слушали ее и запоминали общение с ней в той же мере, как с ними⁵⁹.

В этом описании ухвачена самая суть — леди Оттолайн была не охотницей, а львицей.

Ее поступки, характер, стиль одежды пробуждали романтический интерес, поскольку она жила полной жизнью. Миранда Сеймур называла это «life on a grand scale» — жизнь в большом масштабе. Жизнетворчество леди Оттолайн сказывалось на всех уровнях — и внешность, и одежда, широкий круг интересов и знакомых, желание помогать одаренным людям, мужественное преодоление тяжелой болезни — ясная стремительность и энергия чувствовались во всем.

Мы проследили, как создается корпус легенд о патроне, особая мифология, которая служит источником стереотипных представлений. В узком кругу было известно, что леди Оттолайн действует в качестве патрона, но вот для широкой публики «романы с ключом», увы, остались единственными свидетельствами. А среди знакомых на ее репутацию неблагоприятно влияли сплетни и слухи. В целом можно выделить две основные сферы возникновения и циркуляции сплетен: устное злословие друзей и знакомых и сплетни в письмах или в дневниках, в посмертных мемуарах. Это, можно сказать, своего рода нарративный капитал, возможность рассказывать истории, которой пользовались многие, кто знал леди Оттолайн.

В итоге мы видели, как работает конструкция нарратива о патронаже — через сплетни, письма, которые расходятся и цитируются, и самое главное — через художественные тексты, в которых выведены карикатурные образы и развернуты такие эпизоды, как удар пресс-папье или подарок ковра. И

59 Seymour. 1992: 324.

хотя сплетни как устный жанр не всегда прямо соотносятся с литературными нарративами, они во многом определяют восприятие текста читателями-современниками⁶⁰ и затем влияют на посмертную репутацию. В них отражаются глубокие конфликты – авторства, жизнотворчества, независимости художника, коммодификации искусства в эпоху модернизма. Разобраться в нюансах этой запечатленной мимолетности — серьезный челлендж для научного понимания.

60 О роли сплетен в конструкции литературного нарратива см., к примеру, анализ Олега Проскурина ранней редакции 5 главы «Мертвых душ» Гоголя. См. **Проскурин**. 2006

Список источников и литературы

Вайнштейн. 2024 — Вайнштейн О.Б. Фрак Мафусаил и неумело заштопанные шелковые митенки: богемная мода как источник современного бедного стиля // Теория Моды 2024. №71. С.355-389.

Вайнштейн. 2023 — Вайнштейн О.Б. «Why did she provoke so much hostility?» Что огорчало Миранду Сеймур, когда она писала биографию леди Оттолайн Моррелл // ШАГИ/STEPS. Т. 9. № 4. 2023. С.233-244.

Вулф. 2022. — Вулф В. Орландо. Волны. Флаш. М.: Азбука-Аттикус, пер. Е.Суриц. Электронное издание. 2022. URL: <https://www.litres.ru/book/virdzhiniya-vulf/orlando-volny-flash-68676282/chitat-onlayn/?page=4> (26.10.2024)

Лоуренс. 1916. — Лоуренс Д.Г. Влюбленные женщины. Пер. В.Бернацкой. URL: https://librebook.me/women_in_love (17.08.2024)

Проскурин. 2006. — Проскурин О. Неприличная фамилия // Кириллица или небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова. 2006. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/539849.html> (26.10.2024).

Толстой. 2020 — Толстой Л. Н. Война и мир. URL: <https://www.litres.ru/book/lev-tolstoy/voyna-i-mir-tom-i-ii-49592199/chitat-onlayn/?page=3> (17.08.2024)

Bell. 1994 — Bell V. Selected Letters of Vanessa Bell. L.: Bloomsbury Publishing, 1994.

Bourdieu. 1996. — Bourdieu P. The Rules of Art. Cambridge: Polity press, 1996.

Van den Braber. 2021 — Van den Braber H. From Maker to Patron (and Back). Utrecht: Utrecht University, 2021.

Darroch. 1976 — Darroch S. J. Ottoline: The life of Lady Ottoline Morrell. London: Chatto & Windus, 1976.

Dunbar. 1998 — Dunbar R. Grooming, Gossip, and the Evolution of Language. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1998.

Dunbar. 2004 — Dunbar R. Gossip in Evolutionary Perspective // Review of General Psychology 2004, Vol. 8, No. 2, 100-110.

Latham. 2009 — Latham S. The Art of Scandal: Modernism, Libel Law, and the Roman à Clef. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Leverson. 2021 — Leverson A. *Bird of Paradise*. (1914). Mint Editions, 2021.

Lucey. 2022 — Lucey M. *What Proust Heard: Novels and the Ethnography of Talk*. Chicago: University of Chicago Press, 2022.

Lyon. 2009 — Lyon J. *Sociability in the Metropole: Modernism's Bohemian Salons // English Literary History*. 2009. No 3. P. 687-711.

Marshik. 2016 — Marshik C. *At the Mercy of their clothes: Modernism, the Middlebrow, and British Garment Culture*. New York: Columbia University Press, 2016.

Melišová. 2022 — Melišová K. *Modernist Lionhunting: An Exploration of Patronage in the Cultural Imaginary // Polish Journal of English Studies* 2022. Vol. 8. No.2. P.101-116.

Melišová. 2020. — Melišová K. *Beyond Dreams of Avarice: The Self-Fashioning of Lady Ottoline Morrell*. Master's Diploma Thesis. Masaryk University Faculty of Arts, 2020.

Seymour. 1992 — Seymour M. *Ottoline Morrell: Life on the grand scale*. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1992.

Vogue. 1928 — Vogue. May16, 1928, 60.

Woolf. 1972 — Woolf L. *Beginning Again: An Autobiography of the Years 1911 to 1918*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

Woolf. 2006 — Woolf V. *Letters of Virginia Woolf to Lady Ottoline Morrell*. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-4803704> (17.08.2024)

REFERENCES

Bourdieu, Pierre. *The Rules of Art*. Cambridge: Polity press, 1996.

Van den Braber, Helleke. *From Maker to Patron (and back)*. Utrecht: Utrecht University, 2021.

Darroch, Sandra. J. *Ottoline: The life of Lady Ottoline Morrell*. London: Chatto & Windus, 1976.

Dunbar, Robin. *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1998.

Dunbar, Robin. "Gossip in Evolutionary Perspective". *Review of General Psychology* 8, no. 2 (2004): 100–110.

Latham, Sean. *The Art of Scandal: Modernism, Libel Law, and the Roman à Clef*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Lucey, Michael. *What Proust Heard: Novels and the Ethnography of Talk*. Chicago: University of Chicago Press, 2022.

Lyon, Janet. "Sociability in the Metropole: Modernism's Bohemian Salons". *English Literary History*, no. 3, (2009): 687-711.

Marshik, Celia. *At the Mercy of their clothes: Modernism, the Middle-brow, and British Garment Culture*. New York: Columbia University Press, 2016.

Melišová, Kristina. "Modernist Lionhunting: An Exploration of Patronage in the Cultural Imaginary". *Polish Journal of English Studies* 8.2 (2022): 101-116.

Melišová, Kristina. *Beyond Dreams of Avarice: The Self-Fashioning of Lady Ottoline Morrell*. Master's Diploma Thesis. Masaryk University Faculty of Arts: 2020.

Proskurin, Oleg. "Indecent Surname". *Kirillitsa or the sky in diamonds*. 2006. <https://www.ruthenia.ru/document/539849.html> (26.10.2024).

Seymour, Miranda. *Ottoline Morrell: Life on the grand scale*. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1992.

Vainshtein, Olga. "Methuselah the coat and badly mended silk mittens: bohemian fashion as inspiration for the contemporary poor look". *Fashion Theory* 71. (2024): 355-389. (In Russian)

Vainshtein, Olga. "'Why did she provoke so much hostility?' What upset Miranda Seymour while writing the biography of Lady Ottoline Morrell". *Shagi (Steps)* 9. № 4. (2023): 233-244. (In Russian)

Vogue, May 16, 1928, 60.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Х.У. Барнетт. Леди Оттолайн Моррелл. 1902. National Portrait Gallery (London) NPG P1005, artwork ID: mw72163

Илл 2. Д.Ч. Бересфорд. Леди Оттолайн Моррелл. 1903. National Portrait Gallery (London): NPG P1007

Илл. 3. Адольф де Мейер. Леди Оттолайн Моррелл. 1912. Metropolitan Museum of Art: entry 283249

«НЕДОСТОЙНЫЕ» ЖЕНЫ «ХОРОШИХ» ИМПЕРАТОРОВ ДИНАСТИИ АНТОНИНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Антонин Пий, Марк Аврелий, Фаустина Старшая, Фаустина Младшая, Луций Вер, Коммод, династия Антонинов, Historia Augusta, римские императоры, античная нарративная традиция.

АННОТАЦИЯ: Одним из важных элементов, укрепляющих конструкцию власти поздних представителей римской императорской династии Антонинов (96-192 гг.), были династические браки. Давший имя династии Антонин Пий был женат на тетке своего приемного сына и преемника Марка Аврелия, которого, в свою очередь, женил на своей дочери. Официальные источники информации (монеты, почетные надписи и т.д.) создают позитивный образ обеих август, двух Фаустин. Образ этот вступает в резкое противоречие с сообщениями нарративной традиции, в которой зафиксировано множество слухов и сплетен о личной жизни август. Большая подборка этой категории источников представлена в биографиях императоров, входящих в состав сборника Historia Augusta, известного обилием анахронизмов и откровенного вымысла. В статье анализируются собранные его автором сплетни о личной жизни и нравственном облике двух Фаустин; путем сопоставления с параллельной традицией обосновывается точка зрения о современности этих сведений времени жизни двух август и их мужей. Отвечая на вопрос о причинах включения древним автором этого блока информации в свое сочинение, автор статьи приходит к выводу, что подобные сплетни, очерняя август, парадоксальным образом работали на укрепление репутации их мужей, которые фигурировали в римской исторической памяти как лучшие императоры.

Для цитирования: Миролюбов И.А. «Недостойные» жены «хороших» императоров династии Антонинов // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 134-159. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-134-159

I. A. Miroljubov

Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
ORCID ID 0000-0001-5904-1147
Scopus ID 57219404473
peter-herzog@yandex.ru

“INFAMOUS” WIVES OF “GOOD” ANTONINE EMPERORS

Keywords: Antoninus Pius, Marcus Aurelius, Faustina the Elder, Faustina the Younger, Lucius Verus, Commodus, Antonine dynasty, Historia Augusta, Roman emperors, ancient narrative tradition.

Abstract: Dynastic marriages constituted an important element that strengthened the power structure of the late representatives of the Roman imperial dynasty of the Antonines (96-192 AD). Antoninus Pius, who gave the dynasty its name, was married to an aunt of his adopted son and successor Marcus Aurelius, whom he, in turn, married to his daughter. Official sources of information (coins, honorary inscriptions, etc.) create a positive image of both Augustae, the two Faustinas. This image is in sharp contradiction with the messages of the narrative tradition, which records many rumors and gossip about the personal lives of the Augustae. A large selection of this category of sources is presented in the biographies of the emperors included in so-called Historia Augusta – collection of imperial biographies, known for its abundance of anachronisms and outright fiction. The article analyzes gossip collected by its author about the personal life and moral character of the two Faustinas; by comparing it with parallel tradition, the point is made that this information was of the same period as the time of the lives of the two Augustae and their husbands. Answering the question about the reasons for the inclusion of this block of information in his work by an ancient author, the author of the article comes to the conclusion that the gossip denigrating Augustae, paradoxically, worked to strengthen the reputation of their husbands, who figured in Roman historical memory as the best emperors.

To cite this article: Miroljubov, Ivan. “‘Infamous’ wives of ‘good’ Antonine emperors”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 134-159. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-134-159

Римская историография императорского периода тяготела к разделению императоров на «хороших» и «плохих», формируя, таким образом, образец поведения для действующего правителя. К числу образцово «хороших» императоров относились Антонин Пий (138-161 гг.¹) и его приемный сын, философ Марк Аврелий (161-180 гг.). Они представляли позднее поколение линии императоров, правивших Римом в 96-192 гг. и известной как «династия Антонинов». Высокие оценки, закрепившиеся за этими правителями еще в период их правления, сохраняли свою актуальность и в более позднее время².

Антонин Пий и Марк Аврелий представляли один клан, который сосредоточил в своих руках власть в 138 г. по воле умирающего императора Адриана (117-138 гг.)³. Несмотря на принадлежность к разным семьям⁴, они были связаны свойством: Антонин был женат на тетке Марка Аврелия, Фаустине Старшей, а тот, в свою очередь, в 145 г. женился на его дочери Фаустине Младшей, своей кузине. Женщины, таким образом, играли немаловажную роль в новой конфигурации власти⁵. Характерен анекдот, в котором сам Марк Аврелий полушутя называл императорскую власть приданым⁶. Высокое положение обеих женщин подчеркивалось через титула-

1 Здесь и далее в вопросах хронологии опираемся на работу: **Kienast**. 2004.

2 **Sterz**. 1977; **Adams**. 2013: 213-240; **Michels**. 2018: 1-7; **Миролюбов**. 2023: 819-820.

3 Адриан избрал Антонина Пия своим преемником и усыновил его, а ему, в свою очередь, поручил усыновить Марка Аврелия и его соправителя Луция Вера: **Schipp**. 2011: 56-61.

4 Антонин по отцу принадлежал к семейству Аврелиев Фульвов, выходцев из провинции Нарбонская Галлия: **Schipp**. 2011: 46. Марк Аврелий по отцу происходил из семьи Анниев Веров, выходцев из испанской провинции Бетика: **Birley**. 2001: 28-31.

5 **Michels**. 2018: 144-149.

6 **Priwitzer**. 2017: 108.

туру. Обе были удостоены почетного титула «Августа», при этом Фаустина-мл. получила его в 147 г. и, соответственно, вплоть до 161 г. превосходила в статусном отношении своего мужа, имевшего титул «Цезарь»⁷. Уже в правление мужа она удостоится также редкого титула «мать военных лагерей»⁸. Он обычно фиксировал то обстоятельство, что супруга сопровождала императора в походах⁹. Высокое положение обеих Фаустин подтверждают официальные источники информации: данные эпитафии¹⁰, нумизматики¹¹, а также многочисленные скульптурные портреты¹². Эта информация, как кажется, указывает на безусловное почитание императорами своих супругов. Об этом говорят и они сами. В корпусе писем оратора Марка Корнелия Фронтоня сохранилось замечание Антонина Пия, что он предпочел бы жизнь «со своей Фаустиной» на безлюдном острове жизни в дворцовом комплексе на Палатине¹³. В записках Марка Аврелия также

-
- 7 **Kienast.** 2004: 136-141; **Schipp.** 2011: 54; **Levick.** 2014: 36-37. Компонент «цезарь», будучи элементом полного императорского титула («император», «цезарь», «август»), самостоятельно мог обозначать избранного императором преемника своей власти. Марк Аврелий удостоился титула в 139 г. (**Kienast.** 2004: 137).
 - 8 **Kienast** 2004: 141; **Levick** 2014: 78-79.
 - 9 **Burns.** 2007: 164; **Миролюбов.** 2023b: 139. М. Ботрайт, описывая обстоятельства поездки Фаустины Младшей к мужу на фронт, отмечала, что в течение 150 предшествующих лет до нее ни одна женщина из императорского дома не совершала ничего подобного: **Boatwright.** 2003: 258-264.
 - 10 Подборка надписей в честь обеих Фаустин: **Dessau.** 1892: 83-93.
 - 11 Чеканка в честь Фаустин: **Mattingly.** 1930: 157-170; 268-274; **Vagi.** 2015: 360–362; 366-367; **Beckmann.** 2012; **Beckmann.** 2021.
 - 12 **Kleiner.** 1992: 277-280. Обе августы были обожествлены после смерти. В Риме существовал храм в честь Антонина и Фаустины Старшей, а также, возможно, алтари в честь обеих август: **Richardson.** 1992: 11-12; 149; **Michels.** 2018. 154-160.
 - 13 **Fronto.** 1919 (I): 128-129. Соглашаемся с предположением, что в письме речь идет о Фаустине Старшей, жене Антонина: **Champlin.** 1980: 86; **Levick.** 2014: 60-61. Существует мнение, что Антонин пишет о своей дочери: **Birley.** 2001: 82.

сохранился положительный отзыв о его супруге: «жена моя — сама податливость, и сколько приветливости, неприхотливости»¹⁴ (M. Aurel. Meditat. I.17).

Вне официальных источников информация о личной жизни Антонина Пия и Марка Аврелия достаточно обстоятельно описана в их биографиях, входящих в сборник под условным названием «История августов» (Historia Augusta, далее — НА), подписанный именами шести нигде более не зафиксированных авторов, живших будто бы на рубеже III-IV вв. В действительности это сочинение интеллектуала-анонима (далее — автор НА), работавшего в конце IV или начале V в.¹⁵ Сборник содержит жизнеописания императоров II-III вв.; биографии при этом изобилуют анахронизмами и откровенным вымыслом¹⁶. Источниковая ценность сборника, впрочем, неравномерна, и биографии императоров II в. обнаруживают больше достоверного материала¹⁷, который, к тому же, может быть проверен благодаря существованию параллельной традиции.

Автор НА очень уважает Антонина Пия и Марка Аврелия¹⁸, однако жены их симпатий у него не вызывают. В биографии Антонина Пия автор пишет о жене императора, Фаустине Старшей:

О его жене было много разговоров из-за ее слишком свободного и легкомысленного образа жизни, но он положил им конец, хотя и страдал в глубине души¹⁹ (НА Anton. Pius 3.7).

14 Перевод А.К. Гаврилова по изданию: **Марк Аврелий**. 1985.

15 О едином авторстве: **Burgersdijk**. 2014: 139-141; **Rohrbacher**. 2016: 3-15. О датировке и социальном статусе автора: **Rohrbacher**. 2016: 7-8; **Миролюбов**. 2024.

16 **Birley**. 2003: 127-149.

17 **Den Hengst**. 2010: 93; **Michels**. 2018: 3-4.

18 **Миролюбов**. 2023: 819.

19 Здесь и далее — перевод С.П. Кондратьева по изданию: **Властелины Рима**. 1992.

Также он сообщает о том, что жену Марка Аврелия, Фаустину Младшую, молва упрекала в «безнравственности» (НА М. Anton. Philosoph. 26.5). Формулировки, избранные автором НА, указывают, что в тексте сборника используется современная самим августам устная традиция, получившая закрепление в историографии и доступная спустя два века. Еще раз подчеркнем, что официальные источники, а равно и собственные заявления императоров, сохранившиеся до нашего времени, позволяют говорить об их теплом отношении к женам, исключая какое-либо сомнение в их достойном образе жизни. Тем интереснее задаться вопросом, действительно ли эти слухи восходили ко II в.²⁰ или были изобретены позже²¹, возможно самим автором НА. Второй вопрос состоит в выяснении цели включения этого материала в повествование. Для ответа на них приведем и прокомментируем соответствующие фрагменты текста. В биографии императора Антонина Пия автор НА сообщает:

Первым его высказыванием в новом положении, говорят, было следующее: когда жена стала упрекать его в том, что он по какому-то поводу проявил мало щедрости по отношению к своим, он сказал ей: “Глупая, после того как нас призвали к управлению империей, мы потеряли и то, что мы имели раньше” (НА. Anton. Pius 4.8).

За пределами данного источника жалоба Фаустины не имеет никаких подтверждений, однако ключ к ее пониманию дает, как кажется, исторический фон эпохи. Предшественник Антонина Пия, Адриан, хотя и не вел крупных завоевательных кампаний, однако же занимался ревизией империи, итогом которой стали масштабные строительные и

20 Предполагается, что они отражали недовольство определенных элитных групп растущим влиянием август: **Michels**. 2018: 147.

21 Такое мнение: **Schipp**. 2011: 53.

ремонтные работы по всей территории государства²². Последние годы правления ознаменовались также крупным восстанием в Иудее, которое потребовало привлечения больших сил и средств²³. Несомненно, что эти обстоятельства обусловили значительные затраты. Экономическое благосостояние империи оставалось пока стабильным, но ухудшение ситуации в перспективе вполне просматривалось. Характерно, к примеру, продолжающееся в правление Антонина Пия ползучее снижение серебра в монетах²⁴. В этой связи кажется неслучайным, что авторы обращают внимание на экономность Антонина по отношению к государственной казне. Будучи одним из самых богатых людей империи до прихода к власти, он использовал свое состояние для выплат солдатского жалования²⁵. История с женой кажется наглядной, отчасти комичной иллюстрацией его финансовой политики. Образ «недостойной» супруги придал еще большую славу самому императору: он отвергал алчность не только «своих», т.е. родственников разной степени и знакомых, но даже собственной жены. Представляя портрет Фаустины Старшей, автор НА, как мы уже подчеркивали выше, намекает на ее развратное поведение (НА Anton. Pius 3.7). Таким образом, алчность дополняется хрестоматийной при изображении «недостойной» августы тягой к разнузданному образу жизни, итогом которой обычно становился разврат. Однако,

22 Хронология и география поездок императора по провинциям, описание его деятельности: **Syme**. 1988: 159-170; **Birley**. 1999: 113-188; **Birley**. 2003b: 425-441; **Fraser**. 2006.

23 **Birley**. 1999: 268-276.

24 **Walker**. 1977: 25-33.

25 Это сообщение автора НА (Anton. Pius 3.9) находит подтверждение у историка Евтропия: «он ... раздал имущество свое на жалование воинам и помощь друзьям, однако оставил после себя богатую государственную казну» (Eutrop. Brev. VIII.8.3, перевод А.И. Донченко по изданию: **Римские истории IV века**. 1997).

в отличие от алчности, это мнимое качество Фаустины Старшей не подтверждается никакими данными, а потому в нем предпочтительно увидеть позднейший вымысел, тем более что автор предельно неконкретен: мы не видим имен любовников или каких-то деталей из повседневной жизни августы. Какова же роль этих намеков на безнравственность в нарративе о правящем семействе? Ответить на этот вопрос затруднительно по причине уникальности сообщения. Напротив, безнравственность часто упоминается в рассказе о дочери Фаустины Старшей, Фаустине Младшей. Итеративность упоминаний позволяет лучше понять цель, поставленную автором при компоновке материала. Обратимся к комментированию этих сообщений.

Как и в рассказе о ее матери, автор НА указывает на упрекающую августу молву, которая была известна ее супругу: Марк Аврелий «произнес похвальную речь, хотя молва упорно обвиняла его покойную супругу в безнравственности. Марк Аврелий либо ничего не знал об этом, либо делал вид, что не знает» (НА М. Anton. Philosoph. 26.5). «Безнравственность» (*impudicitia*) наглядно иллюстрируется многочисленными связями: «ведь хорошо известно, что в Кайете Фаустина выбирала себе любовников из матросов и гладиаторов» (НА М. Anton. Philosoph. 19.7); «были толки о любовных связях его жены с пантомимами, но в своих письмах он это опроверг» (НА М. Anton. Philosoph. 23.7). Выбор «категорий» любовников примечателен: Фаустина Младшая, дочь, жена и мать императоров, принадлежавшая к высшему слою римского общества, предпочитает связи с представителями низов, что усиливает ощущение «безнравственности»²⁶.

26 Тот же автор, приводя имена любовников Фаустины Младшей, называет неких «Тертулла, Тутилия, Орфита и Модерата» (НА М. Anton. Philosoph.

Подборка отчасти расшифровывается в том же жизнеописании. Мимы (комические артисты), вероятно, избраны автором по ассоциативным причинам — их выступления, включавшие в себя вольные речи, были проявлением права на свободное выражение своих мыслей, которое соблюдалось в период правления Марка. Сам же автор заявляет, что Марк Аврелий и его соправитель Луций Вер (161-169 гг.) правили столь милостиво, что насмешки над ними позволялись даже некоему популярному артисту Марулли (НА М. Anton. Philosoph. 8.1). Приводится и пример такой насмешки, имеющей как раз «пикантный» характер и обыгрывающей имя любовника августы:

один актер, игравший на сцене раба, на вопрос глупого господина об имени любовника его жены, три раза сказал в присутствии Антонина “Тулл”, а когда глупец продолжал спрашивать, он ответил: “Я уже сказал тебе трижды — Тулл его имя”²⁷ (НА М. Anton. Philosoph. 29.2).

Имя любовников-мимов автор не приводит, но сам сюжет не удивителен: артисты были любимцами публики. Жившая на рубеже I-II вв. богатая пожилая римлянка Уммидия Квадратилла, к примеру, держала у себя дома целый театр пантомимов. При этом даже созерцание их выступлений не считалось занятием, соотносившимся с римскими представлениями о нравственности: именно поэтому Уммидия запрещала присутствовать на их спектаклях своему внуку²⁸.

29). Имена эти были распространены среди сенаторской элиты того времени.

27 В оригинале — игра слов: «трижды — Тулл» (ter Tullus) звучит как имя «Тертулл».

28 Сюжет рассказывает сенатор Плиний Младший в одном из частных писем: «...она, как женщина старая, уже на покое, отдыхает обычно душой, играя в камешки и глядя на своих пантомимов, но, принимаясь за эти занятия, всегда приказывает своему внуку уйти и взяться за учение» (Plin. Min. Epist. VII.24.4-5; перевод А.И. Доватура по изданию: Плиний Младший. 1950).

Таким образом, связь с пантомимами — удар по репутации Фаустины Младшей. Усиливается он и тем, что коллеги любовников по артистическому цеху позволяли себе, в довершение картины безнравственности, высмеивать поведение августв со сцены в присутствии самого августейшего мужа.

Обратимся и к упоминанию гладиаторов. Тот же источник называет сына Марка Аврелия, одиозного императора Коммода, «гладиатором» (НА М. Anton. Philosoph. 19.5), имея в виду его увлечение этим видом развлечений. Позорное для римского гражданина пристрастие Коммода к выступлению на арене зафиксировано множеством письменных источников²⁹, а также иллюстративным материалом — наиболее известный скульптурный портрет и изображения на монетах представляют его в любимом образе Геркулеса, в котором он неоднократно появлялся на арене³⁰. Однако формирование исторического нарратива о Коммодe сталкивалось с некоторыми трудностями. Коммод был первым за почти сто лет императором, получившим власть как преемник родного отца³¹. Выбор его наследником пятнал образ Марка Аврелия, что, вероятно, и понудило симпатизировавших императору-философу римлян искать некоего «настоящего» отца Коммода. Родство Марка Аврелия и Коммода было очевидно даже благодаря портретному сходству³². Автор НА в биографии

29 **Hekster**. 2002: 146-154. В НА встречаем оскорбительное прозвище «гладиатор» в стенограмме заседания сената после убийства императора (НА Commod. 18-19).

30 **Kleiner**. 1992: 273-277.

31 Последним таким императором был Домициан (80-96 гг.), сын Веспасиана, погибший в результате заговора. Династия, начавшаяся с императора Нервы (96-98 гг.) носила искусственный характер и оформлялась через усыновления: **Schipp**. 2011: 19-83.

32 **Kleiner**. 1992: 273. Не было ли оно вызвано как раз некими слухами?

Марка³³ предлагает сразу два объяснения тому, почему Коммод не был схож нравом со своим отцом. По одной версии, Коммод и был сыном не императора, а некоего гладиатора. По другой, более экзотичной версии, Фаустина по совету жрецов искупалась в крови любимого ею гладиатора, чтобы прекратить непристойную тягу, и после этого обряда родила от мужа сына-гладиатора (НА М. Anton. Philosoph. 19.1-7). Свои источники автор характеризует терминами «sermo» (молва) и «fabella» (сказка) или выражениями «aiunt quidam» (некоторые говорят), «multi autem ferunt» (многие также передают). Таким образом, речь идет о некой устной традиции, сформировавшейся при Марке и затем зафиксированной письменно. Подтвердить или опровергнуть датировку этих слухов временем Марка затруднительно: современники императора, Кассий Дион и Геродиан, ничего об этом не говорят, а труд специализировавшегося на курьезах императорского биографа Мария Максима до нас не дошел³⁴. Однако в сочинениях авторов IV в. — Аврелия Виктора и Евтропия, — Марк Аврелий и Коммод противопоставляются друг другу, при этом первый сообщает о развратном поведении Фаустины Младшей³⁵. Оба автора — добросовестные компиляторы

33 Или, согласно озвученной выше гипотезе, автор сочинения, фрагмент которого был интерполирован в биографию Марка: **Adams**. 2013: 174-175.

34 Автор НА читал этого автора и пользовался его трудом: **Rohrbacher**. 2013: 153-156. Однако ссылки на него в рамках биографии Марка фигурируют вне рассказа о личной жизни Фаустины Младшей (НА М. Anton. Philosoph. 1.6; 25.10). Впрочем, автор НА отмечает негативное отношение этого историка к августу (НА Avid. Cass. 9.9).

35 Евтропий: «Его наследник Луций Антонин Коммод не имел с отцом ничего общего, кроме, пожалуй, того, что также успешно сражался с германцами» (Eutrop. Brev. VIII.15.1). Аврелий Виктор: «Все его (Марка Аврелия — И.М.) деяния и намерения <...> были омрачены недостойным поведением его супруги, нуждавшейся в сдерживании...»; «Сын его стал особенно ненавистным из-за жестокого управления с самого начала, особенно же из-за того, что предки его оставили о себе противоположную память...»

предшествующей традиции, что позволяет предполагать использование данных, восходящих ко времени самого Марка.

Правление Марка Аврелия ознаменовалось двумя крупными событиями, угрожавшими стабильности императорской власти: внезапной смертью его соправителя Луция Вера на фоне начавшейся кампании против германцев (169 г.), а также восстанием полководца Авидия Кассия (175 г.). Смерть Луция Вера в январе/феврале 169 г., когда империя страдала от холодов и эпидемии чумы, наступила из-за апоплексического удара, но сразу обросла слухами³⁶. Современник событий Кассий Дион сообщает: Луций Вер «оказался замешанным в заговор против своего тестя Марка³⁷ и погиб от яда прежде, чем успел что-нибудь совершить»³⁸ (Cass. Dio, Hist. Rom. LXXI.3.1). Отсутствие подробностей можно объяснить тем фактом, что труд Кассия Диона дошел до нас в византийских выписках. Однако существование слухов о насильственной смерти Луция Вера в результате придворных интриг — безусловно, и нить этой устной традиции, зафиксированной Кассием Дионом, уходит во времена Марка. Потому со всей серьезностью мы можем отнестись к подборке слухов о смерти Луция Вера, которые представлены автором НА:

Но никто из государей не защищен от тяжелой клеветы, и даже о Марке ходила молва, будто он либо отравил Вера, разрезав свиную матку ножом, одна сторона которого была обмазана ядом <...>; либо убил его с помощью врача Посидиппа, который, как

(Aur. Vict. De caes. 16.2; 17.1). Цитаты приводим в переводе А.И. Донченко и В.С. Соколова соответственно по изданию: **Римские истории IV века**. 1997.

36 Birley. 2001: 158.

37 Луций Вер был «братом» Марка по усыновлению (их обоих усыновил Антонин Пий), а также зятем с 163 г., когда он женился на дочери Марка Луцилле: Kienast. 2004: 143-146.

38 Здесь и далее цитируем Кассия Диона в переводе А.В. Махлаюка по изданию: **Кассий Дион Коккейан**. 2011.

говорят, не вовремя пустил Веру кровь (НА М. Anton. Philosoph. 15.5-6)

Были толки о том, будто он вступил когда-то в преступную связь со своей тещей Фаустиной и будто он погиб оттого, что его теща Фаустина коварно подсыпала ему в устрицы яд за то, что он выдал ее дочери тайну своей связи с матерью. Впрочем, возникли и те толки, которые изложены в жизнеописании Марка и противоречат характеру жизни этого человека. Многие приписывают отравление Вера его жене по той причине, что Вер слишком благоволил к Фабии, могущество которой его жена Луцилла не могла выносить. Между Луцием и сестрой его Фабией была действительно столь большая дружба, что шел слух, будто они сговорились лишить жизни Марку. Когда вольноотпущенник Агаклит выдал этот их замысел Марку, Фаустина поспешила устранить Луция, боясь, как бы он не предупредил ее (НА Verus 10.1-5).

Итак, в представленных отрывках собрано несколько версий смерти Луция Вера. Согласно первой, Луция Вера отравил или устранил с помощью врача сам Марк Аврелий, считавший соправителя помехой для эффективного государственного управления. Версия с отравлением на пиру повторяется и у Аврелия Виктора (De caes. 16.5-6), что указывает на ее распространенность за пределами НА³⁹. Как и у автора НА, у Аврелия Виктора версия эта вызывает возмущенное недоверие в свете нравственных качеств Марка Аврелия. Другая версия возлагает вину за смерть Луция Вера на его тещу Фаустину Младшую. Любопытно, что ее автор, убежденный в безнравственности августы, не сопровождает каким-либо возмущенным комментарием, как в случае с обвинениями в адрес Марка Аврелия. Первый вариант этой версии развивает тему безнравственности, дополняя образ похотливой августы связью с зятем. Второй вариант фиксирует существование какого-то заговора при дворе, который Фау-

39 Существует сложность с определением взаимозависимости двух авторов друг от друга, особенно с учетом версии о принадлежности данного отрывка автору гипотетической интерполяции в текст жизнеописания Марка: Adams. 2013: 165-166.

стина предотвратила путем отравления зятя. Сообщницей Луция Вера названа его сестра Цейония Фабия⁴⁰. К этой версии примыкает несколько невнятный слух об отравлении Луция Вера собственной женой, Луциллой, которая будто бы невзлюбила свою золовку⁴¹. Параллель с сообщением Кассия Диона, а также насыщенность слухов персоналиями говорят о современности их правлению Марка Аврелия. Происходили они, возможно, из разных групп влияния, при этом версия о виновности Марка Аврелия отмечается исторической традицией. Вариативность мотива о виновности Фаустины Младшей указывает на большую распространенность этой версии. Если достаточным комментарием к ее первому варианту — о связи между тещей и зятем — может быть нарратив о безнравственности Фаустины Старшей, то второй вариант, связанный с заговором, выглядит как до некоторой степени реабилитирующий августу. По сути, она представлена защитницей власти и титула мужа. Интерпретация этой версии нуждается в сопоставлении с описанием поведения Фаустины во время иной — на этот раз вполне реальной — попытки лишить ее мужа власти. Речь идет о восстании Авидия Кассия в 175 г., которое произошло на фоне слухов о болезни и даже смерти Марка Аврелия.

Автор НА в биографиях и императора Марка Аврелия (НА М. Anton. Philosoph. 24.6), и узурпатора Авидия Кассия (НА М. Anton. Philosoph. 7.1) сообщается о слухах, что мятеж был подстроен Фаустиной Младшей, которая опасалась потерять статус со смертью болевшего мужа. Сам автор НА в

40 Kienast. 2004: 132.

41 Смерть Луция Вера сильно ударила по статусу Луциллы. Ее муж был правящим императором, а после его смерти Марк Аврелий выдал ее — против ее воли и против воли жены — замуж за незнатного полководца Тиберия Клавдия Помпеяна: Birley. 2001: 161.

первом фрагменте ссылается на «многих» авторов, а во втором указывает, что источником слухов о виновности Фаустины Младшей был римский сановник и историк Марий Максим, современник событий (НА М. Anton. Philosoph. 9.9), с которым он даже спорит и пытается защитить Фаустину Младшую от клеветы. Противоречивость автора НА может объясняться желанием показать свою мнимую ученость и разнообразие подходов⁴². Воспринимать возражения всерьез не стоит, тем более что аналогичные слухи о влиянии Фаустины Младшей на события зафиксированы и у Кассия Диона, также современника событий. Более того, их появление возможно даже точно датировать: Кассий Дион намекает на то, что смерть Фаустины ранним летом 176 г. была результатом самоубийства, и что на этот шаг ее толкнуло нежелание быть обличенной в участии в мятеже, который был подавлен в июле 175 г.⁴³. Как и автор НА (и, вероятно, Марий Максим), Кассий Дион называет причину беспокойства Фаустины Младшей вполне четко: «решив, что ее пораженный болезнью муж вот-вот умрет, [Фаустина] испугалась, что власть перейдет к кому-нибудь другому, поскольку Коммод был и слишком юн, и простодушен, и что ей придется стать частным лицом и поэтому втайне уговорила Кассия приготовиться к тому, чтобы, если что-то случится с Антонином, и ее взять в жены, и императорскую власть приобрести» (Cass Dio, Hist. Rom. LXXII.22.3). Таким образом, Фаустиной Младшей в рамках этой интерпретации событий двигало только желание сберечь свой высокий статус. Представляется, что и

42 Как уже отмечалось выше, НА написана от лица шести разных авторов. Если биография Марка Аврелия и Луция Вера приписана некоему Юлию Капитолину, то автором биографии Авидия Кассия указан некий сенатор Вулькаций Галликан. Мнимые «авторы» иногда «дискутируют» друг с другом: **Миролюбов**. 2023: 816-817.

43 Датировка: **Kienast**. 2004: 141-142.

версия слуха об отравлении ею своего зятя Луция Вера, подразумевающая ее осведомленность о его мнимом заговоре против мужа, может рассматриваться в том же ключе, т.е., как иллюстрация ее страха перед утратой высокого положения.

Подводя итоги, мы вновь должны констатировать, что прямая речь самих императоров, а равно и официальные источники⁴⁴ не позволяют сомневаться в добром отношении Антонина Пия и Марка Аврелия к своим женам, причиной которого, вероятно, были любовь и верность в этих императорских семьях. Характерно, что оба императора были примерными отцами своих семейств. Так, неизвестно о какой-либо связи Антонина Пия вне брака с Фаустиной Старшей. Что касается Марка Аврелия, то автор НА приписывает ему только конкубинат (сожитительство) с дочерью прокуратора (приказчика) своей умершей к тому времени жены (НА М. Anton. Philosoph. 29.10). Примечательно и объяснение такого шага: якобы императору претили попытки сестры его соправителя, Цейонии Фабии, выйти за него замуж, а также необходимость навязывать мачеху его детям от Фаустины Старшей (конкубина на такой статус претендовать не могла). Однако реальное положение вещей не отменяло слухов и сплетен, которые могли быть вызваны борьбой элитных группировок. Мы, вероятно, плохо информированы о ней ввиду имеющегося набора источников, но она представляется несомненной ввиду меритократического принципа передачи

44 Прославление обеих Фаустины с помощью монетных чеканок, почетных надписей и статуй вряд ли было бы возможно при негативном отношении к ним мужей. Для сравнения: участие Фаусты, жены императора Константина Великого, в придворных интригах не только стоило ей жизни, но и привело к уничтожению ее скульптурных портретов, вымарыванию ее имени из надписей, прекращению чеканок в ее честь; надолго исчезли ее упоминания и из нарративной традиции: Woods. 1998; Миролюбов. 2021. С. 127-129.

власти (вплоть до Марка Аврелия включительно), а затем резкого перехода к династизму (на примере Коммода). Соответственно, активно курсировавшие при дворе слухи становились темой анекдотов и даже театральных постановок комического характера. Со временем меняется и исторический фон: на смену спокойствию, отличавшему правление Антонина Пия и первые годы правления Марка Аврелия, приходит время войн с германцами и эпидемии чумы. Развитие устной традиции, опирающейся на сплетни, позволяет объяснить крупные события: смерть Луция Вера, мятеж Авидия Кассия⁴⁵ и выбор Коммода отцом в качестве преемника. От добродушного подтрунивания над легкомыслием и неверностью жен мы наблюдаем переход к более циничным слухам: Фаустина изображается неразборчивой в выборе любовников, купающейся в крови гладиатора, предающей болеющего мужа.

Широкая распространенность позволила этому богатому в смысле изобретательности материалу быть зафиксированным в историографии. В сочинениях историков, утратив спустя десятилетия и даже века политическую актуальность, слухи и сплетни начинают уже использоваться как элементы в конструировании образов «хороших» императоров прошлого. Так, алчная жена подчеркивает воздержанность Антонина Пия, его заботу о государственной казне в ущерб даже своему благосостоянию. Этот портрет плохой жены хорошего мужа дополняется таким штрихом, как ее тяга к разврату. Сложно сказать, современен ли этот упрек самой Фаустине Старшей, или же он является уже творчеством позднейшей традиции. Второе кажется вернее, так как он позво-

45 Р. Сайм определяет сообщение Мария Максима об участии Фаустины Младшей в мятеже Авидия Кассия как «зафиксированные разговоры в высших кругах»: **Syme**. 1971: 130-131. Соотношение с сообщениями Кассия Диона позволяет говорить об устойчивости этой молвы.

ляет объяснить порочный нрав ее дочери, которым, в свою очередь, уже современники должны были объяснять натуру Коммода. Образ Коммода, не только тирана, но и опасного безумца, словно предваряется фигурами его бабки, чей негативный образ только намечен, и матери, для изображения которой традиция использует широкий набор сюжетов, иллюстрирующих, как мы уже говорили, ее безнравственность, похотливость, циничное отношение к мужу и т.д. Все эти черты — разврат, вероломство и жестокость — раскрывают характер Коммода и, в свою очередь, оттеняют фигуру Марка Аврелия. Разрозненные сплетни и насмешки приобретают характер не просто выпадов в адрес конкретных представителей династии, а выстроенной исторической традиции⁴⁶, которая представляет тень, оборотную сторону династии Антонинов: «хорошим» императорам противопоставляются их «недостойные» жены, и эта линия в итоге побеждает в лице Коммода, чье правление, по выражению Кассия Диона, стало началом «века железа и ржавчины»⁴⁷ (Cass. Dio, Hist. Rom. LXXII.36.4).

Интересно также, что нарративная традиция, используя слухи, предусмотрела и неудобные вопросы читателей. Зафиксированные в литературе сплетни об отравлении Луция Вера самим Марком сопровождаются не очень эффективным

46 Пожалуй, это обстоятельство упускали комментаторы рассказов о безнравственности Фаустины Младшей в НА: **Syme**. 1971: 128-134; **Levick**. 2014: 80-83; **Beckmann**. 2021: 109-111. По большей части, они сосредотачивались на опровержении этих данных с опорой на более достоверные источники (например, монетная чеканка). Между тем, стоит разделять собственно слухи и историографическую концепцию, создававшуюся на их основе уже в Позднем Риме с учетом ретроспективного взгляда. Стоит отметить и в принципе неприятие автором НА императорской власти, которое влияет на отбор и компоновку им материала: **Haake**. 2015.

47 Цитату приводим в переводе А.В. Махлаюка по изданию: **Кассий Дион Коккейан**. 2011.

с научной точки зрения, но явно адресованным к эмоциям читателя обращением *ad hominem*. И Аврелий Виктор, и автор НА не допускают даже мысли, что эти слухи могут соответствовать благой натуре императора-философа. Резонный же вопрос ученого читателя о степени соответствия сплетен прямой речи императоров о своих женах⁴⁸ купируется иначе: оба императора изображаются автором НА знающими о характере своих жен, страдающими и желающими скрыть эти моменты по благородству своей души. Утверждение это не требует самостоятельных доказательств, так как все положительные отклики современников о двух Фаустинах легко могли быть записаны в попытки императоров спасти репутацию своих жен. Единственным трудным моментом оставался вопрос о причинах, побудивших Марка передать титул и власть сыну порочной Фаустины Младшей. Между тем, именно это обстоятельство нагляднее всего другого, даже изобразительных источников, указывало, что Марк считал Коммода своим сыном. Однако этот неудобный вопрос, сильно ударяющий по выстроенной на основе слухов концепции, вместо ответа получает в римской историографии только общие сожаления.

48 Допускаем, что и корпус писем Марка Корнелий Фронтонa, в котором содержались письма императоров Антонина Пия и Марка Аврелия, а также записки Марка Аврелия были доступны и читались в Поздней Античности, хотя степень их распространенности является предметом дискуссии: *Ceporina*. 2012: 46-49; *Fleury*. 2012: 63-64.

Список источников и литературы

Властелины Рима. 1992 — Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. С.П. Кондратьева, под ред. А.И. Доватура. М.: Наука, 1992.

Кассий Дион Коккеян. 2011 — Кассий Дион Коккеян. Римская история: книги LXIV-LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011.

Марк Аврелий. 1985 — Марк Аврелий. Размышления / пер. А.К. Гаврилова, изд. подгот. А.И. Доватур и др. Л.: Наука, 1985. (Литературные памятники).

Миролюбов. 2021 — Миролюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб.: Алетейя, 2021.

Миролюбов. 2023а — Миролюбов И.А. Константин Великий в трактате "Historia Augusta" // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. № 27-2. С. 813-824. DOI: 10.30842/ielcp230690152756.

Миролюбов. 2023б — Миролюбов И.А. О перемещениях жен римских императоров рубежа III-IV вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2023. № 31. С. 134-167. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-134-167.

Миролюбов. 2024 — Миролюбов И.А. Рассказы предков в сборнике "Historia Augusta" // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. № 28-2. С. 1127-1135. DOI: 10.30842/ielcp2306901528067.

Плиний Младший. 1950 — Письма Плиния Младшего / отв. ред. И. И. Толстой. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. (Литературные памятники).

Римские историки IV века. 1997 — Римские историки IV века / отв. ред. М. А. Тимофеев. М.: Росспэн, 1997.

Adams. 2013 — Adams G.W. Marcus Aurelius in the Historia Augusta and Beyond. Lanham: Lexington Books, 2013.

Beckmann. 2012 — Beckmann M. Diva Faustina: Coinage and Cult in Rome and the Provinces. N. Y.: America Numismatic Society, 2012

Beckmann. 2021 — Beckmann M. Faustina the Younger: Coinage, Portraits, and Public Image. N. Y.: American Numismatic Society, 2021

Birley. 1993 — Birley A.R. *Marcus Aurelius: a Biography*. London: B.T. Batsford LTD, 1993.

Birley. 1999 — Birley A.R. *Hadrian: the Restless Emperor*. L.; N. Y.: Routledge, 1999.

Birley. 2003a — Birley A.R. *The Historia Augusta and Pagan Historiography // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D.* / ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 127-149.

Birley. 2003b — Birley A.R. *Hadrian's Travells // The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. — A.D. 476), Rome, March 20—23, 2002* / ed. by L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, E. de Kleijn, S. Mols. Leiden: Brill, 2003. P. 425-441.

Boatwright. 2003 — Boatwright M. T. *Faustina the Younger, Mater Castrorum // Les femmes antiques entre sphère privée et sphère publique* / éd. R. Frei-Stolba, A. Bielman, O. Bianchi. Berne: Peter Lang, 2003 P. 249-268.

Burns. 2007 — Burns J. *Great Women of Imperial Rome*. N. Y.; Abingdon: Routledge, 2007.

Ceporina. 2012 — Ceporina M. *The Meditations // A Companion to Marcus Aurelius* / ed. by M. van Ackeren. Malden; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing, 2012. P. 45-61.

Champlin. 1980 — Champlin E. *Fronto and Antonine Rome*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980.

Den Hengst. 2010 — Den Hengst D. *The Biographies of the Roman Emperors // Emperors and Historiography Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniël Den Hengst* / ed/ by D.W.P. Burgersdijk and J.A. van der Waarden. Leiden: Brill, 2010. P. 84-99.

Fleury. 2012 — Fleury P. *Marcus Aurelius' Letters // A Companion to Marcus Aurelius* / ed. by M. van Ackeren. Malden; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing, 2012. P. 62-76.

Fraser. 2006 — Fraser T.S. *Hadrian as Builder and Benefactor in the Western Provinces*. Oxford: BAR Publishing, 2006.

Fronto. 1919 (I) — *The correspondence of Marcus Cornelius Fronto: In 2 vol. Vol I* / ed. and transl. by C.R. Haines. L.; N. Y.: William Heinemann, G.P. Putnam's Sons, 1919.

Haake. 2015 — Haake M. "In Search of Good Emperors". Emperors, Caesars, Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Discourses in the *Historia Augusta* // *Antimonarchic Discourse in Antiquity* / edited by H. Börm. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 269-303

Hekster. 2002 — Hekster O. *Commodus: An Emperor at the Crossroads*. Leiden: Brill, 2002.

ILS. 1892 (I) — *Inscriptiones Latinae Selectae: Vol I.* / ed. H. Dessau. Berolini: apud Weidemannos, 1892.

Kienast. 2004 — Kienast D. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

Kleiner. 1992 — Kleiner D.E.E. *Roman Sculpture*. New Heaven: Yale University Press, 1992.

Levick. 2014 — Levick B.M. *Faustina I and II: Imperial Women of the Golden Age*. N. Y.: Oxford University Press, 2014.

Michels. 2018 — Michels C. *Antoninus Pius und die Rollenbilder des römischen Princeps* Berlin — Boston: De Gruyter, 2018.

Priwitzer. 2017 — Priwitzer S. *Antoninus Pius, die beiden Faustinen und die Ehe // Jenseits des Narrativs: Antoninus Pius in den nicht-literarischen Quellen* / hrsg. von Ch. Michels und P.F. Mittag. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 89-108.

RIC. 1930 (III) — *The Roman Imperial Coinage. Vol. III: from Antoninus Pius to Commodus* / ed. by H. Mattingly, E.A. Sydenham. L.: Spink & Son LTD, 1930.

Richardson. 1992 — Richardson L. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. L.; Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992.

Rohrbacher. 2013 — Rohrbacher D. *The Sources of the Historia Augusta Re-examined* // *Histos*. 2013. No. 7. P. 146-180.

Rohrbacher. 2016 — Rohrbacher D. *The Play of Allusion in the Historia Augusta*. Madison: The University of Wisconsin Pres, 2016.

Schipp. 2011 — Schipp O. *Die Adoptivkaiser: Nerva, Trajan, Hadrian, Antoninus Pius, Marc Aurel, Lucius Verus und Commodus*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2011.

Stertz. 1977 — Stertz S.A. *Marcus Aurelius as Ideal Emperor in Late-Antique Greek Thought* // *The Classical World*. 1977. Vol. 70, No. 7. P. 433-439.

Syme. 1971 — Syme R. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford: Clarendon Press, 1971.

Syme. 1988 — Syme R. *Journeys of Hadrian* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1988. Bd. 73. P. 159-170.

Vagi. 2015 (II) — Vagi D. *Coinage and History of the Roman Empire, c. 82 B.C. - A.D. 480: in 2 vol. Vol. 2.* Abingdon; N. Y.: Routledge, 2015.

Walker. 1977 — Walker D.R. *The Metrology of the Roman Silver Coinage. Part II: from Nerva to Commodus.* Oxford: BAR Publishing, 1977.

Woods. 1998 — Woods D. *On the Death of the Empress Fausta* // *Greece & Rome*. 1998. Vol. 45. № 1. P. 70-86.

REFERENCES

Adams, Geoffrey. *Marcus Aurelius in the Historia Augusta and Beyond.* Lanham: Lexington Books, 2013.

Beckmann, Martin. *Diva Faustina: Coinage and Cult in Rome and the Provinces.* New York: America Numismatic Society, 2012

Beckmann, Martin. *Faustina the Younger: Coinage, Portraits, and Public Image.* New York: American Numismatic Society, 2021

Birley, Anthony. "Hadrian's Travells". In *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. — A.D. 476), Rome, March 20—23, 2002*, edited by L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, E. de Kleijn, S. Mols, 425-441. Leiden: Brill, 2003.

Birley, Anthony. "The Historia Augusta and Pagan Historiography". In *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*, edited by Gabrielle Marasco, 127—149. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Birley, Anthony. *Hadrian: the Restless Emperor.* London; New York: Routledge, 1999.

Birley, Anthony. *Marcus Aurelius: a Biography.* London: B.T. Batsford LTD, 1993.

Boatwright, Mary. *Faustina the Younger, Mater Castrorum.* In *Les femmes antiques entre sphère privée et sphère publique*, éd. R. Frei-Stolba, A. Bielman, O. Bianchi, 249-268. Berne: Peter Lang, 2003. (in French)

Burns, Jasper. *Great Women of Imperial Rome.* New York; Abingdon: Routledge, 2007.

Ceporina, Matteo. The Meditations. In *A Companion to Marcus Aurelius*, edited by Marcel van Ackeren, 45-61. Malden; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing, 2012.

Champlin, Edward. *Fronto and Antonine Rome*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980.

Den Hengst, Daniel. The Biographies of the Roman Emperors. In *Emperors and Historiography Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniël Den Hengst*, edited by Diederick Burgersdijk and Joop van Waarden, 84-99. Leiden: Brill, 2010.

Flcury, Pascale. Marcus Aurelius' Letters. In *A Companion to Marcus Aurelius*, edited by Marcel van Ackeren, 62-76. Malden; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing, 2012.

Fraser, Trudie. *Hadrian as Builder and Benefactor in the Western Provinces*. Oxford: BAR Publishing, 2006.

Haake, Matthias. "In Search of Good Emperors'. Emperors, Caesars, Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Discourses in the *Historia Augusta*", In: *Antimonarchic Discourse in Antiquity*, edited by H. Börm, 269-303. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015.

Hekster, Oliver. *Commodus: An Emperor at the Crossroads*. Leiden: Brill, 2002.

Kienast, Dietmar. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. (In German).

Kleiner, Diana. *Roman Sculpture*. New Heaven: Yale University Press, 1992.

Levick, Barbara. *Faustina I and II: Imperial Women of the Golden Age*. New York: Oxford University Press, 2014.

Michels, Christoph. *Antoninus Pius und die Rollenbilder des römischen Princeps*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. (In German).

Miroyubov, Ivan. "Constantine the Great in the *Historia Augusta*". *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook* 27-2 (2023): 813-824. DOI: 10.30842/ielcp230690152756. (In Russian).

Miroyubov, Ivan. "Journeys of roman emperor's wives at the turn of III-IV c. AD". *Adam & Eve. Gender History Review* 31 (2023): 134-167. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-134-167. (In Russian).

Miroyubov, Ivan. "Ancestors' Tales in the *Historia Augusta*". *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook* 28-2 (2024): 1127-1135. DOI: 10.30842/ielcp2306901528067. (In Russian).

Miroyubov, Ivan. *The Dynastic Policy of Emperor Constantine The Great*. Moscow: Aletheia, 2021. (In Russian).

Priwitzer S. Antoninus Pius, die beiden Faustinen und die Ehe. In *Jenseits des Narrativs: Antoninus Pius in den nicht-literarischen Quellen*, edited by Christoph Michels and Peter Mittag, 89—108. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. (In German).

Richardson, Lawrence. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. London—Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992.

Rohrbacher, David. *The Play of Allusion in the Historia Augusta*. Madison: The University of Wisconsin Pres, 2016.

Rohrbacher, David. "The Sources of the Historia Augusta Re-examined". *Histos* 7 (2013): 146—180.

Schipp, Oliver. *Die Adoptivkaiser: Nerva, Trajan, Hadrian, Antoninus Pius, Marc Aurel, Lucius Verus und Commodus*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2011. (In German).

Stertz, Stephen. "Marcus Aurelius as Ideal Emperor in Late-Antique Greek Thought". *The Classical World* 70.7 (1977): 433-439.

Syme, Ronald. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford: Clarendon Press, 1971.

Syme, Ronald. "Journeys of Hadrian". *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 73 (1988): 159-170.

Vagi, David. *Coinage and History of the Roman Empire, c. 82 B.C. - A.D. 480: in 2 vol. Vol. 2*. Abingdon; New York: Routledge, 2015.

Walker, David. *The Metrology of the Roman Silver Coinage. Part II: from Nerva to Commodus*. Oxford: BAR Publishing, 1977.

Woods, David. "On the Death of the Empress Fausta". *Greece & Rome* 45.1 (1998): 70-86.

Список сокращений

Aur. Vict. De caes. — Sexti Aurelii Victori De caesaribus («О цезарях» Секста Аврелия Виктора).

Eutrop. Brev. — Eutropii Breviarium ab Urbe Condita («Краткая история от основания города» Евтропия).

Cass. Dion. Hist. Rom. — Cassii Dioni Historia Romana («Римская история» Кассия Диона).

HA Anton. Pius — Historia Augusta: Antoninus Pius («История августов»: [Жизнеописание] Антонина Пия).

HA M. Anton. Philosoph. — Historia Augusta: Vita Marci Antonini Philosophi («История августов»: Жизнеописание Марка Антонина Философа).

HA Ver. — Historia Augusta: Verus («История августов»: [Жизнеописание Луция] Вера).

HA Avid. Cass. — Historia Augusta: Avidius Cassius («История августов»: [Жизнеописание] Авидия Кассия).

HA Commod. — Historia Augusta: Commodus Antoninus («История августов»: [Жизнеописание] Коммода Антонина).

Plin. Min. Epist. — Plinii Minoris Epitistule (Письма Плиния Младшего).

ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ И СЛУХИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГЕНДЕРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Ключевые слова: татарская литература, история повседневности, мусульмане России, Первая мировая война, панисламизм, Казанская губерния, политический сыск, жандармские управления.

Аннотация: Объектом исследования выступают слухи как особое явление татарской повседневной жизни начала XX века, оказавшее влияние на общественно-политическую ситуацию в стране. Цель исследования — изучение феномена слухов в татарской повседневности накануне и в период Первой мировой войны в материалах губернских жандармских управлений. В статье представлен обзор понятий и образов об информации разного происхождения в татарском языке, их отражение в татарской литературе и публицистике, анализируется роль информантов жандармских органов власти после событий 1905-1907 годов, а также сюжет о специфических слухах среди татар-мусульман в годы Первой мировой войны. Они получили в документах политического сыска условное название «письма из Мекки» из-за религиозного характера. Эти слухи были инициированы германской Службой информации по Востоку для дестабилизации обстановки в странах Антанты. Автор делает вывод о том, что внешними силами был переоценен религиозный фанатизм татар-мусульман и не учтена роль татарских газет. Кроме того, в татарской культуре начала XX в. слухи, наряду с негативной коннотацией и гендерной стереотипизацией (сплетницы-женщины), имели конкретную привязку к межличностным конфликтам мужчин на фоне общественно-политических жандармских дел о «панисламизме».

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Татары-мусульмане и слухи во время Первой мировой войны: между гендерным и религиозными стереотипами // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 160-197. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-160-197

L. R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History,
Tatarstan Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-9940-9097
Scopus ID 55968390600
bahetem@mail.ru

MUSLIM TATARS AND RUMORS DURING WORLD WAR I: GENDER AND RELIGIOUS STEREOTYPES

Keywords: Tatar literature, history of everyday life, Muslims of Russia, World War I, Pan-Islamism, Kazan province, political investigation, gendarme departments.

Abstract: The object of the study is rumors as a special phenomenon of Tatar everyday life. At the beginning of the 20th century the socio-political situation in the country was highly influenced by them. The study of the phenomenon of rumors in Tatar everyday life is focused on the documents of provincial gendarme departments on eve of and during the World War I. The article presents an overview of concepts of perceiving information by Tatars that come from different sources, the image of whisperer in Tatar literature and journalism. Author analyzed the role of informants of the gendarme authorities after the events of 1905-1907, as well as cases of specific rumors spread among Muslim Tatars during the World War I. In the documents of political investigation, they called as "letters from Mecca", due their religious content. These rumors were initiated by the German Information Service for the East to destabilize the situation in the Allies countries. The author concludes that external forces overestimated the religious fanaticism of Muslim Tatars and did not take into account the role of Tatar newspapers. In addition, in the Tatar culture of the early 20th century, rumors, along with negative connotations and gender stereotyping (female gossips), had a specific connection to interpersonal conflicts between men in the context of socio-political gendarme cases on "pan-Islamism".

To cite this article: Gabdrāfikova, Liliya. "Muslim Tatars and rumors during World War I: gender and religious stereotypes". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 160–197. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-169-197

Сплетни и слухи, по умолчанию, связываются с женским полом. Не является исключением и татарская культура конца XIX — начала XX вв. В художественной и публицистической литературе эпохи модерна появляются образы сплетниц. Вместе с тем, в повседневной жизни татарского сообщества этого периода носителями недостоверной информации выступали и представители мужского пола, которые сыграли ключевую роль в распространении «панисламизма» в Российской империи. Во время Первой мировой войны по всей стране самые разные слухи приобрели особое значение и в какой-то степени оказывали влияние на народные настроения¹.

В данной публикации мы рассматриваем слухи как особое явление татарской повседневной жизни начала XX в., оказавшее влияние на общественно-политическую ситуацию. В статье представлен обзор татарских понятий и образов, связанных с информацией разного происхождения, их развитие в условиях постреволюционной реакции после событий 1905-1907 гг. и так называемого «панисламизма», а также рассмотрен сюжет о специфических слухах среди татар-мусульман в годы Первой мировой войны.

Хотя столь эфемерное явление, как слухи, не всегда находит отражение в архивных материалах, но обывательские разговоры о борьбе христиан и мусульман как о сбывавшихся в условиях войны коранических предсказаниях были зафиксированы в Поволжье в 1915 г. Они получили некоторое освещение в научной литературе. Одними из первых обратили внимание на «случаи устной пропаганды «пораженческих» теорий» в Казани и Поволжье советские историки А. Аршаруни и Х. Габидуллин в очерках о панисламизме и пантюркизме

1 Аксенов. 2005; Колоницкий. 2017: 39-53.

в России, опубликованных в 1931 г. Несмотря на всю тенденциозность этого труда, авторы отмечали, что пропаганда не имела успеха и не привела к массовым выступлениям против «неверных»². Более конкретные указания на слухи среди татар-мусульман с привязкой к Мекке есть в публикациях А.А. Казанцева, Е.Ю. Семеновой, А.Х. Тухватуллина³. Все эти исследователи опирались, главным образом, на материалы Казанского губернского жандармского управления из Государственного архива Республики Татарстан.

В целом, нужно отметить, что документы жандармских управлений являются особым источником по изучению общественных настроений: аналитика органов политического сыска базировалась и на данных осведомителей, и на материалах местной печати. Хотя этот мир «мусульманства» конструировался служащими жандармерии невозможно отрицать и игнорировать такую репрезентацию. Между тем, какие-то выводы по архивным материалам можно делать только после ознакомления со всеми перипетиями жизни мусульманских сообществ и итогов разнообразных расследований. В этой связи заслуживают внимания работы Р.Р. Салихова, С.И. Бойко и В.Г. Соболева, где раскрываются любопытные детали работы органов политического сыска Поволжья⁴.

Сюжет о религиозных слухах среди татар-мусульман 1915 г. получил продолжение в трудах И.А. Гилязова и Л.Р. Гатауллиной. Исследователи привлекли дополнительные источники из немецких архивов и сумели проследить генезис слухов⁵. Пожалуй, эта разработка наиболее наглядно

2 Аршаруни. 2002: 99-100.

3 Казанцев. 2005: 167; Семенова. 2010: 85; Тухватуллин. 2013: 188.

4 Человек. 2016: 237-249; Бойко. 2010: 26-34; Соболев. 2017: 151-171.

5 Гилязов. 2014: 53-72; Гилязов. 2015: 310-321.

иллюстрирует тезис Э. Саида об истоках ориентализма: ориенталист выступает «агентом западной власти», а изучение Востока нужно для его подчинения⁶.

В нашем исследовании для анализа темы религиозных слухов впервые привлечены материалы из фондов Оренбургского губернского жандармского управления (Госархив Оренбургской области)⁷ и Казанского губернского комиссара (Госархив Республики Татарстан). Кроме того, оригинальной является и сама постановка научной проблемы о слухах в жизни и культуре татар начала XX века, а также о гендерной особенности данного вопроса.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, ФОЛЬКЛОР И АВТОРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX В.

В татарском языке значение слова «слух» (“*хəбәр*”) имеет два значения — это как неформальная (неподтвержденная) информация, так и официальные сведения новостного характера. Кроме того, иногда неформальные сведения, циркулирующие среди масс, обозначаются как “*сүз йөрөтү*” (буквально «ношение слова»). Это словосочетание означает искаженную, субъективную передачу информации. Двойственное значение этих слов можно увидеть на примере солдатских писем, которые проходили через цензоров и переводились на русский язык. Иногда, при переводе текст надеялся другим смыслом. Например, 14 мая 1916 г. солдат 287-го Маршальского запасного батальона Хусаин пишет отцу Х. Халитову в Казань:

...Милый папа! Что пишут в газетах? Нет ли у Вас слуха о том, что наш государь заключит мир? Здесь о мире поговаривают⁸.

6 Саид. 2023:339-340.

7 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4.

8 Казанская губерния. 2014: 166.

Очевидно, в этом фрагменте, где говорится и о газетах и слухах, речь идет о новостях (“*хэбэр*”). Но цензор переводит это как «слух», а не как «весть», что добавляет совершенно иное звучание переводному тексту. Или другой пример из письма солдата 98-го пехотного запасного батальона Мухамед-Хафиза некому С. Хамитову в д. Кушар Мензелинского уезда Уфимской губернии, написанного тоже в 1916 г.:

Здесь ходит упорный слух, что скоро будет мир. Это доказывает и то, что пленных австрийцев вовнутрь России не отправляют, а держат здесь. И германцы тоже наших пленных солдат будто бы направляют в Варшаву. Мы думаем, что быть может нас в июне отправят домой⁹.

Здесь, очевидно, применяется выражение “*сүз йөри*” («ходит слух») и речь идет, действительно, о неподтвержденной информации.

Кроме того, в татарском языке есть слова, обозначающие такие понятия как сплетня, молва и небылица — “*имеш-мимеш*” и “*гайбэт*”. Если “*хэбэр*” и “*сүз йөрөтү*” как слухи не имеют ярко выраженной негативной коннотации, то эти слова применяются при характеристике резко отрицательных, нередко оценочных суждений. Устойчивыми татарскими выражениями являются “*гайбэт сату*” (буквально «продажа сплетен») и “*гайбэт чайнау*” (букв. «жевать сплетни»).

Распространение слухов, наряду с официальной информацией, часто обсуждалось в связи с газетами. Татарские периодические издания получили массовый характер только после 1905 года, до этого большинству журналистов не удавалось зарегистрировать свои издания. Иллюстрируя недоверчивое отношение широких слоев населения к газетной

9 Там же.

информации, писатель Г. Ибрагимов одному из своих литературных героев дал реплику с критикой таких изданий. Пожилой герой-мулла сравнивал сообщения из газет со «сплетнями мира» (“дөнъя гайбәте”)¹⁰. В этом эпизоде есть намек на конфронтацию разных сил: рупором молодой интеллигенции были газеты, а приверженцы старого порядка предпочитали решать свои вопросы, взаимодействуя с органами власти и используя такие инструменты как донос на оппонента. Например, в стихотворении “Гайбәт” («Сплетня»), написанном в 1911 г., поэт Сагит Сунчелей дает печальную оценку всему татарскому народу: *“Аурый бит гайбәт белән безнең татар”* («болеют сплетней наши татары»)¹¹.

В татарских художественных произведениях военного периода можно увидеть противопоставление по умолчанию достоверной информации из газет и сомнительных новостей-слухов. В одном из рассказов Гали Рахима есть реплика о том, что обыватели узнавали об объявлении Первой мировой войны не из газет, а благодаря молве (*“имеш-мимеш хәбәрләр”*), но тогда не все придали этим вестям особого значения. У этого же писателя есть стихотворение *“Гайбәт”*, где сплетня передана в образе сумасшедшего разноцветного теленка, за которым по улицам гоняется и стар, и млад, «есть и муллы в чалмах», «и татары, и сарты». После потери интереса к объекту погони, народ начинает требовать новую жертву¹².

Как в любой народной культуре, существует немало татарских пословиц с негативной оценкой сплетен и их носителей, советами не увлекаться такой информацией. Все эти образцы фольклора тоже зафиксированы на рубеже XIX-

10 Ибрагимов. 1956: 348.

11 Сунчелей. 2005: 62.

12 Гали Рахим. 2008: 333-334.

XX вв. Например, *“гайбәт дөнъя болгатыр”* («сплетня размешает мир»), *“гайбәт күмер кебек: көйдермәсә дә буйый”* («сплетня как уголь: не спалит, но испачкает»), *“гайбәтченең теле мең колач* («язык сплетника как тысяча обхватов»)¹³. Обращает на себя внимание, что здесь нет гендерной или другой маркировки. Речь идет об абстрактном носителе недостоверной информации. В целом, в татарском языке нет полового признака при обозначении любителя сплетен — это просто *гайбәтче*.

Однако в татарской авторской литературе начала XX в. носителем слухов и сплетен обозначались чаще всего женщины. Например, в рассказе Гаяза Исхаки *“Ул икеләнә иде”* («Он еще сомневался»), созданном в период Первой мировой войны (опубликован в декабре 1914 г. в газете «Иль» («Страна»)) есть предложение: *“Бәтен гайбәтче хатыннар, кызларның авызында сагыз кебек әүмәләнен йөрисең”*¹⁴. Писатель сравнил героя-мужчину, осуждаемого обществом, со жвачкой, которая находится во рту у всех сплетниц. Таким образом для усиления образа подавленного общественным мнением героя выбраны женские образы. Агрессивные сплетницы встречаются и в известном романе *“Яшь йөрәкләр”* («Молодые сердца») Галимджана Ибрагимова, опубликованном впервые в 1912 г.¹⁵ Кроме гендерного различия, присутствует и возрастной маркер: со сплетнями ассоциировалась не просто женщина, но еще и немолодая особа. Например, фоновый образ *“гайбәтче карчык”* (старушка-сплетница) встречается в произведениях Г.Исхаки, Г. Ибрагимова и других татарских писателей. В

13 Татар. 1987: 443.

14 Исхакый. 1999: 326.

15 Ибраһимов. 1956: 304.

дальнейшем образ конкретизирован в постановках татарского театра 1910-х гг. Как правило, это были произведения, связанные с жизнью татарского купечества, где присутствовала вхожая в семью одинокая старушка.

Созвучие такому подходу можно найти и в татарской публицистике начала XX в. Например, работа татарского педагога из Вятской губернии — Габдуллы Буби «Хатыннар» («Женщины»), которую он завершил в 1916 г. Несмотря на то, что философский трактат остался неопубликованным, мысли автора, общественного деятеля, в какой-то степени отражают татарскую общественную мысль начала XX в. В этой работе можно увидеть стереотипную связку «женщина и сплетни». Г. Буби писал:

Если бы наши женщины не проводили свое время в бездействии, в пустословии, сплетнях и клевете, скандалах, а тратили хотя бы десятую часть этого времени на учебу, то их благовоспитанность была бы выше, чем у мужчин и от этого была бы большая польза для исламской нации¹⁶.

Тут надо пояснить, что в публичной сфере в данный период выстраивался другой женский образ — образованных девушек — будущих «матерей нации». Поэтому Г. Буби рассуждал о нуждах «исламской нации». Образованные девушки, они же «матери нации», конечно, не ассоциировались со старушками-сплетницами. Если первых в условиях модерна связывали с вестернизацией, то последние — с условным традиционным миром. Таким образом, понятие «сплетня» соотносилась с образом возрастного человека женского пола, далекого от современного варианта татарской культуры. Мать или супруга, а также сестра или дочь выводились за рамки образа сплетницы.

16 Бубий. 2013: 186.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАБОТЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В НАЧАЛЕ XX В.

Если отложить художественные и публицистические тексты этой эпохи и взглянуть на делопроизводственные сводки, то увидим, что в повседневности татар начала XX в. встречались совершенно иные типажи. Проводником в этот мир служат материалы органов политического сыска Российской империи, служащие которых вели постоянные наблюдения за населением и пытались контролировать общественные настроения. Особенно активизировалась эта работа в начале XX в. Например, в 1906 г. в Казанском губернском жандармском управлении (ГЖУ) было увеличено число агентов наружного наблюдения (филеров). Начальник ведомства считал, что не хватает «хороших секретных агентов». Содержание каждого филера обходилось в 50 руб. в месяц¹⁷.

В жандармской практике Волго-Уральского региона в этот период помимо борьбы с революционной агитацией и хранением нелегальной литературы социалистского толка обозначился еще поиск «панисламизма». Эта работа началась на последнем этапе революции 1905-1907 гг., когда растущая консолидация татарского сообщества вокруг идей народного просвещения стала рассматриваться как противоправительственная деятельность. При этом, как отмечал в своем выступлении от 13 марта 1912 г. депутат Государственной думы от Казанской губернии Садри Максудов (Максуди), до 1908 г. он нигде не встречал слова «панисламизм»: «и вдруг после 1908 г. все миссионерские издания, все миссионерские журналы и т.д. начинают изобиловать статьями, корреспонденциями о панисламизме»¹⁸. Действи-

17 ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2273. Л. 8.

18 Мусульманские депутаты. 1998: 183.

тельно, органы власти начали создавать собственный «мир мусульманства». Например, в эти годы выходили разные периодические издания на русском языке («Мусульманин» (1910-1911), «В мире мусульманства» (1911), «Мир ислама» (1912-1914), которые всячески поддерживались властными структурами.

В этих условиях росло число информаторов ГЖУ, агентов рекрутировали и из среды самих татар-мусульман. Среди них можно выделить и представителей татарской молодежи, приверженцев марксистских идей, арестованных и попавших под надзор правоохранительных органов во время революции (например, М. Янбулатов, И. Бикчурин)¹⁹, и простых обывателей. Последние часто шли на эту работу из соображений материальной выгоды. Предоставляемая такими людьми недостоверная информация могла выглядеть откровенной клеветой. Этот сюжет довольно хорошо разработан в трудах историка Р.Р. Салихова. Например, он приводит историю осведомителя Казанского ГЖУ Абдуллы Галеева из Чистополя (кличка «Перс»), который в 1907-1908 гг. получал от властей денежное вознаграждение за свои фантастические рассказы. Ему платили 12 руб. в месяц²⁰. Т.е. здесь буквально реализовывалась татарская идиома "гайбэт сату", когда человек торговал недостоверной информацией.

Упомянутый выше Г. Буби тоже пострадал из-за клеветы о «панисламизме». Из-за доносов в 1911 г. было закрыто руководимое им мужское медресе в селе Иж-Бобья (Сарапульский уезд, Вятская губерния), которое считалось одним из успешных учебных заведений такого рода в Волго-Уральском регионе. Но, в результате судебного разбиратель-

¹⁹ Человек. 2016: 186.

²⁰ Человек. 2016: 240-242.

ства, обвинения в «панисламизме» не подтвердились, а братьев Габдуллу и Губайдуллу Буби признали виновными в «хранении нелегальной литературы» и в распевании учениками их медресе Марсельезы, им присудили несколько месяцев тюремного заключения. В 1912 г. в этом населенном пункте закрылось и женское медресе. Дело братьев Буби стало наиболее громким судебным процессом тех лет, потрясшим все образованное татарское сообщество.

Зловещую роль в деле братьев Буби сыграл татарский мулла из Малмыжского уезда Вятской губернии Ишмухаммет Динмухаметов (1842-1919). Он был одним из самых активных доносителей в разных жандармских расследованиях. Несмотря на то, что мулла не имел отношения к суфийским практикам, с подачи молодых оппонентов его называли *ишан* или Ишми-ишан. Негативный образ этого религиозного служителя сложился еще в годы первой русской революции, в том числе из-за карикатур на него и едких подписей к ним в сатирическом татарском журнале «Ялт-Йолт» («Молния»). Поэт Габдулла Тукай посвятил И. Динмухаметову эпиграмму, где обыгрывалась тема доноса и денежного вознаграждения за такую деятельность²¹. «Спрос всегда рождает предложение, они расплодились как грибы после дождя», — рассуждал в 1912 г. о татарах-доносителях, «мелких агентах правительства и наших фанатиках», депутат С. Максудов²².

Пока в татарском сообществе предприниматели, духовные деятели и молодая интеллигенция конкурировали между собой (например, в рамках одной мусульманской общины или населенного пункта) представители

21 Тукай. 1985: 153.

22 Мусульманские депутаты. 1998: 192.

жандармских управлений искали в этом влияние третьих сил. Такая подозрительность властей была удобна некоторым участникам конфликта. «Муллы научились использовать в своих интересах эту озабоченность властей революцией и панисламизмом, — подчеркивает исследователь Р. Круз. — Многие выставляли своих врагов революционерами, обеспечивая полицию доносами...»²³.

Здесь стоит отметить, что взаимодействие власти в лице органов политического сыска Российской империи и «общества», представляемого в данном случае различными информантами, — это, за редким исключением, мужской мир. Объясняется это тем, что в публичном пространстве в тот период татарские женщины играли минимальную роль и чаще всего женский активизм (занятия благотворительностью, прохождение обучения, профессиональная деятельность в сфере образования, медицины, культуры, предпринимательство, публикации в прессе) сопровождался мужской поддержкой (отцов, братьев, мужей). Это было связано с традиционными установками мусульманской повседневности рубежа XIX-XX вв. Поэтому даже со стороны жандармских служащих отношение к татаркам-мусульманкам, подозреваемым в правонарушениях политического характера, было мягче. Например, очень небрежно выполнялись предписания о наблюдении полиции за политически «неблагонадежными» персонами. Показателен случай родной сестры чистопольского муллы Ибрагима Камалова — Шамсенисы Камаловой-Акчуриной, за которой в 1908 г. было установлено негласное наблюдение полиции²⁴. Однако уездный исправник в том же году просто забыл передать своему коллеге из дру-

23 Круз. 2020: 369.

24 ГА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д.897. Л.14.

того уезда информацию о ней и обнаружил эту оплошность лишь 1913 г., когда с Ш. Камаловой-Акчуриной было официально снято то самое наблюдение полиции²⁵.

1913 год стал важным рубежом, который продемонстрировал противоречивое отношение имперских властей к собственным поданным — мусульманам. С одной стороны, в связи с 300-летним юбилеем Дома Романовых, были освобождены некоторые татары-мусульмане, подозреваемые ранее в «пан-исламизме» и других околореволюционных настроениях (среди них, например, брат упомянутой выше брат Шамсенисы — И. Камалов, а также писатель Гаяз Исхаки, которому после политической ссылки разрешили жить везде, кроме Казани).

С другой стороны, Балканские войны 1912-1913 гг. усилили подозрительное отношение к татарам-мусульманам. Это было связано с тем, что в татарских газетах активно обсуждался их ход и различные темы, связанные с ними, , внутренняя политика страны и т.д. Вместе с тем в татарской периодической печати нередко перепечатывались сообщения из русских газет, лишь некоторые редакции отправили в Стамбул собственных корреспондентов (например, Фатих Карими из оренбургской газеты «Вақыт» («Время»), Галиасгар Камал — «Юлдуз» («Звезда»)). Кроме того, в этот период собирались средства для Красного полумесяца. Газета «Кояш» («Солнце») объясняла увлеченность татар вопросами Балканской войны не только мусульманской, но и тюркской солидарностью: «мы, татары, естественно не можем сохранить хладнокровие, при каждом поражении турок наши сердца разрываются, мы сопереживаем их бедствиям и позору»²⁶.

25 ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.290. Л.69-73.

26 Ахсанов. 2007: 181.

Примером такого соперевживания может быть случай с четырьмя татарками-студентками (Гульсум Камалова, Марьям Якубова, Рукия Юнусова, Марьям Паташева), которые в 1912 г. уехали из Петербурга в Стамбул, чтобы работать сестрами милосердия в госпитале Красного Полумесяца (тогда — Хилал Ахмер). Они провели там пять месяцев, и вернулись в начале 1913 г. Этот факт освещался разными татарскими газетами, были опубликованы снимки героинь и их собственные впечатления. Татарское журналистское сообщество сформировало тогда образ отважных и образованных татарок, значительно отличавшихся от своих единоворок, турчанок. Случай показателен тем, что, несмотря на широкое освещение в прессе, служение татарок в стамбульском госпитале не привлекло внимания сотрудников ГЖУ. Таким образом женский фактор не являлся составной частью представляемого властями и их информантами «мира мусульманства».

Хотя в 1913 г. продолжались жандармские расследования в Волго-Уральском регионе, а ряд татарских деятелей были привлечены к ответственности. Например, закрылась татарская газета «Идел» («Волга») в Астрахани, а её издателя муллу Абдурахмана Умерова выслали в начале 1914 г. в Казань. В конструируемом «мире мусульманства» 1908-1913 гг. особо подчеркивалась такая опасность как «панисламизм». Подозрения усилились в условиях войны России и Османской империи.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

ШПИОНОМАНИЯ И РОЛЬ ПЕЧАТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Изучение материалов, связанных с тыловой повседневностью Первой мировой войны, показывает, что в тревожное время общество особенно нуждалось в информации. В

образованной среде основным источником новостей продолжали служить газеты. Во время войны значительно выросли тиражи как русских, так и татарских газет. Например, в Казани газета «Юлдуз» в июле 1914 г. выходила тиражом 3900 экземпляров, в августе того же года её тираж составил 4600. Другая казанская газета «Кояш» вместо июльских 1700 экземпляров в октябре 1914 г. подняла тираж до 2600. Кроме того, татарские газеты в этот период стали ежедневными²⁷.

Помимо сведений из газет или от представителей власти, источником информации служили разговоры на улице, письма солдат и т.д. Газетные сообщения и народная молва тоже были связаны. Например, слухи генерировались, в том числе, из печатных новостей. Неслучайно и жандармские сводки, характеризующие общественные настроения татар-мусульман, опирались как на народную молву, так и на газетные сообщения.

В первые дни войны были отмечены различные подозрения относительно граждан враждебных государств: германцев, австрийцев. Между тем, такое отношение было смоделировано и отношением к ним представителей власти. Иностранцы были не только интернированы в особые места проживания, но и подвергались обыскам, у них изымали печатные издания и другое имущество. Циркулировали слухи о шпионских аэропланах в разных уголках России, в том числе на Урале²⁸. Были такие разговоры и в Поволжье, в Казанской губернии. Например, некоторые из них связывались с местными жителями, поданными Германии или Австро-Венгрии. Так в Казанском уезде под подозрение попал помещик, германский подданный О. Г. Гнадеберг. Его соседи-крестьяне

27 Габдрафикова. 2015: 201-202.

28 Колоницкий. 2017: 19.

распространяли слухи о том, что на его земельный участок прилетает ночью «какой-то змей». Такого рода слухи были следствием сообщений о полёте германских поданных над Россией в январе 1914 г. Тогда группа лиц на летательном аппарате пыталась провести наблюдения над промышленными объектами Приуралья²⁹.

Шпиономания, борьба с «немецким засильем» спала к середине войны. Помимо немцев наблюдалось предвзятое отношение и к евреям. Многие из них проживали в пограничных с боевыми действиями районах, и в письмах с фронта мелькали сообщения о шпионах-евреях. Информация таким образом «уходила» в народ.

Татар-мусульман связывали с другим враждебным лагерем — с Османской империей. Это было продолжением политики борьбы с «панисламизмом». После начала Первой мировой войны органы власти в какой-то мере находились в ожидании косвенных признаков солидарности татар с турками. На момент начала войны в Казанской губернии, например, находилось всего 28 османских поданных, которые практически сразу были интернированы. Местом выдворения для некоторых из них был назначен город Ветлуга Костромской губернии, высылали людей молодого возраста. Интересно, что среди «иностранцев» встречались и татары, уроженцы Казанской губернии. Так 68-летний житель Мамадышского уезда Ахмет-Мурад-Оглу в 1897 г. уехал в Стамбул (очевидно, из-за слухов о крещении татар на фоне мероприятий по Всероссийской переписи населения) и вернулся обратно 1907 г., но продолжал жить по документам Османской империи. С началом войны его взяли под полицейский надзор³⁰.

29 Валиди. 2014: 147.

30 Человек. 2017: 326.

Возможно, именно таких людей в различных жандармских справках определяли как «турецких эмиссаров», ведущих панисламистскую пропаганду. Уже в ходе войны в Казанской губернии старались не размещать османских военнопленных, их отправляли, в основном, в Иркутский военный округ, подалее от мест компактного проживания мусульманского населения.

Однако когда в ноябре 1914 г. османский султан (халиф) объявил священную войну мусульман (джихад), со стороны мусульман России не последовало на это какой-то особой реакции. Они продолжали проводить коллективные моления в мечетях в честь российского императора и его армии, собирали благотворительную помощь и организовывали работу медицинских учреждений (например, в ноябре 1914 г. в Казани торжественно открылся мусульманский госпиталь). Из-за отсутствие явных признаков панисламизма или пантюркизма, наблюдатели делали выводы о замкнутости и подозрительности самих татар-мусульман. Например, «они как будто еще больше замкнулись в себя, опасаясь, что малейшая со стороны отдельных личностей неосторожность может вызвать нежелательные для них последствия», — считал один из информантов казанской жандармерии в 1915 г., докладывая о настроениях местных татар³¹. Действительно, в это время были случаи, когда благотворительные сборы даже в пользу российской армии могли интерпретироваться как «сбор денег в пользу турок». Как отмечал в одной из своих статей в 1915 г. писатель и редактор московской газеты «Иль» Г. Исхаки, для некоторых людей это стало своеобразным «промыслом»: обвинение в сборе денег в пользу Османской империи стало распространенным способом для устра-

31 История Казани. 2004: 354.

нения конкурентов или же просто сведения старых счетов из-за межличностных конфликтов³².

В официальных справках российских органов политического сыска появлялась также информация и о том, что татары Казанской губернии «втайне сочувствуют немцам, которые являются союзниками турок, братьями по крови и вере наших поволжских мусульман». Исследовательница С.И. Бойко отмечает, что начальник Казанского ГЖУ, полковник К.И. Калинин в 1915 г. делал такие громкие заключения, опираясь на письма двух немцев, проживавших в деревнях Уфимской и Казанской губерний. В перехваченных военной цензурой письмах говорилось о том, что простые татары относятся хорошо и к авторам посланий, и к Германии³³.

Татарские периодические издания в это время находились под постоянным контролем цензоров, тем не менее, на их редакторов периодически поступали доносы в органы власти. Например, в конце 1914 г. анонимные доносители жаждали расправиться с писателем и редактором газеты «Кояш» Фатихом Амирханом, а также с его семьей. Младший брат литератора Ибрагим получил в этих записках ярлык активного «панисламиста». Правда, проверка анонимного сообщения служащими политического сыска не дала положительного результата, и они воздержались от высылки писателя-инвалида Ф. Амирхана и его брата за пределы Казанской губернии. Не остался не замеченным и другой журналист Фахрелислам Агеев, издатель детского журнала «Ак юл» («Светлый путь»), который тоже обвинялся в турецких симпатиях. В доме казанского муллы Галимджана Баруди (Галеева), редактора журнала «Дин ва аль-адаб» («Религия

32 Исхаки. 2008: 15.

33 Бойко. 2014: 32.

и нравственность»), вовсе прошли обыски, однако не было обнаружено ничего подозрительного³⁴. При этом известный религиозный деятель, руководитель медресе «Мухаммадия» уже был фигурантом судебного дела в 1908 г. и высылался в Вологодскую губернию, а полностью восстановил свои права лишь в 1913 г. В годы Первой мировой войны Г. Баруди активно участвовал в благотворительной деятельности в Казани: помогал в организации мусульманского госпиталя, обучал в своем учебном заведении детей беженцев-мусульман (польско-литовских татар) и т.д. Но его оппоненты продолжали писать на него доносы, как совершенно верно выразился Р. Круз, «мусульмане в своей повседневной жизни больше занимались борьбой друг с другом, чем с режимом»³⁵.

В таких непростых условиях среди широких слоев населения циркулировала информация самого разного характера. Между тем, чаще всего, она имела письменное происхождение. Даже сведения о военных действиях проходили любопытный цикл: официальные сводки из фронта — публикация в газете или другом издании — обсуждение информации в частных разговорах — пересказ полученных сведений в письмах, адресованных солдатам. Например, очень показательным является письмо одной татарки, матери солдата Фасахетдина из д. Аю-Кудерган Тетюшского уезда Казанской губернии, написанное, судя по всему, в 1915 г. Письмо содержит разные сведения: помимо семейно-бытовых подробностей (здоровье родственников, получение социальных пособий, цены на продукты и т.д.), женщина сообщает сыну о фронтовых делах. По всей видимости, она пересказывает сведения, услы-

34 Семенова. 2010: 84-85.

35 Круз. 2020: 387.

шанные или прочитанные ею где-то. Так мать солдата пишет сыну на фронт, что «войска нашего падишаха очень умелые», а «Австрия ослабла, очень сдала», но «Германия самая злая». Кроме того, женщина описывает в письме оружие противника — «непробиваемый пушечными ядрами» «германский автомобиль ранил наши войска» — и добавляет, что «наши войска отчаянные», поэтому «разгадали секрет» той машины. Автор письма периодически подчеркивает вторичность передаваемой информации словами «имеш» («якобы»), «дилэр» («говорят»)³⁶.

Откуда у сельской жительницы, немолодой татарки, которая могла бы олицетворять литературный образ «старушки-сплетницы», сведения об оружии противника и «умелом падишахе» (российском императоре)? Здесь мы видим, что поколение татарских женщин, родившихся в преформенное время и учившихся в женских мектебах (школах) на рубеже XIX-XX вв., уже было относительно грамотным и получало информацию из различных татарских печатных изданий. В отличие от литературных образов начала XX в., реальных женщин интересовали не только вопросы частного характера. Это прослеживается и по содержанию единственного татарского женского журнала «Сююмбике», который начал издаваться в Казани накануне войны супругами Якубом Халили и Асьмой Шафигуллиной. Помимо «женских» сюжетов (дом и семья, ведение хозяйства, вопросы воспитания и образования, литература) в журнале уделялось внимание и вопросам, связанным с войной³⁷.

Ориентиром для некоторых читателей могли быть и различные татарские брошюры, выпущенные по горячим следам.

36 Сәлахова. 2016: 191.

37 Сююмбике. 1916: 32

Например, в 1915 г. в казанском издательстве «Магариф» вышла книга «Сугыш» («Война»), подготовленная Гильмутдином Шарафом. В богато иллюстрированном издании содержалась разноплановая информация о странах Антанты и Тройственного союза, в том числе о видах применяемого на фронте оружия, о благотворительной деятельности в пользу российской армии (например, было уделено большое внимание Мусульманскому госпиталю в Казани) и т.д. Несомненно, издание было рассчитано на коммерческий успех, т.к. больше одной трети книги занимали рекламные предложения различных татарских фирм³⁸. Конечно, в продажу поступали и другие аналогичные издания о войне, рассчитанные на массовый успех.

Оригинальным народным жанром были байты о войне (песни), которые слагали разные авторы. Прежде всего, байты сочиняли сами солдаты. Они имели сходную форму: начинались с описания неожиданной мобилизации, расставания с родными и завершались трудностями фронтового быта. Через такие персональные, но, тем не менее, стандартизированные, песни-истории, очевидно, формировывалось сочувственное отношение населения к войне. Иначе военная цензура не допускала бы татарские байты к печати: всего за 1914-1916 гг. только в Казани и Уфе было издано пять книг с песнями о войне. Их тираж варьировался от 3 до 6 тысяч экземпляров, а три из пяти книг были переизданы несколько раз. Безусловно, байты и другие такие народные брошюры (так публиковались даже солдатские письма) были очень специфической репрезентацией войны³⁹. Такая подача информации устраивала далеко не всех. Например, в 1916 г. Самарское губернское земское управление получило следующее прошение от жите-

38 Шараф. 1915.

39 Габдрафикова. 2015: 122-123.

лей большого татарского села Байряка Бугульминского уезда Самарской губернии. Они просили земство открыть им библиотеку-читальню, чтобы иметь возможность читать русские и татарские газеты. В прошении говорилось, что грамотное население нуждается в достоверной информации о войне, ибо «лубочная литература, продаваемая на местном рынке, покупаемая по баснословным ценам, не может удовлетворить запросов читателей». Просители подчеркивали, что из-за отсутствия оперативной информации в народе распространяются самые нелепые слухи о фронте⁴⁰.

«ПИСЬМА ИЗ МЕККИ» ИЛИ СЛУХИ В ЖАНДАРМСКИХ МАТЕРИАЛАХ

В конце 1914-го — в начале 1915-го гг. жандармскими органами были зафиксированы довольно специфические слухи среди мусульман Поволжья. В материалах ГЖУ они получили условное название «письма из Мекки», т.к. распространялись не только устно, но и в письменном виде. Слухи отсылали к религиозным текстам, к Корану, напоминали о судном дне, об усилении роли ислама в мире и т.д. Данные слухи не имели четкой локализации. Дело в том, что ГЖУ постоянно обменивались различными секретными сообщениями между собой по «мусульманскому вопросу», поэтому подозрительную информацию они передавали друг другу. Казанское ГЖУ предупреждало оренбургское, с ними вступало в переписку самарское жандармское управление и т.д. Конечно, прежде всего, жандармы связывали религиозные слухи с Казанской губернией. Но это объяснялось и тем, что агентурная сеть жандармерии, в силу многочисленности татарского населения в крае, была развита в Казани сильнее⁴¹.

40 Новое время. 1916. 31 августа.

41 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

29 января 1915 г. в делопроизводственных материалах Оренбургского ГЖУ было зафиксировано сообщение от коллеги из Казани. Ссылаясь на казанского губернатора, он сообщал о том, что «среди местного мусульманского населения распространяются присланные из Медины письма содержания которых сводится к тому, что будто бы какой-то «муджабир» («угодник Божий») на могиле пророка услышал его голос, предупреждающий мусульман, что начавшийся по мусульманскому счислению новый 1333 год будет выдающим в жизни мусульманского мира, т.к. предстоит гибель всем «гяурам» и плохим мусульманам». Письма эти заканчивались с требованием сделать копии с них и распространять дальше⁴². В другом источнике говорилось, что на могиле пророка Мухаммеда побывал некий турецкий военачальник, и он тоже услышал от него предсказание⁴³.

Суры из Корана интерпретировались в довольно вольной форме. В другой вариации «письма из Мекки» предупреждали, что «одному из угодников пророка» явился сам пророк Мухаммед и рассказал, что «в 1915 году появился антихрист (Даджаль), а в 1916 году — произойдет много грозных событий». Угодник призывал всех мусульман к покаянию⁴⁴.

Слухи указывали на приближающийся конец света и объясняли военное положение тем, что «перед окончанием мира между исламом и христианством будет великая война». При этом «в помощь исламу явится христианский царь, который примет мусульманство и победит в этой войне»⁴⁵.

42 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.140.

43 Казанцев. 2005: 167.

44 Тухватуллин. 2013: 88.

45 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

В различных вариациях данных слухов, помимо религиозных образов, имелись еще рассказы о действиях, связанных с лагерем противника. Например, в конце апреля 1915 г. казанская жандармерия зафиксировала слухи, распространяемые неким торговцем сырьем из Самары. Он говорил о том, что все кавказские мусульмане присягнули к султану, как ставленнику пророка, «борющемуся в настоящей войне за целостность ислама, и всячески содействует победе турок над врагами». Кроме того, слухи сообщали, что мусульманские солдаты Кавказской армии «тоже присягнули не стрелять в турок и стараются попадать к ним в плен». Обращение казанского ГЖУ с этим вопросом в 1915 г. в Самару не дало никакого результата, т.е. слух тогда был зафиксирован только в Казани. Жандармы опасались, что «эти разговоры» могут оказать влияние на солдат-татар и среди них найдутся «малодушные люди»⁴⁶.

Между тем, в 1916 г. было развернуто большое жандармское расследование, в ходе которого пытались найти связь татарских купцов с османскими военнопленными. В рамках этого дела 9 февраля 1916 г. был арестован, а потом освобожден самарский предприниматель (торговец фруктами) Саттар Маннафов. Тогда в его магазине обнаружили военнопленного офицера Хаджи Ахмеда, который читал татарскую газету «Кояш», в ожидании обмена османских денег на российские. Кроме того, обыски прошли у татарских купцов Казанской, Уфимской и Иркутской губерний. Предпринимателей обвиняли в оказании содействия побегу османских военнопленных, но не удалось доказать их вину⁴⁷.

46 История Казани. 2004: 356.

47 Габдрафикова. 2015: 220.

Очевидно, ориентируясь на такие жандармские дела, советские исследователи А. Аршаруни и Х. Габидуллин в 1930-е гг. утверждали, что «в Поволжье, в Казани наблюдались случаи устной пропаганды «пораженческих» теорий и даже попыток распространять воззвания, призывающие мусульман «пробудиться ото сна, пока есть время и случай». Они же писали, что такие идеи безуспешно распространяли «мелкобуржуазные интеллигенты»⁴⁸.

В 1916 г. слухи, в том числе в письменном виде, продолжали циркулировать по Казанской губернии. В ноябре того года Атнинское волостное правление Казанского уезда получило анонимное письмо, адресованное всем мусульманским священнослужителям — муллам. «Хазраты, скоро будет светопреставление, объявите народу». Вскрытое письмо было передано земскому начальнику⁴⁹.

Были и другие письма с религиозным подтекстом. Например, зафиксировано письмо следующего содержания:

Господин мулла. Русские воюют с Турцией и разбивают их войска, скоро турецкое государство уничтожено будет, и вот весной Вас всех будут крестить, приготовляйтесь, как окончат войну и солдаты воротятся, так будут ездить по Вашим деревням с монахами, на мечети повесят колокола и поставят кресты, а Вас мулл сделают попами. Доброжелатель.

Образец этого письма попал к казанскому губернатору. Исследователь В.Г. Соболев утверждает, что и оригинал был на русском языке и поэтому предполагает, что письмо было составлено «православным русским как откровенное издевательство или с угрозой»⁵⁰. На наш взгляд данное письмо написано не просто как «издевательство или угроза», а ли-

48 Аршаруни. 2002: С.99-100.

49 ГА РТ. Ф.1246. Оп. 1. Д.165. Л.30.

50 Соболев. 2017: 160.

цами пацифистских, т.е. левых взглядов, выбравшими стандартный способ воздействия на мулл — через их религиозные чувства и боязнь принудительной христианизации.

Наконец, в конце 1916 г. появился циркуляр Департамента полиции МВД о распространении среди сельского населения «различных вздорных слухов». Источниками такой информации, по мнению представителей органов власти, выступали не только возвращающиеся домой солдаты, но революционеры, ведущие «злонамеренную деятельность» с целью «подорвать престиж правительственной власти» и создания благоприятной почвы «для дальнейшей преступной пропаганды». Циркуляр был доведен до органов власти и Волго-Уральского региона⁵¹.

Как в материалах ГЖУ о слухах с «письмами из Мекки», так и в анонимных записках псевдорелигиозного содержания фигурировали лишь представители мужского пола. «Письма» даже были адресованы к хазратам (мусульманским религиозным служителям). В целом, в расследованиях о «панисламизме» жандармские служащие не придавали значения татаркам-мусульманкам, т.к., очевидно, не наделяли их субъектностью. Кроме того, женщины не фигурировали в анонимных доносах и материалах тайных агентов ГЖУ. В практике органов власти «мусульманство» было олицетворением патриархального уклада. Анонимные записки, отсылающие к Корану, очевидно, тоже придерживались этой же логики.

ГЕРМАНСКИЙ СЛЕД «ПИСЕМ ИЗ МЕККИ»

Объявленный османским султаном «джихад» был частью стратегической программы Германии, автором которой считают немецкого востоковеда и дипломата Макса фон Оп-

51. Башкирия. 2014: 212.

пенхайма. В октябре 1914 г. он направил в германский МИД документ «Революционизация исламских областей наших врагов». Такие идеи вынашивались и ранее. В перспективе предлагалось создание специальной Службы информации по Востоку (Nachrichtenstelle für den Orient), которое должно было заниматься распространением «правдоподобных восточных новостей, призывов и пр., приспособленных к психологии восточных народов»⁵². В документе М. фон Опенхайма отмечалось, что европейские мусульмане России «в большей части развиты духовно» и в пропагандистской работе нужно «использовать прессу и прежде всего духовные школы в мусульманских центрах Европейской России, особенно в Казани, Оренбурге и Уфе»⁵³.

Появившиеся в Поволжье специфические слухи среди татар тоже были частью этой стратегии. В мусульманской среде, в том числе в России, проводилась планомерная работа немецких агентов по созданию положительного имиджа кайзера Вильгельма. Для этого использовались такие общественные пространства как мечети и базары, а в Российской империи данная работа проводилась и с помощью «писем из Мекки». Поэтому совсем неудивительно, что в некоторых вариациях слухов фигурировал и добрый царь-христианин, помогавший мусульманам или же вовсе тайно принявший ислам. Ему же прочили победу в войне между исламом и христианством⁵⁴. Как нетрудно догадаться, в роли царя-христианина выступал германский кайзер, а его союзничество с османским султаном понималось как «помощь исламу». Некоторые утверждали, что он выбран Аллахом для

52 Гилязов. 2014: 24-26.

53 Там же. С.28.

54 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

освобождения правоверных от власти неверных; говорили также о том, что принявший ислам Вильгельм тайно совершил паломничество в Мекку и его нужно называть теперь Хаджи Вильгельм Мухаммад. «Имели даже место слухи о том, что все население Германии последовало примеру своего кайзера и в массовом порядке переходит в ислам», — отмечает историк, исследователь этого вопроса И.А. Гилязов⁵⁵.

В разных вариациях этих слухов неопитами-мусульманами представлялись германские военнослужащие. Так оренбургская жандармерия сообщала о том, что в некоторых кавказских мусульманских газетах, якобы, написано о немецких инструкторах в Турции, принявших ислам. Там же, якобы, были и изображения немецких офицеров вместе с турецкими муллами, напечатанные в одной из бакинских газет⁵⁶. По всей видимости, эта дезинформация была подкреплена сообщениями о пропагандистских лагерях для военнопленных-мусульман на территории Германии и Австро-Венгрии, где удовлетворялись религиозные и этнокультурные потребности содержащихся. Такие лагеря появились лишь в начале 1915 г. В их организации были задействованы и немецкие офицеры, а конечной целью особых лагерей было создание коллаборационных отрядов.

В 1916 г. стало понятно, что германская стратегия с «джихадам» не имела особого успеха и тогда появилась альтернатива — «Лига нерусских народов России». Организация, созданная в марте того года в Швейцарии и финансируемая Германией, тоже вела работу по «революционизирова-

55 Гилязов. 2015: 312-313.

56 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

нию», но акцент был смещен на «право наций на самоопределение»⁵⁷.

Судя по всему, и «письма из Мекки» не имели широкого успеха у татарского населения. Представители интеллигенции прекрасно понимали абсурдность слухов о царехристианине, принявшем ислам. Поэтому такого рода сплетни высмеивались в татарских газетах. Например, в 1915 г. газета «Вақыт» опубликовала серию анекдотических утверждений: «супруга императора-мусульманина и супруги генералов немецкого штаба летом посетят Стамбул...», «...население Бельгии тоже приняло мусульманство...»⁵⁸.

Догадывались ли татары-мусульмане о германской стратегии во время Первой мировой войны? Любопытная публикация 1916 г. в женском журнале «Сююмбике» говорит о том, что эта пропагандистская работа не была секретом для читающей публики. Статья «Двойственное отношение Германии к исламу» появилась после взятия в том же году британской армией города-порта Дар-эс-Салам — германской колонии в Танзании. Неизвестный автор рассуждал о войне и мусульманах, о союзе Германии и османской Турции, и подводил читателей к германским «циркулярам» в Дар-эс-Саламе. Ссылаясь на действия колониальной администрации в этом мусульманском городе, автор пытался подчеркнуть, что Германия на самом деле ищет везде свою выгоду и лишь представляется защитницей ислама⁵⁹. Для нас важно и то, что статья такого рода появилась в журнале «Сююмбике» и адресована, прежде всего, женщинам.

57 Гилязов. 2014: 280.

58 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

59 Сююмбике. 1916: 32.

Любопытно, что к 1917 г. слухи о европейских монархах-мусульманах трансформировались в сплетни о российском императоре Николае II, который тоже готов стать мусульманином, «но мешают приближенные». Об этом сообщал епископ Андрей в письме от 20 февраля 1917 г. Пользуясь такими слухами, источником которых он считал татар-мусульман, религиозный деятель предлагал выпускать «патриотические» Кораны с надписью о том, что они изданы на царские средства. По его мнению, такие издания станут «прекрасной иллюстрацией» слухов об императоре-мусульманине⁶⁰. О царе в это время по всей империи, как известно, гуляли самые разные слухи⁶¹. В этих условиях молва о его мусульманстве была, по всей вероятности, самой безобидной и характеризовала, в какой-то степени, лояльность части татарского населения к его персоне.

Выводы

Таким образом, в татарской повседневности и художественной литературе начала XX в. «сплетня» (“гайбэт”) наряду с обычной негативной коннотацией в бытовом ключе и гендерной стереотипизацией (сплетницы-женщины) имела еще конкретную привязку к общественно-политическим жандармским делам о так называемом «пан-исламизме». При этом татарки-мусульманки выводились за рамки представляемого органами власти и их информантами «мира мусульманства», т.к. в логике патриархальных представлений они не наделялись ими субъектностью. Поэтому женщины практически не фигурировали в жандармских расследованиях.

60 Исхаков. 2004: 115.

61 Колоницкий. 2017: 39-45.

Зафиксированные среди мусульман Волго-Уральского региона жандармскими органами власти специфические слухи 1915-1917 гг. тоже были связаны, прежде всего, с мужчинами. Носителями недостоверной информации выступали либо религиозные служители, либо торговцы. Слухи доходили и в письменном виде. Так называемые «письма из Мекки» и другие сообщения с религиозным подтекстом адресовались, как правило, муллам. Все это объяснялось и довоенной спецификой жандармских дел о «панисламизме» в России, где ключевые конфликты разворачивались внутри мусульманских общин, между деятелями религиозного культа и народного просвещения.

Но обозначенные религиозные слухи в среде татар-мусульман периода Первой мировой войны были спровоцированы внешними силами искусственным образом и с определенными целями — это была часть стратегии германского Министерства иностранных дел и особой организации при ней Службы информации по Востоку для дестабилизации внутренней обстановки в странах Антанты. Изучение данного исторического сюжета показывает, что внешними силами был переоценен религиозный фанатизм татар-мусульман периода Первой мировой войны, не были учтены опыт довоенных жандармских расследований и степень вестернизации татарской интеллигенции, которая ориентировалась в большей степени не на мистические тексты, а на собственный прагматизм.

«Турецкий» фон использовался внутри России и самими мусульманами, в том числе для решения межличностных конфликтов. Это создавало атмосферу общего недоверия и, конечно, мешало консолидации общества в трудных условиях войны.

Хотя в слухах фигурировали, как источник информации и некие «газеты», татарская периодическая печать остава-

лась во время Первой мировой войны каналом официальной информации, демонстрировала патриотизм и полную лояльность органам власти. Публикация, призывающая критично оценивать декларируемую лояльность Германии к мусульманам, появилась даже в единственном татарском женском журнале той поры «Сююмбике». В целом татарская журналистика начала XX в. формировала образ просвещенного сообщества, где особое место отводилось и образованным женщинам («матерям нации»), далеким от сплетен.

Список источников и литературы

Аксенов. 2005 — Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С.163-200.

Аршаруни. 2002 — Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки пан-исламизма и пантюркизма в России. Казань: Иман, 2002.

Ахсанов. 2007 — Ахсанов К.Г. Балканская война 1912-1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. Т.149, кн. 4. С.177-185.

Башкирия. 2014 — Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914-1918: сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа: Китап, 2014.

Бубый. 2003 — Бубый Г. Хатыннар. Яр Чаллы: «Ислам нуры», 2013.

Бойко. 2014 — Бойко С.И. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад-Восток. 2014. №7. С.26-34.

Валиди. 2014 — Валиди Т., Рафикова Г. «Русские» немцы в Казани в годы Первой мировой войны: неизбежность трагедии // Гасырлар авазы. 2014. №1/2. С.143-147.

Габдрафикова. 2015 — Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914-1918). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.

Гали Рәхим. 2008 — Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик җыентык. Казан: Жыен, 2008.

Гилязов. 2014 — Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914-1920). Казань: Татарское книжное издательство, 2014.

Гилязов. 2015 — Гилязов И.А. "Священная война — джихад" как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие, перспективы изучения. Сборник статей международной конференции. Казань, 2015. С.310-321.

Ибраһимов. 1956 — Ибраһимов Г. Яшь йөрәкләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956.

История Казани. 2004 — История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. Казань: Магариф, 2004.

Исхаков. 2004 — Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М. «Социально-политическая мысль», 2004.

Исхакый. 1999 — Исхакый Г. Әсәрләр. Т.2. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1999.

Исхакый. 2008 — Исхаки Г. Әсәрләр. Т.7. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008.

Казанская губерния. 2014 — Казанская губерния в годы Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / под ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014.

Казанцев. 2005 — Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

Колоницкий. 2017 — Колоницкий Б. #17: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Круз. 2020 — Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Мусульманские депутаты. 1998 — Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг.: сборник документов и материалов / сост. Л.А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998.

Саид. 2023 — Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2023.

Сәлахова. 2016 — Сәлахова Э.К. “Каләм әйтә тагы берәз язасы, китә төшсен солдатларның мазасы (Беренче Бөтендөнья сугышы чоры хатлары) // Гасырлар авазы. 2016. №3-4. С.186-197.

Семенова. 2010 — Семенова Е.Ю. «Мусульманский вопрос» как составляющая мировоззрения городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Клио. 2010. №3 (50). С.83-86.

Сүнчәләй. 2005 — Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005.

Соболев. 2017 — Соболев В.Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи накануне революционных событий 1917 года // Февральская революция: история и современность. Материалы конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С.151-171.

Сююмбике. 1916 — Сююмбике. 1916. №2.

Татар. 1987 — Татар халык ижаты. Мөкальләр һәм әйтемнәр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987.

Тукай. 1985 — Тукай Г. Әсәрләр. 2 том. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985.

Тухватуллин. 2013 — Тухватуллин А.Х. Настроения татарского населения города Казани в начале Первой мировой войны // Дискуссия. 2013. №9 (39). С.187-190.

Человек. 2016 — Человек в революции: Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

Человек. 2017 — Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017.

Шәраф. 1915 — Шәраф Г. Сугыш. Казан: Магариф, 1915.

REFERENCES

Aksenov, Vladislav. "Rumors and Fears among the Populase of Petrograd and Moscow in 1917". In *Social History*. 2004, 163-200. Moscow: Russian political encyclopedia, 2005. (In Russian)

Arsharuni, Arshaluis. Gabidullin, Hadji. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Kazan: Iman, 2002. (In Russian)

Akhsanov, Kamil. "Balkan war 1912–1913 and Tatar social political thought". *Kazan University Notes. Humanitarian Sciences Series* 149, 4 (2007): 177-185. (In Russian)

Boyko, Sofia. "The Kazan`s Gendarmerie during the First World War: some of the new directions of activity". *West-East* 7 (2014): 26-34. (In Russian)

Validi, Tagir. Rafikova, Gulnara. "'Russian' German Population of Kazan province during the World War I". In *Echo of centuries*, 1/2 (2014): 143-147 (In Russian)

Gabdrafikova, Liliya. Abdullin, Khalim. *Tatars during the World War I (1914-1918)*. Kazan: Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. (In Russian)

Gilyazov, Iskander. Gataullina, Leila. *Russian Muslim soldiers in the German captivity during the World War I (1914-1920)*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2014. (In Russian)

Gilyazov, Iskander. "'Holy War and Jihad" as a part of Military and Political Strategy of Germany during the World War I". In *The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage, Study perspective. Collection of articles from the international conference*, edited by Dilyara Usmanova et al.: 310-321. Kazan: Kazan University Publishing House, 2015. (In Russian)

Iskhakov, Salavat. *Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 – Summer 1918)*. Moscow: "Socio-Political Thought", 2004. (In Russian)

Kazantsev, Alexey. *Dynamics of mass sentiments in the Russian provinces during the World War I: on the example of the Penza, Samara and Simbirsk provinces, manuscript of the dissertation of a candidate of historical sciences*. Penza, 2005. (In Russian)

Kolonitsky, Boris. #17: *Seventeen sketches on the History of Russian Revolution*. St. Petersburg: EUSP Press, 2017. (In Russian)

Crews, Robert D. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Harvard University Press, 2006.

Said, Edward W. *Orientalism*. Knopf Doubleday Publishing Group, 1994.

Salakhova, Elmira. "'The pen says, a little more to write, let the soldier's anxiety be taken away" (letters from the First World War period)". In *Echo of centuries* 3-4 (2016): 186-197. (In Tatar)

Semenova, Ekaterina. "The Muslim Question" as a Component of the Worldview of the Urban Population of the Volga Region During World War I". *Clio* 50, 3 (2010): 83-86. (In Russian)

Sobolev, Vladislav. "'The Muslim Question" in the Russian Empire on the Eve of the Revolutionary Events of 1917". In *The February Revolution: History and Modernity. Conference Proceedings*, 151-171. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2017. (In Russian)

Tukhvatullin, Airat. "The mood of the Tatar population of the city of Kazan at the beginning of the World War I". *Discussion* 39, 9 (2013): 187-190. (In Russian)

Gabdrfikova, Liliya et al, ed. *Man in the Revolution: Kazan Province*. Vol. 1. 1905–1907. Kazan: Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2016. (In Russian)

Gabdrfikova, Liliya et al, ed. *Man in the Revolution: Kazan Province*. Vol. 2. 1917. Kazan: Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2017. (In Russian)

М.С. Неклюдова

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
ORCID ID 0000-0002-5251-931X
Scopus ID 57195347140
nekludova-ms@ranepa.ru

Охотники за новостями: о генеалогии одного социокультурного типажа XVII века

Ключевые слова: нувелист (вестовщик), характер, придворное общество, Антуан де Куртен, Лабрюйер, Феофраст, Элиас.

Аннотация: Во второй половине XVII в. во Франции на страницах учебников хороших манер и сатирических сочинений встречается новый светский «характер», нувелист. Это одновременно любитель и распространитель новостей, но не профессиональный журналист. О том, что типаж воспринимался как новый, говорит появление особого обозначения (слово «нувелист», по видимому, входит в оборот только в XVII в.), хотя нет сомнения, что любовь к новостям не была свойственна исключительно этому периоду. Вопрос в том, почему это происходит именно во второй половине XVII в. Прежде всего, обособлению нувелиста как самостоятельной фигуры способствует публикация латинских переводов «Характеров» Феофраста, где описан соответствующий типаж. Кроме того, в условиях формирования придворного общества и все большего превращения дворянства в праздное сословие распространение новостей заменяет собой реальное участие в политике. Наконец, как подчеркивает ряд наблюдателей, существование нувелистов напрямую связано с жесткой цензурой французской прессы. В своем трактате «О лени» (1673) Антуан де Куртен одним из первых фиксирует черты этого типажа. Его описание, перевод которого публикуется ниже, представляет особый интерес, поскольку оно предшествует выходу «Характеров, или Нравов нынешнего века» Лабрюйера, определивших всю последующую характерологию.

Для цитирования статьи: Неклюдова М. С. Охотники за новостями: о генеалогии одного социокультурного типажа XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 198-214. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-198-214

Для цитирования перевода: Куртен А. де. О людях, которые тратят жизнь на то, чтобы узнавать и передавать новости / пер. и комм. М. С. Неклюдовой // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 215-219. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-215-219

Статья поступила в редакцию: 20 октября 2024 Принята к печати: 30 октября 2024

M.S. Neklyudova

School of Advanced Studies in the Humanities,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
ORCID ID 0000-0002-5251-931X
Scopus ID 57195347140
neklyudova-ms@ranepa.ru

NEWS HUNTERS: ON THE GENEALOGY OF A SEVENTEENTH-CENTURY SOCIOCULTURAL TYPE

Keywords: nouvelliste, character, court society, Antoine de Courtin, La Bruyère, Theophrastus, Elias.

Abstract: In the second half of the 17th c. in France, a new type or ‘character’, the nouvelliste, often appears in the pages of good manners manuals and in satirical writings. He is both amateur and disseminator of news, but not a professional journalist. The introduction of a particular appellation (apparently, the word ‘nouvelliste’ came into circulation in the 17th c.) attests to the fact that the type was perceived as new, even if there is little doubt that the love of the news is not specific to any given era. The question is, why did it appear in the second half of the 17th century? Firstly, the emergence of the nouvelliste as an independent figure was facilitated by the publication of Latin translations of Theophrastus’ *Characters*, in which the similar type was described. Secondly, the formation of the ‘court society’ and the increasing transformation of the nobility into an idle class meant that the dissemination of news replaced genuine participation in political life. Finally, as many observers point out, the existence of the nouvelleistes was directly linked to the strict censorship of the French press. In his *Traité de la paresse* (1673), Antoine de Courtin was one of the first to note the characteristics of this type. His description, the translation of which is published below, is particularly interesting because it precedes the publication of La Bruyère’s *Les Caractères ou les Mœurs de ce siècle* which determined all subsequent characterology.

To cite this article: Neklyudova, Maria. “News hunters: on the genealogy of a seventeenth-century sociocultural type.” In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 198–214. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-198-214

To cite this translation: Courtin, Antoine de “On people who spend their lives learning and reporting the news”, transl. and comm. Maria Neklyudova. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 215–219. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-215-219

Received: October 20, 2024

Accepted: October 30, 2024

В 1697 году в иезуитском коллеже Св. Троицы в Лионе был представлен балет «Прелюдии к миру», посвященный переговорам между Францией и «Великим Альянсом», в итоге закончившимся заключением Рисвикского мирного соглашения. Его автор, преподобный Доминик де Колониа, преподаватель риторики в том же коллеже, разбил свое сочинение на четыре части или «прелюдии». Балет открывал Пролог, в котором фигурировали Европа, Испания, Англия, Германия и Франция, а также Надежда. Далее следовала первая прелюдия, «Мир в Италии» («в воздухе на колеснице появляется Гименей, стремящийся установить мир в Италии. Для этого он использует Ужас и Тайну»), затем вторая, «Переговоры в Рисвике» («из недр восстает Политика со своей свитой, чтобы препятствовать мирным переговорам, но Нужда принуждает послов вступить в негоциации»), и третья, «Истощение союзников» («два английских алхимика, видя, что Англии не хватает золота, пытаются произвести его с помощью философского камня»)¹. Однако для нас наибольший интерес представляет четвертая прелюдия, «Слухи о мире», где на сцене появляется Молва (Renommée), сопровождаемая Видимостями и Любопытством (первый выход). Она сеет Ложные Слухи, которые, будучи наделены крыльями, разлетаются по всей Европе (второй выход). Газетчики из Голландии и Берна «распространяют сумасбродные известия о мире»² (третий выход). Наконец, «Нувелисты, изголодавшиеся по новостям, бегут за обожаемыми ими голландскими и бернскими газетчиками»³ (четвертый выход). Завершался спектакль явлением истины и общим танцем.

1 **Colonia.** 1697: 13-14, 25, 36.

2 **Colonia.** 1697: 45.

3 **Colonia.** 1697: 47.

Это аллегорическое изображение того, что мы сейчас называем «информационным пространством»⁴, построено на бурлескном смешении классических аллюзий и современных реалий. Как неоднократно отмечали исследователи, описания молвы, которые встречаются в различных сочинениях раннего Нового времени, напрямую связаны с образом богини Fama — такой, какой она предстает в «Метаморфозах» (XII: 39-63) и у ряда других античных авторов⁵. Но если у Овидия брожение слухов не зависит от конкретных распространителей, то у Колониа эта роль отдана газетчикам — конечно, не всем, а только враждебных государств, поскольку французская «Газет» была официальным источником новостей. Дальше эстафету принимают нувелисты, которые, судя по их репликам, ценят эти листки за «предсказания», «политическую глубину», «точные суждения», «тонкую критику», «веселость» и «аттическую соль»⁶. Иначе говоря, перед нами активные потребители тех сведений, которые сообщают неподцензурные издания, и может показаться, что именно это обеспечивает им место в четвертой прелюдии Колониа. Однако зрители, пришедшие посмотреть его балет, знали, что нувелисты не ограничиваются одним чтением.

Нувелист⁷ относится к числу «характеров», которые населяют французскую словесность рубежа XVII-XVIII вв., будь то воспитательные трактаты, моральные или эстетические рассуждения, сатиры или комедии. Лабрюйер опи-

4 О роли нувелистов в более позднюю эпоху см.: Дарнтон. 2009.

5 Walker. 2015: 9-35.

6 Colonia. 1697: 47-48.

7 В русской словесности термин «nouvelliste» может передаваться либо при помощи галлицизма («нувелист»), либо калькой («вестовщик»); я буду использовать первый вариант, но в ряде цитат встречается второй.

сывает его как невежественного критика новых книг, собирателя быстро «протухающих» новостей и любителя порассуждать о политике. По-видимому, именно это побудило Ю. Корнеева и Э. Линецкую перевести «nouvelliste» как «газетчик»⁸. Но перечисленные свойства надо рассматривать как дополнение к «Περὶ λογοπορίας» Феофраста, то есть, согласно переводу самого Лабрюйера, к портрету «нувелиста или рассказчика небылиц»⁹. У античного автора это выдумщик, постоянно расспрашивающий окружающих о новостях и разносящий по городу слухи о якобы выигранных или проигранных сражениях и тайных намерениях властей, не получая от того ни малейшей выгоды. Напротив, страсть к новостям нередко наносит ему ущерб, потому что пока он ораторствует в публичной купальне у него крадут одежды, и, на словах беря города, он пропускает трапезы¹⁰. К этим классическим характеристикам Лабрюйер добавляет интерес к изящной словесности, служащий отличительной чертой современного типажа. Если судить по нувелистам из балета Доминика де Колониа, автор «Характеров, или Нравов нынешнего века» был совершенно прав.

Но тут неизбежно возникает вопрос о соотношении литературной модели и социокультурной реальности: нувелисты из «Прелюдий к миру» восхищаются слогом голландских газетчиков, потому что такой тип поведения действительно встречался в обществе, или потому что Колониа чи-

8 Лабрюйер. 2004: 122-123.

9 La Bruyère. 1691: 18. В современном русском переводе: «Вестовщичество — это измышление ложных историй и известий» (Феофраст. 2010: 20).

10 См.: Феофраст. 2010: 20. Рассуждение про неприятности, которые постигают вестовщика (нувелиста) — позднейшая вставка, по-видимому, принадлежавшая византийскому комментатору, о чем Лабрюйер и его современники не знали.

тал Лабрюйера? Или же преподобный отец использует эту черту из «Характеров, или Нравов нынешнего века», чтобы избежать упоминаний того, о чем пишут голландские газеты? Последнее мне кажется наиболее вероятным. Описание типажей было рассчитано на узнавание, и мы знаем, что современники Лабрюйера искали (и находили) в его сочинении портреты конкретных людей. Хотя сам автор возражал против подобных идентификаций, их существование показывает, что читатели видели сходство даже там, где оно, скорее всего, не предполагалось. Однако античный образец продолжал служить в качестве костяка «характера». Показательным примером этого является другое знаменитое описание нувелистов, на сей раз принадлежащее Монтескье. В «Персидских письмах» он сообщает о «неком племени, которое называют вестовщиками»; его представители собираются в «прекрасном саду» и толкуют о разных материях:

Разговоры их основаны на вздорном и пустом любопытстве: нет такого тайного кабинета, в который они не притязали бы проникнуть; они ни за что не признаются, что чего-либо не знают; им известно, сколько жен у нашего августейшего султана, сколько он ежегодно производит на свет детей [...]. Они руководят любимым полководцем и, расхвалив его за тысячу не сделанных им глупостей, приготовят ему множество других, которых он тоже никогда не совершит.

Армии у них летают, точно журавли, а стены рассыпаются, как картонные; на всех реках у них мосты, всюду в горах — тайные тропы, среди сыпучих песков — огромные склады: не хватает им только здравого смысла¹¹.

Как легко заметить, интересы нувелиста начала XVIII столетия — кабинетные тайны, ход сражений и «планирование» будущих побед, — идентичны тем, что описывал

11 Монтескье. 1956: 297.

Феофраст. Монтеские, перерабатывая античный «характер» в антропологическую зарисовку, обозначает его современность, прежде всего, указанием на массовость явления. Античный персонаж был одиночкой, теперь же речь идет о целом племени со своими обычаями и «зоной обитания». О последней, то есть о привычке нувелистов собираться в одном и том же месте, упоминают и другие сочинители. Судя по свидетельству мадмуазель де Скюдери, а также автора басни «Нувелисты, или лекарство хуже недуга», которая была опубликована в 1690 году¹², это был Люксембургский сад.

Конечно, противопоставление литературной модели и реальности имеет условный характер. Правильней будет сказать, что античный образец позволяет авторам XVII века обособить явление, которое раньше не имело самостоятельного статуса, по крайней мере, на лексическом уровне. Само слово «*nouvelliste*», по-видимому, появляется во французском языке непосредственно в XVII столетии как замена более старому и многозначному «*novelier*»¹³, которое постепенно выходит из оборота. При этом словари начала века — «Тезаурус старого и нового французского языка» Нико (1606), испано-французский словарь Удена (1607), франко-английский словарь Котгрейва (1611) — игнорируют оба термина, хотя упоминают стоящее за ними явление. Так, у Котгрейва есть «*rapport-nouvelle*» — «вестник или переносчик новостей; тот, кто подхватывает любые новости или гоняется за ними, чтобы их сообщить

12 Она вошла в состав сборника «Веселый Эзоп», который был опубликован в Амстердаме. В нем были переводы и подражания Эзопу, принадлежавшие Лафонтену, Фюретьеру и Брюле де Монпленшану (*Esopé*. 1690: 185-187).

13 *Godefroy*. 1888: V. 539.

или превратить в собственные рассказы»¹⁴. Примечательным образом, в англо-французском словаре Роберта Шервуда, который в 1632 году печатается как дополнение к Котгрейву, «a news-monger», прямой лексический аналог «rapport-nouvelle», переводится как «рассказчик новостей; тот, кто не имеет иных занятий как выслушивать и пересказывать новости»¹⁵, то есть без использования соответствующих французских терминов. У Нико, а затем и у Удена в списках устойчивых речевых оборотов фигурирует «rapporteur de fausses nouvelles», разносчик ложных новостей¹⁶, но в отсутствии дефиниций и примеров можно лишь предположить, что это прототип котгреевского «rapport-nouvelle».

Итак, даже если слово «нувелист» уже существовало — а самое раннее его использование в интересующем нас смысле вроде бы датируется 1620-ми годами¹⁷ — оно не стало достаточно ходовым, чтобы быть замеченным лексикографами. Ситуация резко меняется к концу XVII века, когда его фиксируют все толковые словари, от Ришле («тот, кто сообщает новости, кто любит выслушивать, рассказывать и узна-

14 **Cotgrave**. 1611: Sig. Vvv vj.

15 **Cotgrave**. 1632: ll. Sig. Bb^v

16 **Nicot**. 1606: 434; **Oudin**. 1616: ll. Sig. Ll iv^r

17 Обычно в этом качестве приводится сочинение иезуита Этьена Бине «Утешение и радость больных и страдающих» (1616-1617), где он, в частности, описывает глухоту как желанное состояние, которое позволяет не слышать «оскорбления, презрительные слова, вызовы на дуэль, клеветы, назойливые крики, болтовню женщин, шарлатанов нувелистов, нахальных шулеров, ложные вести [...]» (Binet. 1617: 117), однако нет уверенности, что он имел в виду распространителей новостей, а не торговцев фальшивыми «новинками». Показательно, что в письме Морне дю Плесси от 1611 г. Франсуа ван Аарссен тоже употреблял слово «нувелисты», но в смысле «сторонники нововведений» (**Duplessis-Mornay**. 1652: 296).

вать новости»¹⁸) вплоть до словаря Академии («любитель узнавать и сообщать новости»¹⁹). Однако только у Фюретьера мы находим попытку социальной характеристики типажа: «охотник до новостей. Разорившиеся или бездельные дворяне обычно нувелисты или генеалогисты»²⁰.

Наблюдение лексикографа как будто иллюстрирует тезис Норберта Элиаса о понижении роли благородного сословия (прежде всего, родовой аристократии) в управлении государством, которое символически компенсируется принадлежностью ко двору, к высшему обществу, и т.д.²¹ Лишившиеся состояния и не имеющие должностей дворяне начинают заниматься генеалогическими спекуляциями, тем самым подтверждая свое (или своего патрона) место в иерархии, или же демонстрируют осведомленность о ходе дел, которая призвана свидетельствовать об их близости к власти предержавшим. Это отчасти объясняет, почему во второй половине XVII века любители новостей, безусловно встречавшиеся и до того, превращаются в отдельную социокультурную категорию с собственным наименованием.

Действительно, если посмотреть на частоту использования слова «нувелист», то она заметно возрастает к 1670-м годам. Тогда же начинают появляться первые развернутые описания типажа, еще не испытавшие влияния Лабрюйера (первое издание «Характеров, или Нравов нынешнего века» датируется 1687 годом), но очевидно отталкивающиеся от Феофраста. Стоит напомнить, что его «Характеры» были известны образованной публике с 1517 года, когда вышло

18 Richelet. 1680: II. 76.

19 *Le dictionnaire de l'Académie françoise*. 1694: II. 118.

20 Furetière. 1690: II. 748.

21 Элиас. 2002.

их первое латинское издание. За ним последовали публикация оригинала, греко-латинские билингвы, новые латинские переводы, — всего не менее пятнадцать изданий только на протяжении XVI столетия, включая наиболее влиятельные, выпущенные Исааком Казобоном в 1592 и в 1599 году²², которыми пользовался Лабрюйер. Попутно стоит отметить, что латинские версии «Характеров» также свидетельствуют о постепенном обособлении типажа нувелиста. В самом первом переводе, выполненном Лапо да Кастильонкио-младшим приблизительно в 1434 — 1435 году, раздел «Περὶ λοῦποῦιάς» назван «De Vanitate»²³, что подчеркивает идею суетности описываемых в нем занятий (такое название сохраняется в ряде более поздних изданий, порой приписывающих этот перевод Полициано²⁴). Напротив, Казобон называет соответствующий раздел «De Famigeratione»²⁵, сразу же указывая на специфическую функцию типажа и заодно на его связь с *Fama*.

На латинский перевод Казобона, по-видимому, опирался автор одного из самых ранних описаний нувелиста как особого типажа. Оно принадлежало Антуану де Куртону и было включено в его «Трактат о лени, или Искусство с толком распоряжаться временем», который увидел свет в 1673 году²⁶. Но замысел книги и, возможно, ее написание, восходит к предшествующему десятилетию. На это указывает ряд фактов. Так, 16 ноября 1670 года некий «сьер И. М.» — скорее всего, доверенное лицо автора — получил королевские привилегии на публикацию двух сочинений, затем пе-

22 **Ebner-Landy.** 2022: 668-685.

23 **Theophrastus.** 1517: 6r.

24 **Theophrastus.** 1583: 5r.

25 **Theophrastus.** 1593: 58.

26 **Courtin.** 1673.

реданные им парижскому издателю Эли Жоссе. Одним из них был «Новый трактат о вежестве, принятом во Франции среди достойных людей», который вышел в 1671 году и стал европейским бестселлером; другим — книга о лени. Трудно сказать, почему издатель ждал два с половиной года перед тем, как отдать ее в печать. Не исключено, что виной тому коммерческий успех «Нового трактата». Уже в 1672 году Жоссе выпускает второе его издание, исправленное и расширенное почти на треть. Работа над дополнениями к «Новому трактату» могла побудить Куртена отложить труд о лени²⁷. Более раннюю датировку подтверждают и упоминаемые в тексте события, в частности, взятие Лилля, о котором как об актуальной новости говорят собеседники. Город был захвачен и присоединен к французским владениям во время летней кампании 1667 года.

В отличие от других сочинений Куртена, «Трактат о лени» был написан в форме разговора, что, как правило, свидетельствовало о намерении автора обратиться к женской аудитории. Его герои, в числе которых несколько дам, собираются в доме богатой вдовы Филаржи и оживленно обсуждают бесполезные занятия и впустую потраченное время. Беседу направляет благочестивый и разумный аббат Феотей, очевидно выражающий точку зрения самого Куртена; ему подыгрывает Анжелика, девушка благородного происхождения, живущая у Филаржи в качестве компаньонки. Еще два персонажа с говорящими именами, молодой

27 Об эволюции «Нового трактата» от первого ко второму изданию см.: **Grassi**. 1998: 20-25; о соотношении «Нового трактата» и «Трактата о лени»: **Bokobza**. 2023.

дворянин Зероандр и маркиза Ньентильда, изредка подают реплики²⁸.

Разговор о нувелистах возникает вслед за обсуждением вреда азартных игр, а после него собеседники обращаются к любителям наносить визиты. Тематическое соседство наглядно иллюстрирует неоднозначную природу обсуждаемого явления. Прежде всего, это страсть: не случайно Анжелика называет тех, кто планирует воображаемые сражения, «людьми пылкими» («gens ardens»)²⁹, а Феотей определяет их недуг как «любопытство» («curiosité»)³⁰, то есть, согласно словарной дефиниции, как «желание, страсть видеть и узнавать все новое, тайное, редкое и любопытное»³¹. Поскольку любая страсть подлежит контролю рассудка, Феотей советует ограничивать жажду новостей чтением «Газет», которая публикует «то, что считается уместным для публики»³².

Однако нувелист не только любопытствует, он говорит и, как отмечает Анжелика, порой доходит до осуждения и критики властей. Позднее Ортиг де Воморьер в своем «Искусстве быть приятным в беседе» (1688) выскажется еще яснее:

Есть нувелисты рассуждающие, и есть другие, говорящие дерзко и не отдающие отчет в своих словах. Последние порой попадают в Бастилию и воображают, что такие выходки делают их знаменитыми³³.

28 Все имена указывают на характер персонажей: Филаржи = любящая лень, Феотей = верующий в бога, Анжелика = ангельская, Зероандр = пустой человек, Ньентильда = бездельница.

29 **Courtin.** 1673: 84.

30 **Courtin.** 1673: 82.

31 **Furetière.** 1690: l. 737.

32 **Courtin.** 1673: 89.

33 **Vaumorière.** 1690: 314.

Дерзкие высказывания нувелиста опять-таки объясняются отсутствием самоконтроля, своего рода логореей, которая доводит его до Бастилии, тем самым превращая его самого в предмет для разговоров. Уже в 1690-е годы аббат де Бельгард будет предупреждать об опасностях непрерывного и однообразного говорения, считая его проявлением речевой бесцеремонности: поэты склонны докучать окружающим бесконечным чтением стихов, ученые — рассуждениями на непонятные темы, молодые люди вызывающе грубы, глупцы надоедают постоянным восхищением, критики — недовольством, и т.д. В этом акустическом паноптикуме нувелисты оказываются рядом с балагурами: и те, и другие развлекают слушателей пустяками. В отличие от Куртена, который видел в информационном самоограничении род религиозной и гражданской добродетели, Бельгард напоминал, что нувелисту грозит превращение в полупрофессионального забавника, что приведет к символическому понижению его социального статуса:

Общество желает, чтобы его временами развлекали новостями и слухами, но характер нувелиста вызывает насмешки. Такой род деятельности (profession) принижает человека по сравнению с самим собой³⁴.

Но Куртен, кажется, единственный из писателей-моралистов той эпохи, кто, осуждая нувелистов за отсутствие речевого контроля, попытался объяснить, почему они неизбежно искажают передаваемые ими известия. На замечание Анжелики, что люди по своей натуре склонны ко лжи, Феотей указывает, что воспроизведение информации зависит от памяти и воображения каждого говорящего³⁵. Когда

34 **Bellegarde.** 1696: 206.

35 **Courtin.** 1673: 86-87.

человек, пересказывая новость, по рассеянности путает топонимы, в этом нет злой воли и желания ввести в заблуждение. Однако это не освобождает его от моральной ответственности, поскольку лучше было бы промолчать.

Наблюдения Куртена не оказали заметного влияния на последующую традицию описания нувелистов. По сравнению с другими его сочинениями, «Трактат о лени» имел достаточно скромный успех, о чем свидетельствует количество переизданий (1677, 1693, 1743, 1746) и, по-видимому, единственный перевод на иностранный язык³⁶.

36 Это перевод Микеша Келемена (1690-1761) на венгерский («Az idő jól eltöltésének módja»), который был напечатан лишь в XX в.

Список источников и литературы

Дарнтон. 2009 — Дарнтон Р. Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже / Пер. Ю.И. Минского // Вестник Московского Университета. Серия Философия. №3. 2009. С. 77-92.

Лабрюйер. 2004 — Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремон Ш. де Сент-Дени де. Избранные беседы. Вовенарг Л. де Клапье де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С. Максимы и мысли / Сост., вступ. статья и примеч. М.С. Неклюдовой. М., 2004.

Монтескье. 1956 — Монтескье Ш. Персидские письма / Пер. с французского под ред. Е.А. Гунста. М., 1956.

Феофраст. 2010 — Феофраст. Характеры / Пер. Г.А. Стратановского. СПб.: Азбука-Классика, 2010.

Элиас. 2002 — Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

Bellegarde. 1696 — Bellegarde J.B. M. de. Réflexions sur le ridicule et sur les moyens de l'éviter : où sont représentés les moeurs & les différens caractères des personnes de ce siècle. P., 1696.

Binet. 1617 — Binet E. Consolation et resjouissance pour les malades et personnes affligées. Seconde edition reveüe & augmentée. Rouen, 1617.

Bokobza. 2023 — Bokobza B. Paresse et civilité chez Antoine de Courtin : rapports ambivalents des notions et complémentarité des traités // Littératures classiques. N°112. 2023. P. 79-90.

Colonia. 1697 — Colonia D. de. Les Préludes de la paix, ballet orné de machines et de changements de théâtre. Lyon, 1697.

Cotgrave. 1611 — Cotgrave R. A dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randal Cotgrave. L., 1611.

Cotgrave. 1632 — Cotgrave R. A Dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randle Cotgrave. Whereunto is Also Annexed a Most Copious Dictionaire, of the English Set Before the French, by R.S.L. L., 1632.

Courtin. 1673 — Courtin A. de. Traité de la paresse ou l'Art de bien employer le temps. P., 1673.

Duplessis-Mornay. 1652 — Duplessis-Mornay Ph. de. Memoires de messire Philippes de Mornay, seigneur du Plessis Marli, contenans divers discours, instructions, lettres, & despesches par lui dressés, ou escrites aux rois, reines, princes, princesses, siegneurs, & plusieurs grands Amstredam, 1652.

Ebner-Landy. 2022 — Ebner-Landy K. Moral Instruction by Bad Example. The First Latin Translations of Theophrastus' 'Characters' //Renaissance Studies. Vol. 36/ 5. 2022. P. 668–685.

Ésope. 1690 — Ésope en belle humeur, ou Dernière traduction et augmentation de ses fables en prose & en vers. Amsterdam, 1690.

Furetière. 1690 — Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots François tant vieux que modernes. La Haye & Rotterdam, 1690.

Godefroy. 1888 — Godefroy Fr. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. P., 1888.

Grassi. 1998 — Grassi M.-C. Introduction / Courtin A. de. Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France parmi les honnêtes gens. Présentation et notes de Marie-Claire Grassi. Saint-Etienne, 1998. P.11-37.

La Bruyère. 1691 — La Bruyère J. de. Les caractères de Theophraste avec les caracteres ou les moeurs de ce siecle. Sixième édition. P., 1691.

Le dictionnaire de l'Académie française. 1694 — Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694.

Nicot. 1606 — Nicot J. Thresor de la langue francoyse, tant ancienne que moderne. P., 1606.

Oudin. 1616 — Oudin C. Tesoro de las dos lenguas francesa y española. Paris, 1616.

Richelet. 1680 — Richelet P. Dictionnaire François : contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française. Genève, 1680.

Theophrastus. 1517 — Theophrasti philosophi inter Graecos doctissimi eiusdemque eloquentissimi, de Characteribus, sive Notis. Libellus aureus. Lapo Castalionculo interprete. Vienne, 1517.

Theophrastus. 1583 — Theophrastou charaktères êthikoi. Theophrasti De notis morum liber singularis, cum facetissimus, tum utilissimus. Cum Angeli Politiani latina interpretatione, à Federico Morello

Parisiensi cum eruditis viris recognita, & octo posterioribus notis, quæ antea desiderabantur, ab eodem in hac editione adaucta. Lutetiae, 1583.

Theophrastus. 1593 — Theophrasti Characteres ethici, siue Descriptiones morum Graecè. Isaacus Casaubonus recensuit, in Latinum sermonem vertit, et Libro commentario illustravit. Cum duplici indice altero rerum & verborum: altero auctorum vtriusque linguae. Lugduni, 1593.

Vaumorière. 1690 — Ortigue de Vaumorière P. d'. L'Art de plaire dans la conversation. P., 1690.

Walker. 2015 — Walker C. Whispering *Fama*: Talk and Reputation in Early Modern Society // *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe* / Ed. Heather Kerr and Claire Walker. Turnhout, 2015. P. 9-35.

REFERENCES

Bokobza, Benjamin. « Paresse et civilité chez Antoine de Courtin : rapports ambivalents des notions et complémentarité des traités ». *Littératures classiques*, N°112 (2023) : 79-90. (In French)

Darnton, Robert. "An Early Information Society: News and the Media in Eighteenth-Century Paris". *The American Historical Review*, 105, no. 1 (2000): 1–35.

Ebner-Landy, Katie. "Moral Instruction by Bad Example. The First Latin Translations of Theophrastus' 'Characters'", *Renaissance Studies*, 36, no. 5 (2022): 668–685.

Elias, Norbert. *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. (In German)

Grassi, Marie-Claire. « Introduction ». In Courtin A. de. *Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France parmi les honnêtes gens*. Présentation et notes de Marie-Claire Grassi, 11–37. Saint-Etienne : Pub. De l'Université de Saint-Etienne, 1998. (In French)

Walker, Claire. "Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society." In *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe*, ed. Heather Kerr and Claire Walker, 9–35. Turnhout: Brepols, 2015.

Антуан де Куртен

О людях, которые тратят жизнь на то, чтобы узнавать и передавать новости (из «Трактата о лени, или Искусства с толком распоряжаться временем»¹)

Раз мы заговорили о примерах пустого существования, — продолжил Феотей, — не знаю, замечали ли вы, что есть и такие люди, чья жизнь до нелепости бесполезна и сводится к тому, чтобы узнавать и распространять новости. У них нет времени пить и есть, они мечутся от порога к порогу, предрекают события и бьются по их поводу об заклад, часто теребя на том деньги.

Правда, — сказала Анжелика, — среди них встречаются те, кто принимают ту или иную сторону в событиях, которые происходят за 400 лье от них, и обсуждают их с жаром и убежденностью, а заговори с ними о Евангелие или об их собственной жизни, они так не горячатся. Причем речь может идти о вещах, в которых они уверены не более меня, и которые не приносят им ни малейшей выгоды, да и, по сути, нет разницы, кто там прав, потому что у обеих сторон есть свои резоны. Признаюсь вам, что эти одержимые доставляют много неудобства.

Но есть и другая разновидность, крайне опасная и невыносимая: это те, кто все порицает и всему придает дурной смысл. Процветание государства их раздражает, они повсюду

1 Перевод выполнен по изд.: **Courtin**. 1673: 80-90.

клеймят, обличают и бесчестят его дела. Я не выношу таких людей с их мрачной миной и вечным духом противоречия.

Это уже не просто любопытство, а злоба и неблагодарность, — заметил Феотей. Разве может разумный человек не понимать, что собственным благополучием он обязан процветанию государства? Меж тем корень этой несправедливой досады кроется в том самом благополучии, а точнее, в праздности. Тогда как следует всякий день благословлять Господа, по милосердию своему давшего им государя, который, подвергая опасности свою священную персону, обрушивает грома и молнии на владения врага, намеревавшегося поразить наши земли. Как писал великий философ, «сон всех людей охраняет его бдительность, для досуга всех — его работа, для убогания всех — его деятельность, для приволя всех — его занятость»².

Судите же о неблагодарности сих людей, и том, может ли государство, чьими отпрысками они являются, рассчитывать на их помощь: вместо того, чтобы способствовать общему процветанию, они восстают против него. Как вы сказали, мадмуазель, они крайне опасны. Ибо «никто так не склонен верить и с легкостью принимать все новости как жители города, особенно если в этих новостях есть нечто пугающее»³.

Не будем говорить об этих аспидах, — подхватила Анжелика, — наказанием им служит их собственный яд. Я предпочитаю им людей пылких, которые, глядя на ширму с географической картой, за руку ведут короля туда, куда считают нужным. О них забавно говорит историк — прервал ее Феотей — «нынче у нас знатоки повсюду, даже на пирушках,

2 Сенека «Утешение к Полибию» VII, 2. (Пер. Н. Х. Керасиди).

3 Тацит «История», I (по-видимому, Куртен пересказывает по памяти, поскольку в указанной книге такой пассаж отсутствует — М.Н.).

и войско они готовы вести хоть сейчас: уж они-то знают, где лагерем стать, где стражу оставить, когда с врагом схватиться и когда затаиться»⁴.

Но что выходит из этой бесполезности, о которой мы говорим, — продолжил он, — из этой потери времени, которую мы оплакиваем, из этих праздных занятий, которые поглощают и измождают этих людей?

По правде говоря, — заметила Анжелика, — они как будто живут одним ветром, поскольку большая часть того, что они слышат, — вранье. Я хотела бы всерьез исследовать совесть какого-нибудь нувелиста в его смертный час. Уверена, что подобный человек, после столькой болтовни и пустых обменов словами, умирая, не оставит наследникам и дюжины истин, которые они могли бы поделить между собой.

Я с тобой согласен, Анжелика, — подхватил Зероандр, — но мне еще удивительней видеть, как кто-то приезжает с места боев и, к примеру, привозит новость о взятии Лилля, о котором он рассказывает четверем-пяти присутствующим, и эти люди потом пересказывают все совсем иначе, чем услышали от него.

Я сам тому свидетель: как-то я был в одном обществе, и в четырех шагах от нас такой господин, поймав одного из наших друзей, излагал ему известие совсем по-другому, добавив к нему множество подробностей, о которых курьер ничего не говорил. Что до меня, — продолжал Зероандр, — то я совсем не понимаю, почему так происходит.

Так происходит, сударь, от того, — отвечала Анжелика, — что мы любим привирать, и те, кто пересказывают важные новости смешны, поскольку как бы похваляются ими.

4 Тит Ливий. История Рима от основания города, 44: 22 (Пер. О.Л. Левинской).

Бьюсь об заклад, что этот человек, пересказывая столь важное известие, желал тем самым приобщиться к славе сего события, и потому старался возвысить еще больше своими преувеличениями, хотя в том не было ни малейшей нужды, и правды достаточно для того, чтобы его почитать.

Рассуждения ваши весьма разумны, — сказал Феотей, — но, мадмуазель, если позволите мне пофантазировать, мне кажется, что к ним стоит добавить и одну естественную причину: не все умы обладают равными способностями. К примеру, те четверо или пятеро человек, что слушали курьера, не имели ума сходной широты и открытости, ни равно превосходной памяти. Один в точности запечатлел в уме нарисованные курьером образы этого громкого свершения, другой — чуть менее точно, и так далее. И когда каждый и них пересказывает новость, то делает это в соответствии со слабостью собственной памяти и воображения. Кроме того, он вряд ли дает себе труд изложить ее хорошо и как связанное повествование⁵.

Человек устремляется на встречу другому, восклицая: «Радость, радость! Король взял Лилль», и тут же спешит прочь. Этот сталкивается с третьим и, не думая о том, что говорит, или будучи погружен в свои мысли, когда ему сказали о победе, говорит, если угодно, «Король взял Антверпен» вместо Лилля. Третий передает это следующему, и бедная новость оказывается так исковеркана людьми, что через час ее не узнать. И подобными иллюзиями питаются эти бездельники.

5 Solet interdum aliter dici quid, & aliter intelligi, dum aut minus lucide proferatur, aut minus vigilantanter (Clem. Recogn. Lib. II) «Иногда что-то говорится по-другому и понимается по-другому, при этом излагается либо менее ясно, либо с меньшей бдительностью» («Воспоминания Климента», то есть Псевдо-Климентины, кн.2).

Так по вашему мнению, господин аббат, — вмешалась Ньентильда, не следует выслушивать новости.

Сударыня, вы позабыли о нашем правиле, — отвечал Феотей. Я отнюдь так не считаю, более того, по моему мнению порядочность обязывает нас их узнавать. Живя в государстве, мы все как бы находимся на борту корабля, и как было бы подлой трусостью во время бури прятаться в глубине трюма, не пытаюсь ничего узнать и помочь тем, кто трудится над его спасением, точно так же было бы бесчувственно и неблагодарно выказывать равнодушие к тому, что происходит с Его Величеством и с государством. Есть времена, когда этим законно интересоваться, и даже если мы не можем ничем помочь, мы можем принимать участие обетами и молитвами.

К тому же отцы семейства, читая сами или приказывая читать вслух «Газет», сообщающую то, что считается уместным для публики, могут извлекать из этого пользу, при помощи такого чтения попутно сообщая детям знания о мире. Привлекая их внимание к тем местам, где происходят события, размещены армии, даются сражения, они незаметно наставляют их в географии. Но превращать новости в призвание, тогда как мы обязаны посвятить себя другому делу, в котором нам предстоит отдать отчет на суде Господнем, — занятие праздное, а потому преступное.

К.Ю. Ерусалимский

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ORCID ID 0000-0002-3961-2376
Scopus ID 57193688461
kerusalimski@mail.ru

НЕВЕСТЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ XV-XVIII ВЕКОВ: ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАССЕЛА МАРТИНА

Ключевые слова: Рассел Мартин, Гарвардская школа, Московская Русь, Петровская Россия, Рюриковичи, Романовы, царские невесты, русские придворные свадьбы, церемониальная история России.

Аннотация: Исследования американского слависта Рассела Мартина развивают тезис Гарвардской школы о запуске ключевых символических и политических механизмов Московского царства и Петровской России благодаря царским свадьбам и матримониальной политике. Благодаря этим исследованиям, и прежде всего двум монографиям 2012 и 2021 гг., удалось по-новому раскрыть многие обстоятельства придворной борьбы в России Нового времени, показать разрывы и преемственность с древнерусским периодом и Революционной Россией XX века, а также впервые на широком круге источников при помощи методов культурной антропологии и исторического источниковедения рассмотреть развитие брачных обрядов в Московском царстве и далее вплоть до конца XVIII в. Исследования Р.Э. Мартина сочетают «фондовый» метод тотального просмотра документации по выбранному предмету и детальный культурно-семиотический и исторический анализ ритуалов. В статье предпринята попытка пошагового комментария к работам американского историка и их критического осмысления на фоне ряда исторических дисциплин — среди них, прежде всего, исторической генеалогии и династической истории, исторической хронологии и политической антропологии.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 24-18-00290. Выражаю глубокую благодарность Р.Э. Мартину за доступ к английским версиям его книг, а также И.Д. Прохоровой и М.М. Крому за онлайн-дискуссию о переведенной и изданной в издательстве «Новое литературное обозрение» книге.

Для цитирования: Ерусалимский К. Ю. Невесты российской власти XV-XVIII вв.: об исследованиях Рассела Мартина // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 220–285. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Статья поступила в редакцию: 29 сентября 2024 Принята к печати: 01 октября 2024

K.Yu. Erusalimskii

European University at St. Petersburg
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-3961-2376
Scopus ID 57193688461
kerusalimski@mail.ru

THE BRIDES FOR THE RUSSIAN RULERS, 15TH TO 18TH CENTURIES: RUSSELL MARTIN'S CONTRIBUTION

Keywords: Russell E. Martin, Harvard school, Muscovy, Petrine Russia, Rurikids, Romanovs, Tsars' brides, Russian court marriages, Russian ceremonial history.

Abstract: The research of the American Slavist Russell E. Martin develops the Harvard School's thesis about launching of the key symbolic and political mechanisms in Muscovy and Petrine Russia through Tsars' weddings and matrimonial politics. These studies, and above all R.E. Martin's two monographs (2012 and 2021), make possible to shed new light on numerous circumstances of the court struggle in Early-Modern Russia, to show the discontinuities and continuity with the Old Russian period and Revolutionary Russia of the 20th century. Innovative use of a wide range of sources, with the help of methods of cultural anthropology and historical source study, resulted in a detailed study of the development of marriage rites in the Moscow kingdom and later, up to the end of the 18th century. R.E. Martin's works combine the "stock" method of total review of documentation with cultural-semiotic and historical analysis of the rites. The article attempts a step-by-step commentary on the works of the American historian and their critical reflection against the background of a number of historical disciplines — among them historical genealogy and dynastic history, historical chronology and political anthropology.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 21-18-00181. I am deeply grateful to Russell Martin for access to English versions of his books, and to Irina Prokhorova and Mikhail Krom for online discussion on the monograph by Martin, translated into Russian and published by the NLO books publishing house.

To cite this article: Erusalimskii, Konstantin. "The Brides for the Russian rulers, 15th to 18th centuries: Russell Martin's Contribution". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 220–285. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Публикации видного американского историка-антрополога Рассела Мартина заполняют одну из наименее продуманных ниш социальной истории России Раннего нового времени: область гендерных исследований высшей власти, правящих кланов и династической (а также междинастической) борьбы за власть и влияние в различных сферах жизни внутри страны и на международной арене. Если недавно переведенная на русский язык монография «Невеста для царя»¹ в большей мере концентрируется на культурно-просопографическом анализе свадебных церемоний и матримониальной политики высшей власти, то в не менее значимой для русистики «Государевой радости»² автор обращается к ритуально-символической составляющей брачных церемоний. Единая оптика в интерпретации царских свадеб *до-Петровской* и *Петровской* России подкреплена несколькими тезисами, которые кристаллизовались в научных дискуссиях о методе Гарвардской школы русистики. Этими двумя монографиями научный задел Р.Э. Мартина отнюдь не исчерпывается, и ниже мы рассмотрим их на общем фоне той проблематики, в которой уже более трех десятилетий развивается его творческий поиск³.

Оставляя в стороне проблему целостности и состоятельности метода Гарвардской школы, было бы важно отметить

- 1 **Martin.** 2012; ссылки по рус. пер.: **Мартин.** 2023.
- 2 **Martin.** 2021.
- 3 Готовится к публикации также еще одна монография авторства Рассела Мартина — «Стать царем: смена династии в России Раннего нового времени» (“Becoming the Tsar: Dynastic Change in Early Modern Russia”). В данной работе мы не претендуем на то, чтобы раскрыть взгляды Р.Э. Мартина на династическую историю, однако неоднократно затрагиваем их по мере обсуждения тех проблем, которые стали ключевыми в интересующих нас двух книгах. См. также: **Martin.** 2012a; **Martin.** 2016; **Мартин.** 2016; **Martin.** 2024.

ключевые методические тезисы, которые Р.Э. Мартин разделяет, считая их достоянием данной школы⁴.

Гарвардский метод построен на идее преемства между Московским, Петровским и Советским периодами русской истории, при этом культурное единство между Московским и Киевским периодами русской истории рассматривается в рамках данной научной школы как размытое монгольским владычеством⁵. Гарвардские историки проявляют сдержанное отношение к роли таких личностей, как Иван III, Иван IV, царь Алексей Михайлович и Петр I, подчеркивая не разрывы и революции, как правило самодержавно-монархического плана, а непреодолимость глубинных структур, которым политические усилия царей и их ближайших советников были скорее подчинены. Яркий пример — игнорирование (или системный пересмотр) «революционных» поворотов в жизни Московской Руси. В

-
- 4 Термин «Гарвардская школа» вызвал бурную дискуссию и кристаллизовался, как можно полагать, благодаря самой этой дискуссии. Маршалл По оспаривает ключевые тезисы, приписываемые Гарвардской школе, и считает сам подход надуманной реакцией на будто бы «русофобский» сценарий экспертизы, укорененный в записках иностранцев о Московии, сочинениях историков-этнографов и трудах Ричарда Пайпса. Ни пафос «блудного сына» в этой критике, ни острота антитезисов не решают проблемы применимости самого термина «Гарвардская школа», но и не отменяют возможности отграничить ее метод. Р.Э. Мартин принимает сам термин и считает себя апологетом данного метода. См.: **Poe.** 2000; **Perrie.** 2005; **Martin.** 2006a; **Martin.** 2006b.
- 5 Это не служит препятствием для исследователя, обращающегося к «источкам» свадебного обряда: к древнерусскому летописанию, памятникам церковно-литургического чтения и даже к такому спорному по датировке источнику, как «Слово о полку Игореве», который А.А. Зимин, Э.Л. Кинан и ряд других исследователей относят к концу XVIII в. В числе других сомнительных источников в одном ряду со «Словом» — этнографические выкладки с «дохристианскими» ретроспективными амбициями, публикации А.И. Сулакадзева и И.П. Сахарова. Ко всем этим источникам автор относится с должной осторожностью (см.: **Martin.** 2021. Ch. 1; в гл. 5 см. с. 139, 154; см. также в нашем обзоре ниже о «хронике» свадеб Ивана Грозного из собрания А.И. Сулакадзева).

работах Рассела Мартина, как мы увидим ниже, это осмысленный шаг: автор обнаруживает существенные перемены на каждом этапе развития матримониальной и династической политики российских властей, а также свадебного ритуала, и, как результат, «революции» охватывают весь изучаемый период, а не только выбранные в рамках в той или иной оптики «знаковые» события⁶.

Как следствие, высшая власть рассматривается как ширма («самодержавный фасад»), за которой в долгом времени истории выстраивались глубинные макрособытия — властные репрезентации, правила придворной конкуренции, бюрократические порядки, далекая от прямого властного регулирования сельская крестьянская экономика. Высшая власть выражала себя не столько при помощи формул и демонстраций своего всевластия, сколько через балансирование различных сил, устранить и даже видоизменить которые она была не властна. Политический порядок устанавливался, таким образом, благодаря каждодневной игре и перераспределению означающих, и в этом смысле политикой было бы точнее считать не властные распоряжения, а коллективные церемонии, церковные процессии, ритуальные последовательности и прочие «государевы радости».

Учитель Р.Э. Мартина Э.Л. Кинан был убежден, что царские свадьбы были одним из главных, если не главным, инструментом «московской народной политики». С этим выводом ученик в полной мере солидарен и не раз ссылался на него в своих работах⁷. В церемониальном мире двора работали

6 См., например: **Martin**. 2010; **Martin**. 2021: 92, 99-100, 212-214.

7 **Keenan**. 1986; **Martin**. 2010. См. в данной работе примеч. 8 и 9. Здесь ссылки на длительную дискуссию. См. здесь ниже о роли смотров невест, свадеб и матримониальной политики для концепции династической преемственности в России XV-XX вв.

множественные структурирующие закономерности и подспудные механизмы, которые вызывают дискуссии, однако никто не спорит с тем, что определенная упорядоченность и стройность в репрезентациях власти заметна даже невооруженным глазом. Как подчеркивает Р.Э. Мартин:

...свадебные ритуалы были вершиной ритуального мира государева двора. Они были даже более значимы для политической культуры, чем коронации. Эти ритуалы были наполнены символическим значением, и москвиты вкладывали огромные ресурсы – как человеческие, так и фискальные – в их проведение и в то, чтобы провести их правильно⁸.

Опорой для построений Гарвардской школы служат культурно-антропологические сравнительно-исторические методы, близкие к прагматизму, структурализму и функционализму. Проблема брачных обычаев москвитов раскрыта в книге Рассела Мартина 2021 г. с опорой на методы интерпретации Арнольда Ван Геннепа, обнаружившего ряд сходств в обрядах *перехода* у древних и современных народов, а также на концепцию «текстуализации ритуала» Кэтрин Белл и на понятие «текстуального события» Доминика ЛаКапра, при помощи которых удается понять, как запись ритуалов в Московском царстве превращалась в самовоспроизводящийся канон. Впрочем, в методологии анализа Мартина немало заимствований и из других направлений социальной и культурной антропологии. Это — характерная черта исследований российской истории, выполненных в рамках Гарвардской школы⁹.

В монографиях 2012 и 2021 гг. основными источниками для Рассела Мартина выступают свадебные чины, свадебные разряды, «отписки» из корреспонденции, прежде всего —

8 **Martin.** 2021: 5, см. также с. 167-168.

9 **Martin.** 2021: 35, 51 и др.

хранящейся в фонде «Древлехранилища» (ф. 135) Российского государственного архива древних актов. Этому фонду, его формированию, предыстории, составу и первым читателям автор посвятил значительную часть своей докторской диссертации и отдельное монографическое по объему исследование, тем более ценное, что многие «дела» из этого фонда являются разновременными списками разрядно-свадебной документации, потребовавшими специальных источниковедческих методик, чтобы установить ее происхождение и развитие. Например, со всей очевидностью благодаря такому исследованию вырисовался вывод, что «дела» XVI в. сохранились главным образом благодаря их копированию в 1620-е гг. с целью создать новый «канон» свадебного чина и при его помощи закрепить преемственность новой правящей династии (в целом, 470 единиц хранения фонда охватывают период с 1264 по 1775 гг.)¹⁰.

Ценность документов данного архивного фонда, прежде всего, в том, что они показывают, как осуществлялись масштабные церемониальные мероприятия, среди них царские смотрины, как и кем свадебные чины «продюсировались» и «инсценировались», какие различные эмоции вызывали в столичных и провинциальных кругах (например, укрывательство дочерей, различные отговорки об их негодности к смотринам, местнические процессы на свадьбе и т.п.). Сохранились также свадебные разряды (часть — в поздних копиях, в начале XVII в. фиксируется даже обычай сожжения разрядов для примирения местных процессов), списки приданого (большинство избранниц российских царей приданого не имели), рассказы о брачных обычаях у древних и зарубежных народов (в том числе возможные византийские образцы российских свадебных обрядов, доступные в ряде текстов между трактатом «Об управлении

10 Martin. 1996; Martin. 2003; Martin. 2004; Martin. 2006; Мартин. 2011.

империей» Константина Багрянородного и чинами эпохи Софьи Палеолог), упоминания о свадебных обычаях москвитов у иностранных представителей в России и российских перебежчиков за рубежом (Джайлс Флетчер, Адам Олеарий, Сэмюэл Коллинз, Григорий Карпович Котошихин и др.), источники неопределенного социального происхождения и репрезентативности («Домострой», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.), а также памятники правового назначения («Кормчая книга», сочинения покаянной дисциплины и др.). Особый круг — визуальные источники, среди них изображения царственных женщин и свадеб в Лицевом летописном своде Ивана Грозного, Царицыных палатах, в иконописи и памятниках так называемого декоративно-прикладного искусства. Можно было бы сожалеть лишь о том, что в монографиях 2012 и 2021 гг. не уделено внимания уникальным художественным объектам — двум полотнам Государственного исторического музея и их репликам, на которых изображена свадьба Лже-Дмитрия I и Марины Мнишек в Кракове и Кремле. Их ценность для изучения событий ноября 1605 г. и мая 1606 г. не вызывает у исследователей сомнений.

Рассел Мартин отмечает парадоксы и перекосы в источниковом освещении царских свадеб. Один из них — составление свадебных разрядов в правление Василия III в великокняжеской канцелярии, в правление Ивана IV — в Посольском приказе и, вероятно, его центральной части — Царском архиве, а позднее — еще и при участии Разрядного приказа и Большого Дворца¹¹. Источниковедческую загадку представляет момент зарождения инвентарей приданого, свадебных чинов и разрядов. По мнению исследователя, они могли возникнуть под влиянием дворовых и монастырских приходо-расходных книг в конце

11 Об этом подробно см.: **Martin**. 2021. Ч. 5.

XV в.¹² Сравнение сведений Григория Котошихина и «Домостроя» в ряде публикаций Р.Э. Мартина показало, что и Котошихина с составителями «Домостроя» объединяли общие источники и знания о местных практиках — правилах и особенностях царских торжеств и в целом придворной и аристократической жизни в России. При этом записки чиновника-эмигранта и списки «Домостроя» допускали явные и невольные отступления от актуальных российских реалий. Например, Котошихин лучше знал свадебный чин царя Алексея Михайловича с Евфимией Всеволожской, чем его же чин с Марией Милославской, и ошибался в определении момента помолвки и места венчания царской четы. Что же касается главы 67 «Домостроя» со свадебным чином, то она, по наблюдению ряда исследователей, была присоединена к памятнику позднее основного текста, вероятно — около XVII в., причем наиболее пространная версия чина выступает в рукописной традиции то вместе с другими разделами «Домостроя», то отдельно от них как особый памятник. В этом памятнике приводятся и неизвестные по другим источникам сведения. Одно из них баня молодоженов в третий день свадьбы. Р.Э. Мартин присоединяется к мнению Бенджамина Урова (Benjamin Uroff), согласно которому Котошихин в своем описании московских свадеб опирался на свадебные чины (к которым мог быть лично причастен) и на «Домострой» и делает еще один шаг в реконструкции генезиса «Домостроя», допуская связь между главой 67 и работами дьяков Посольского приказа над воссозданием свадебного чина в 1620-е годы — значимость этих работ отразил и служащий Посольского приказа следующей генерации Котошихин¹³.

Основные сюжеты обеих обсуждаемых книг сфокусированы на истоках обрядов, свадебном чинопоследовании в

12 Martin. 2021: 22, 26.

13 Uroff, Poe. 2014: 321-329; Martin. 2021: 65-75.

царских семьях, пространственно-временных обстоятельствах вступления в брак — возрасте и происхождении брачующихся, клановых связях и других церемониальных обстоятельствах. Как уже говорилось выше, антропологическая составляющая проявляется в заполнении паттернов. От свадебного разряда второго брака Василия III не осталось «чинов» второго и третьего дня свадьбы — можем ли мы перенести данные других царских свадеб на неизвестные нам по источникам события января 1526 г.? Подробная роспись второго и третьего дней — это, в целом, реалии «чинов» XVII-XVIII вв., и прежде, чем мы увидим, как наши неполные знания истории организации царских свадеб сказываются на различных уровнях интерпретации, необходимо понять, какие формы культурной и политической жизни скрываются за сухими раскладками церемоний.

Прежде всего, сочетаются ли в церковных обрядах и в церемониях за их пределами христианская и *до-* или *не-*христианская стороны брака? Как и в случае с *до-Петровским* и *Петровским* периодами русской истории, отношение к дохристианским проявлениям в русской обрядности у сторонников Гарвардской школы граничит со скепсисом. Убедительным представляется в построениях Р.Э. Мартина игнорирование столь привычной для антропологии культуры концепции «двоеверия». Кажется, не осталось уже ни одного убедительного аргумента в пользу этой гипотезы, некогда легко переносившейся из эпохи в эпоху и с одних источников на другие. Московское государство XV — начала XVIII в. не было мешаниной древних поверий и христианства. В концепции американского историка две основные гипотезы принципиально иные, хотя в ряде случаев исследователь говорит, например, о «дохристианских символах» (“pre-Christian symbols”)¹⁴, «нехристианских ритуалах» (“non-Christian

14 Martin. 2021: 37, 62, 90-91, 126, 186.

rite”)¹⁵ или «языческом ритуале» (“a pagan rite”)¹⁶. Впрочем, никакой особой системности и даже просто религиозности автор им не приписывает, а наоборот, подчеркивает — вслед за Майклом Чернявским — искусственный характер этих «поверий» и — вслед за Ив Левин — не столько языческую подкладку *двоеверия*, сколько «фолк-версию христианства».

В монографиях Р.Э. Мартина 2012 и 2021 гг. нет ни слова о том, относятся ли изучаемые *до-* и *нехристианские* реалии свадебных обрядов Московии к местным магическим культам или встроены в обрядность христианского происхождения, которая сама по себе к местным культам имеет неясное отношение. Границы между *христианским* и *дохристианским* были сформированы изнутри собственно древнего исконного христианства, а также из православия в его противостоянии с католичеством и реформационными учениями, поэтому не вполне убеждает даже предположение — с опорой на концепцию Пола Бушковича — об усилении религиозной ригидности в отношении властей к свадебным обрядам на фоне общеевропейских конфессиональных процессов XVII в.¹⁷

С одной стороны, церковное венчание постепенно сближалось по времени и по ритуальной последовательности с обручением, как это было в Византийской империи, где два эти обряда изначально были разъединены с немалой дистанцией друг от друга во времени (согласно «Эклоге», обручение должно было отстоять от венчания минимум на год). Связь между двумя этими обрядами носила не безусловный характер, поскольку целиком зависела от вероисповедания брачующихся. Когда в 1573 г. вступали в брак княжна Мария Старицкая и

15 Martin. 2021. Ch. 4, здесь с. 101 и сл.

16 Martin. 2021: 126.

17 Ср.: Martin. 2021: 104.

эрцгерцог Магнус, а в 1605-1606 гг. — Лже-Дмитрий Иванович и Марина Мнишек, между этими обрядами дистанция была восстановлена по понятным причинам: в первом случае Магнус был протестант, а во втором Марина Юрьевна — католичка.

С другой стороны — венчания XVI в. отразили не какие-то славянские или русские дохристианские обычаи, а местные органичные российские особенности в обрядах перехода (включая сепарацию невесты, ее переход и принятие-воплощение в новую семью), о которых говорил Ван Геннеп. «Полный» чин предполагал, что невеста меняет свое имя, ее прячут на время в терем и нарекают новым титулом. Впрочем, и ряд других элементов свадебного чина Р.Э. Мартин толкует в связи с логикой перехода и сепарации: невесту причесывают гребешком, ей надевают на голову кичу, жениха и невесту осыпают хмелем, невеста раздает ломтики хлеба и кусочки сыра гостям — практически все элементы чина раскрывают те или иные символические подтексты. Прежде всего, они преобразуют брачующихся, наделяя новой идентичностью, намекают на различные благопожелания — богатство, плодовитость, гостеприимство, радости брака. Конечно, было бы странно не видеть в бракосочетании до этого периода аналогичных подтекстов.

Кропотливый сбор данных о свадебных обрядах до конца XV в. отличается в книгах Р.Э. Мартина убедительным игнорированием поздних этнографических свидетельств, которые в науке XIX в. стало дурным обычаем накладывать на древние реалии. Недостаток в книге 2021 г. разве что можно найти в том, что, говоря об обычаях домонгольской Руси, автор не останавливается на формуле *хочу / хоцю*, показывающей допустимую волю девушки не только в легенде о Рогнеде, но и в берестяных грамотах¹⁸.

18 В грамоте № 377 с Неревского раскопа (усадыба И) последней трети XIII в. от Микиты к Малании мужчина обращается к любимой девушке со

Рюриковичи, с точки зрения Р.Э. Мартина, придерживались родовой и династической идеи в матримониальной политике и в порядке передачи княжеских столов. Этот порядок, по мнению автора, претерпел в Московском царстве серьезные перемены, начавшиеся в 1495-1505 гг. (после свадьбы дочери Ивана III Елены Ивановны с Александром Казимировичем). Согласно данному мнению, до этого десятилетия принцип майората не был обязывающим началом, в праве он не был ни закреплён, ни даже проговорен, а возвышение Ивана III после гражданской войны середины XV в. опиралось на родство еще вне устойчивой системы координат (никто из Калитовичей до Василия II Темного и Ивана III не назначал своего старшего сына себе в соправители).

Следующий тезис может показаться лишь формальной привязкой к данным рассуждениям, однако связь оказывается гораздо более глубокой. Чтобы утвердить династический принцип правления и майорат в наследовании престола, великим князьям московским пришлось отказаться от рискованных и в экономическом смысле весьма дорогостоящих междинастических браков, именно потому что проект брака Елены и Александра не оправдал ожиданий Ивана III, а внутренний конфликт между великим князем и Софьей Палеолог, с одной стороны, и их снохой Еленой Стефановной и ее сыном от великого князя Ивана Ивановича Дмитрием — с другой, показал ущербность прежней политики. Устойчивость династии в связи с чередой данных весьма частных обстоятельств получила привязку к идее венчания великих князей с девушками из *холопских* родов. Исключений в этом ряду Р.Э. Мартин видит всего

словами: «Азь тьбе хоцю а ты мене» (Гиппиус. 2004: 222; Пушкарева. 2011: 17). Обратим внимание, впрочем, что воля девушки сформулирована в данном случае не ею самой, а приглашающим ее в брак мужчиной.

пять за весь XVI и за начало XVII в., но все они подтверждают правило: даже иноземные принцессы и принцы перед вступлением в брак проходили обряд инициации, который превращал их в подвластных царя и великого князя. Именно этот переход заложил основания для устойчивой матримониальной политики московских правителей, которая оказалась более долговременной, чем династии и династические связи, и пережила сокрушительные на вид реформы Петра I, сойдя на нет лишь с указом Павла I о престолонаследии от 5 апреля 1797 г.¹⁹

В целом, вырисовывается целостная концепция, отправной точкой для которой служит история великокняжеской четы — брачного союза дочери Ивана III и сына Казимира IV. Рассуждая о свадьбах второй половины XV в., Рассел Мартин поддерживает гипотезу Джона Феннела о стремлении Ивана III использовать дочь Елену для переманивания рутенской знати к себе на службу. Этот взгляд, как показал еще канадский историк Освальд Бакус (Oswald P. Backus), опирается на анахроничные аргументы по отношению к самому моменту брака, а оценка дальнейшего правления Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском лишена в книге как польско-литовской перспективы, так и ссылок на обширную литературу о Елене Ивановне как великой княгине литовской и некоронованной польской королеве²⁰. Нельзя, тем не менее исключать, что оптика в данном случае обманчива в целом ряде логических звеньев:

19 **Martin.** 2010; **Martin.** 2024.

20 Польско-литовский контекст выпадает из поля зрения Р.Э. Мартина в ходе обширной дискуссии о приданом, дворе и мотивациях Елены Ивановны в замужестве. В целом, постановка вопроса о том, могла ли православная московская великая княжна, вступив в брак с великим князем литовским, превратиться в суверенную правительницу в Великом княжестве Литовском и Короне Польской, остается значимым вопросом в дискуссии. См.: **Łowmiański.** 1999 (по указателю); **Garbacik.** 1961; **Wdowiszewski.** 2005: 108–110; **Bogucka.** 2018; **Rutkowska, Kozak.** 2020.

Во-первых, Иван III мог не считать этот брак в полной мере «заграничным». Этим подпитывались и претензии великого князя московского на *всю Русскую землю* в обмен на династический брак.

Во-вторых, замысел блюсти православие мог принадлежать не великому князю, а великой княгине Софье Фоминичне (именно для нее в Риме вопрос чистоты веры был первоочередной). В целом, распределение ролей в выборе брачной стратегии для своей дочери между великим князем и великой княгиней остается под вопросом, но взаимоотношения между дочерью и матерью отступают на задний план в свете родительского решения, хотя влияние Софьи Палеолог на само это решение и на последующую политику Ивана III могло быть значительно большим, чем отмечено в доступных ныне источниках.

В-третьих, неясно, как вообще оценивал Иван III брак своей дочери, известно лишь, что вопрос престолонаследия возник в Москве в неопределенный момент в конце XV в., но возник ли он как следствие смерти Ивана Ивановича Молодого и борьбы придворных группировок за власть после его смерти и кто именно входил в состав этих группировок – мы знаем почти только из событий, ставших развязкой этой борьбы. Позднейшие покаянные речи Ивана III о событиях конца XV в. могут доказывать лишь то, что он чувствовал свою личную вину за разжигание придворного кризиса, а борьба велась уже, вероятно, великой княгиней Софьей Фоминичной против опекунов великого князя Дмитрия Ивановича по предполагаемому прозвищу Внук²¹.

В оценке этих событий Р.Э. Мартин поддерживает концепцию Н.Ш. Коллманн и дополняет ее новым аргументом, полагая, что переворот 1499 г. вызван был династическим

21 Шокарев. 2022.

кризисом и браком кн. Ф.И. Бельского с кн. Анной Васильевной Рязанской. Аргумент строится только на родстве между Бельскими и Патрикеевыми — они были Гедиминовичами, а их властные амбиции будто бы зашли настолько далеко, что возможности построения матримониальных союзов при дворе при их участии к этому моменту были исчерпаны²². Но непонятно в этой интерпретации, почему в ходе разыгравшегося кризиса ни брак Бельского, ни права рязанских князей не пострадали. Кроме того, как мы уже отметили, позднее Иван III видел в тех событиях свою явную уступку именно жене, детям от второго брака и их придворным сторонникам. Смена настроений у великого князя около 1503 г. была настолько выразительна, что его сын Василий Иванович планировал даже побег из страны. Исследователь не обращает внимания на эти факты, хотя они могли бы позволить увидеть в событиях 1499-1503 гг. не только придворную борьбу за право наследования московского трона, но и пролить свет на религиозное самосознание и политический статус великой княгини Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском. Мир с Литвой в 1503 г. вряд ли говорил о том, что цели войны Москва считала достигнутыми. Может быть, вернее было бы предположить, что поменялись планы, появилась задача выгодно женить княжича Василия Ивановича и иные ставки на Елену Ивановну сгорели?

Интересное предположение звучит в политической оценке свадьбы кн. В.Д. Холмского и Феодосии Ивановны 13 февраля 1500 г.:

Композиция поезда намеренно разрабатывалась так, чтобы в одном месте публично собрались родственники жертв разгрома

22 Kollmann. 1986: 253; Мартин. 2023: 68.

провасильевской партии в 1497 году и родственники Патрикеевых, свергнутых в предыдущем году²³.

Великий князь стремился, хотя бы внешне, соблюсти равновесие в придворном мире. И брак дочери с подвластным князем был как нельзя кстати. Впрочем, был ли это первый брак представителя великокняжеской семьи с подданным? Учитывая еще один великокняжеский брак Евдокии Ивановны с царевичем Петром (Кудайкулом) (в 1506 г.), нельзя ли предположить, что родство великокняжеской семьи с литовскими или татарскими родами было частью компромиссной программы? Дочерей все же считалось допустимым в русских традициях выдавать за суверенов или формальных носителей суверенитета (т.е. князей не из Рюриковичей).

Брак Василия III в 1503-1505 гг. был в этом смысле лишь отчасти продуман как реализация византийской традиции или воспроизведение библейских сюжетов (Р.Э. Мартин критично относится к предположению о влиянии гл. II книги «Есфирь» на смотри невест)²⁴, одобренная своевольным выбором княжича Василия Ивановича (Соломония Сабурова ему самому нравилась). Невесту княжичу все же искали за границей, но не нашли, потому что условие перехода невесты в православие было недопустимо с точки зрения всех приемлемых кандидатур. Р.Э. Мартин в интерпретации брака кн. Василия Ивановича с Сабуровой принимает линию Н.Ш. Коллманн и вслед за ней рассуждает о новой стратегии женить сыновей на сравнительно низкородных девушках. В книге 2021 г. звучит вывод: «Обычно невесты происходили скорее из русских служилых семей средней руки, чем из высоких боярских кланов, и таким

23 Мартин. 2023: 68.

24 Ср.: Мартин. 2023: 90, 147.

образом почти всегда были аутсайдерками»²⁵. На этом выводе строится ряд других предположений. Например, неприятие местнических споров за свадебные разряды Р.Э. Мартин объясняет стремлением угодить невестам:

Поскольку царские невесты в XVI-XVII вв. почти всегда были из служилых родов средней руки, было бы невозможно придерживаться обычных местнических правил, иначе ни одна семья невесты не смогла бы присутствовать на свадьбе своей родственницы. Свадьбы должны были стать свободной от местничества зоной, чтобы средне-родовитые могли объединиться с более знатными, а двор смог бы это принять — конечно, если ты только не Голицын²⁶.

Впрочем, принцип из самого повествования в книгах 2012 и 2021 гг. просматривается несколько иной — как правило, местные избранницы представляли либо крупный боярский род, но его небоярскую ветвь (исключениями служат один брак царевича Ивана Ивановича и брак царицы брата Юрия Васильевича, т.е. в обоих случаях все же не действующих монархов), либо мелкопоместный род, не грозящий сложившейся расстановке сил при дворе и не усиливающий ни одну из существующих придворных партий (или кланов). Назвать Колтовских, Собакиных, Мелентьевых, Васильчиковых, Скуратовых-Бельских, Стрешневых, Милославских, Нарышкиных, Грушецких или Апраксиных родами «средней руки» (до вступления в царский брак их представительниц) было бы для них в XVI-XVII вв. большим одолжением. Следовательно, если личный выбор князя Василия Ивановича (будущего Василия III) в пользу Соломони Сабуровой выбивается из предполагаемого ряда подобных браков, может быть — перед нами исключительный

25 **Martin**. 2021: 11.

26 **Martin**. 2021: 136. Драматичное местническое дело кн. И.В. Голицына, открывшееся его челобитием против свадебного разряда сентября 1624 г. и закончившееся конфискацией его имущества, ссылкой и смертью два года спустя, рассмотрено Р.Э. Мартином в гл. 5 монографии 2021 г.

пример, ставший позднее — и далеко не сразу — прецедентом, а не чей-то замысел?

Парадоксально, что венчание Василия III с княжной Еленой Васильевной в январе 1526 г. закладывало основы венчальной традиции Московского царства (как полагает Рассел Мартин, вплоть до венчания царя Михаила Федоровича в 1626 г., то есть на 100 лет) в обстановке бурных разногласий, поставивших московский двор на грань серьезного политического кризиса. В этой обстановке возникли опасения псковского старца Филофея за Третий Рим, т.е. за *династию* — у царствующего Василия III и царицы Соломонии Юрьевны не было наследников. Филофей привел достаточные основания для развода царственной пары, тогда как афонские старцы авторитетом высшего православного совета запретили развод и встретили поддержку при московском дворе в лице ряда советников великого князя. Если Иван III был женат двумя равными браками — выходице из суверенного великокняжеского рода и на царевне, то оба брака Василия III были в политическом отношении неравные — ни представительница среднего московского боярского рода Сабурова, ни девушка из рода беглых суверенов Великого княжества Литовского, заговорщиков Глинских, которых польские короли позднее не раз называли своими изменниками, не были даже отдаленно равными московскому царственному наследнику престола и великому князю.

Продолжил эту же традицию брак Ивана IV с Анастасией Романовной Юрьевой (Захарьиной-Кошкиной) в начале февраля 1547 г. Подобный мезальянс ничем не ограничивал царственный статус потомства, однако не давал сам по себе и никаких гарантий для него на случай, если царь вступит в повторный брак. Особенность первого брака Ивана Грозного заключается в том, что впервые в российской истории великий князь сначала венчался на царство, а лишь после этого — венчался в

брак с царицей, не венчавшейся отдельным чином на царство, а воцаряющейся в силу одного только таинства венчания с венчанным царем. Это закладывало основы династического царствования в России вплоть до венчания Михаила Романова с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в феврале 1626 г., а затем — до венчания гражданской жены Петра I Екатерины Алексеевны на российский престол 18 мая 1724 г. В каждом из названных случаев свадьба вносила устойчивость в политическую систему, закрывая периоды придворных неурядиц и смут. Отчасти этой спецификой брачной политики московских и петербургских властей объясняется тенденция к межклановым брачным союзам.

Рассел Мартин вслед за видным генеалогом Н. Баумгартеном отмечает общие предпочтения в брачной политике московских правителей — удельным князьям и иностранным избраницам в XIV-XV вв., соотечественницам в XVI-XVII вв. и вновь иностранным домам в XVIII в. С этим не вполне можно согласиться. Верно ли видеть в сказанном фактор замыкания в своем московском мире поздних Рюриковичей на троне и комплекс неполноценности первых Романовых, которые не терпели для своих мужских представителей выходиц из сопоставимых по знатности родов? С одной стороны, этот фактор мог конкурировать с религиозным в XVII в. (тогда как после развода Петра I с Евдокией Лопухиной религия для царя в выборе спутницы, а позднее и для его наследниц перестает играть заметную роль).

С другой стороны, из «правила» в XVI и XVII вв. выбиваются выразительные исключения, которые нивелируют общий вывод, показывая его условность. Предпочтения первого брака обоих великих князей XVI в. — это как раз девушка из боярского рода, причем в первом случае речь не шла о женитьбе великого князя, а лишь — княжича-наследника престола, а во

втором оказалось, что брак не гарантировал сам по себе преимуществ его потомству по сравнению с возможным потомством от последующих канонических браков. Дети от брака Ивана IV с царицей Анастасией Романовной не стали ни соправителями при отце, ни даже не были венчаны на великое княжение подобно княжичу Дмитрию Ивановичу в конце XV в. При этом ни царица Ирина Федоровна (Годунова), ни царица Мария Григорьевна (Скуратова-Бельская) не становились царицами при правящем муже и, строго говоря, в фокус брачной политики последних правящих Рюриковичей не попадают. Строить статистические выводы о «правилах» от одного надежного кейса — этого, конечно, недостаточно.

Православие невесты требует еще одной процедуры в дискуссии — обращения к предшествующим иностранным бракам. Много ли среди них было таких, которые требовали перехода невесты из католичества в православие? Московские власти брали себе и удельным князьям в жены православных княжон, хотя вероисповедание Зои (Софьи Фоминичны) Палеолог вызывает подозрение — вероятно, в Риме она была католичка или проунийно настроенная православная²⁷. Брачная политика Софьи Фоминичны и ее мужа Ивана III предполагала поиск партий для своих детей за рубежом, по меньшей мере, с начала 1489 г., когда на переговорах с Николаем Поппелем в Москве обсуждался брак княжны Елены Ивановны с различными суверенами из Священной Римской империи, а Иван III желал видеть женихом своей дочери сына императора, римского короля Максимилиана Габсбурга.

Позднее Ивану Грозному, единственному царю до Федора (III) Алексеевича из Романовых, женившемуся на неправославной по происхождению девушке (княжне Кученей

27 Nițescu. 2021.

Темрюковне), было проще принять в жены язычницу, чем польскую (например, Анну или Катерину Ягеллонку) или английскую «королевну» (Елизавету I Тюдор, ее считали в Москве королевой) или даже девушку из ее свиты – Мэри Гастингс (ее род восходит к королю Эдуарду III). Однако на примере Кученей механизм матримониального контракта высвечен в полном объеме: черкасская княжна в окружении братьев и свиты в июне 1561 г. приехала в Москву, затем в начале июля состоялось ее оглашение, а в августе — обращение в православие и вскоре после него венчание с Иваном IV. Это также был поворотный момент в матримониальной политике — впервые была применена формула венчания правящего царя с прибывшей из-за границы иноверкой. Позднее этот принцип вполне допускался на всем протяжении существования Московского царства, о чем говорят обсуждавшиеся схемы венчания Марины Юрьевны (Мнишек) и, отчасти, Агафьи Семеновны (Грушецкой).

Усилия Ивана III и Софьи Палеолог оказались для своего времени тщетными: сохранить своей дочери православие и удачно выдать ее за неправославного европейского суверена было погоней за жар-птицей. Венчание по двойному обряду Александра Казимировича и Елены Ивановны вызвало скандал во время венчания, а их семейная жизнь так и не сложилась в полном смысле этого слова.

Предположительно, единственное исключение — брак короля Ливонии (с руки Ивана IV) Магнуса, младшего брата датского короля Фредерика II, с княжной Марией (Еленой) Владимировной Старицкой, такой же отверженной дочерью убитого по приказу царя его двоюродного брата, состоявшийся 12 апреля 1573 г. Исследователь рассматривает двойной обряд поженившейся в Великом Новгороде пары, однако парадоксально, по его мнению, что лютеранина Магнуса венчал «поп

римский». Р.Э. Мартин видит странность (“an odd description”)²⁸ в том, что так был назван лютеранский пастор, хотя в книге не отведена возможность, что Магнуса венчал именно католический священник. Позднее Магнус не жил при царе, а вдова после его смерти в 1583 г. была тайно вывезена в Россию при участии английского посланника Джерома Горсея. Брак оказался катастрофическим как для замысла создать вассальную Ливонию, так и для обоих супругов. Его ценность в матримониальных процессах, тем не менее, не вызывает сомнений и отражена в порожденной им обширной документации, из которой свадебный чин на один день свадьбы известен в двух поздних списках, а разряд — только по вторичному упоминанию в местническом деле 1588-1589 гг. и вызвал уже у боярской комиссии сомнения с точки зрения его подлинности²⁹.

Восстание, унесшее жизнь царя Дмитрия Ивановича (Лже-Дмитрия I), было спровоцировано венчанием православного царя с католичкой-царицей по двойному обряду и, вероятно, слухами о том, что царица Марина Юрьевна не обратилась в православие. Р.Э. Мартин, поддерживая интерпретацию Б.А. Успенского, исходит из двух дат венчания — брак *per procuра* и венчание царя Дмитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны в Успенском соборе Кремля, ставшее непосредственным поводом для восстания, открывшего новый виток противостояния в годы Смуты. Рассел Мартин заострил загадку этого брачного союза, предположив, что Марина Мнишек была венчана на царство (т.е. стала царицей) по особому чину, а не благодаря вступлению в брак с царем, жених и невеста не причастились, а значит, не были православными, возможно, оба, а венчавший их патриарх Игнатий был за свои

28 Martin. 2021: 117.

29 Martin. 2021: 113-118, Ch. 5.

преступления исключен из российских помянников. Практически каждый из этих тезисов — дискуссионный.

Во-первых, брак *per procura* в православном каноническом праве невозможен как таковой. Для пришедшей к власти в 1605-1606 гг. царственной пары трудность заключалась в том, чтобы сделать уже возникший католический брак законным в глазах православных подданных Российского царства. Обряд *per procura* на картине «Обручение Марины Мнишек с послом Лжедмитрия Афанасием Власьевым в Кракове 22 ноября 1605 года» характеризует существенная деталь — Власьев изображен в момент венчания в тафье, головном уборе домашнего и неофициального обихода. Московская сторона, вероятно, воспринимала весь данный обряд как полуофициальный или неофициальный³⁰. Поскольку царица Марина Юрьевна оставалась в Москве католичкой, как отмечает Р.Э. Мартин, ее роль в церемониях 2-8 мая 1606 г. была минимальна — она не должна была повторно проходить уже свершенное таинство по католическому чину, но венчалась на царство и при закрытых дверях Успенского собора повторила для мужа венчание, которое превращало обряд венчания *per procura*, воспринятый в Москве как обручение, в венчание по православному чину.

Во-вторых, патриарх Игнатий был вычеркнут из православного поминания не после 1613 г., как полагает Р.Э. Мартин, а низвержен был из сана и запрещен к поминанию в сане патриарха сразу после падения Лже-Дмитрия I — в момент захвата власти князем Василием Ивановичем Шуйским 17-18 мая 1606 г. При этом уже в эпоху Романовых культ Игнатия в Москве не был в полной мере вытравлен: патриарх Никон поминал Игнатия в перечне московских митрополитов и патриархов в Неделе Православия, а портрет Игнатия упоминается Павлом

30 ГИМ. Инв. № 8402/И - I - 3469; Малыгина. 2012: 59-60.

Алеппским в ряду других портретов патриархов-предшественников в палатах Никона в храме Апостола Филиппа³¹.

Наконец, трудности возникают и с обрядом причастия — его нарушение отмечает Арсений Элассонский, причастный к заговору Шуйского и заинтересованный в создании «черной легенды» вокруг событий 8 мая 1606 г. (а также — сторонник брака новоиспеченного царя Василия Ивановича с царицей Мариной Юрьевной)³².

Вероисповедание Лже-Дмитрия I в момент венчания на царство вряд ли требовало от него быть бóльшим православным, чем патриарх Игнатий, а вслед за Генрихом Наваррским царь Дмитрий Иванович мог произнести в июле 1605 г.: «Москва стоит обедни!». Впрочем, и предположение Р.Э. Мартина об обращении царя-самозванца в католицизм не находит надежных подтверждений. Скорее, приводимые исследователем факты говорят об обратном: в венчании царя Дмитрия Ивановича и Марины Мнишек *per procura* 19 (29) ноября 1605 г. в Кракове в доме Себастьяно Монтелупи царя представлял православный посольский дьяк Афанасий Иванович Власьев³³.

Как в обряде или поведении царя и его представителей на свадьбе проявился его католицизм? Ни в монографиях Р.Э. Мартина, ни в доступных ныне источниках мы не обнаружим ответа на этот вопрос. Анализ Рассела Мартина движется в русле сходной логики, — в самом чине венчания *per procura* была заложена двойственность, выразившаяся в толковании

31 Ульяновский. 2021: 118-177, здесь с. 166.

32 Несмотря на «изъявительное наклонение» в пересказе свидетельств Арсения, его непосредственная причастность к тайнствам в те дни и последующее пребывание в Москве уже после успешного осуществления заговора кн. В.И. Шуйского говорят в пользу крайней тенденциозности его записок. Ср.: Флоря. 2002; Вахрина, Маштафаров, Флоря. 2003.

33 Martin. 2021: 120.

Пс. 45.10 кардиналом и королем: если первый призвал невесту забыть *свой дом и свою нацию*, вступая в брак с русским царем, то второй наперекор кардиналу призвал Марину Мнишек не забывать польских обычаев и польский народ. При этом и библейские параллели, и участие в церемонии королевича Владислава и Анны Вазы создавали в момент церемонии радужную перспективу рождения новой московской династии, которой было поручено скрепить польско-российско-шведскую унию. Различия вероисповедания остались за гранями ритуала, а православное вероисповедание московской стороны, выступавшей от лица жениха, не подвергалось сомнению или недооценке (кроме того, на церемонии была протестантка-лютеранка Анна Ваза, которая также не следовала всем предписаниям католического чина).

Уже десятилетия спустя после смерти царя Дмитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны выбор протестанта-королевича датского и норвежского Вальдемара в женихи дочери Михаила Романова Ирине не привел к брачной сделке, несмотря на приезд жениха в Россию и многочисленные усилия как по его обращению, так и по разысканию канонических оснований для брака без перекрещивания ни к чему не привели.

Православие было до конца XV в. и оставалось вплоть до эпохи Петра I суровым и непреодолимым условием *sine qua non* в российской матримониальной политике. В свете сказанного неясно, какие другие издержки ждали сватов княжича Василия в 1503 г., и какие еще возможные «издержки» и «культурные различия», помимо религиозных, подразумевали в Москве. Позднее Франческо да Колло, Сигизмунд Герберштейн и Петр Петрей в своих рассказах об этих событиях приводили такие свидетельства, однако из каких кругов исходят эти сообщения, несомненно, заслуживающие частичного и немалого доверия? Вероятно, из дипломатических и придворных, которые и были

заинтересованы представить в качестве первоочередных не религиозную границу, на тот момент непреодолимую, а скорее — как раз различные формальности³⁴.

С одной стороны, свадебный чин Магнуса и Марии Старицкой показывает ограничения неправославного жениха — у него уже в XVI в. не назначались заместители отца и матери (чины *в отцово место* и *в материно место*)³⁵. С другой стороны, если вернуться к вероисповеданию невесты, Р.Э. Мартин не поясняет, почему, по его мнению, именно браки с Соломонией Сабуровой и княжной Еленой Глинской «послужили закреплению предпочтительности отечественных невест — православных, разделяющих “культуру” жениха и, конечно, необычайно красивых»³⁶. Если красота невест не вызывала сомнений у современников, и потому также и у нас, а «местная культура» слишком расплывчатый термин (и выступает у Мартина то в кавычках, то без них), — то в чем именно новация браков 1505 и 1526 гг. с точки зрения вероисповедания по сравнению с браками XIV-XV вв., остается непроясненным.

Смотры невест, ставшие после 1505 г. обязательным развлечением на пути к царской свадьбе — и не только царя, но и его ближних, — изучены в книге Р.Э. Мартина с позиций культурной антропологии. Показано символическое значение смотров, их влияние на политический авторитет и на централизацию страны. По мнению автора, личный выбор царей на смотринах преувеличен. Пути отбора предполагали несколько этапов формирования «призерш», и на каждом этапе вплоть до их показа царю происходила конкуренция региональных

34 О конфликте вероисповедания в московских династических браках см.: **Martin**. 2021. Ch. 4.

35 **Martin**. 2021: 116, Ch. 5.

36 **Мартин**. 2023: 152; **Martin**. 2021: Ch. 1, здесь с. 15-16.

дворянских кругов, местных и столичных элит. Отбор проходил через медицинское, родословное и прочие освидетельствования. На последнем этапе царь постепенно определял избранницу и вручал ей в знак своего согласия платок и кольцо. Укороченной была программа «выборов» на избрании невест царям Федору III и Ивану V в конце XVII в. (это связано было с их состоянием здоровья).

В.Д. Назаров развивает точку зрения, согласно которой, по меньшей мере, списки кандидаток создавались и рассматривались специальными комиссиями в регионах. Возможно, там проводился и первичный осмотр девушек³⁷. Р.Э. Мартин дискутирует с В.Д. Назаровым, полагая, что основные обследования и сами смотрины проходили у Москве (надо полагать — или в другой столице, например, Александровской слободе). Выводы в этой части исследования вызывающе неромантичны: «Очевидно, что отбор невест был чистым расчетом, при котором почти не было места любви и влечению. Победительницей смотря невест не обязательно становилась та, что “всех милее”, а скорее та, что прошла жесткий отбор по всем родственным связям»³⁸.

Не менее дискуссионной частью концепции Рассела Мартина стали его рассуждения о политическом значении браков удельных князей и княжон. Первые воспринимались как конкуренты правящих монархов, даже если крайне редко становились официальными претендентами в борьбе за престол. Царевич-Чингизид Петр Ибрагимович (Худа-Кул, или Кудайкул) в 1506 г. благодаря браку с сестрой Василия III сделался его союзником и возможным наследником в противостоянии с удельными князьями. Юрий Дмитровский вызывал

37 Назаров. 1976.

38 Мартин. 2023: 123, об этом также на с. 131, 142 и т.д.

подозрения в заговоре, возможно — преувеличенные. Андрей Старицкий создал солидный конкурирующий клан благодаря браку с княжной Евфросинией Хованской, а затем Владимир Старицкий двумя разрядными («царскими») браками укрепил свои позиции и в сложившейся после смерти царицы Марии Темрюковны в сентябре 1569 г. обстановке в семье Ивана IV был воспринят как опасный конкурент в борьбе за наследование престола. При этом с дочерьми московским Рюриковичам просто не повезло — они на протяжении всего XVI века не доживали до замужества и не обеспечили трон той подушкой безопасности, которую создавали себе князья Патрикеевы, Челяднины, Морозовы, Захарьины и другие боярские фамилии. Необходимо все же отметить, что царевич Петр-Кудайкул и князья Старицкие считались не только близкими родичами правящих монархов, но и претендентами на престол, что неоднократно выступало на поверхность политической борьбы.

И вот в вопросе о соотношении смотра невест с династическим заграничным браком возникает один из самых сложных вопросов монографии Р.Э. Мартина, с которым в данном случае не во всем можно согласиться. Исследователь убедительно показывает, что между двумя этими опциями был выбор, однако ограничивает время его существования периодом до венчания. Это и логично: получив в жены избранницу, московский монарх должен был бы исключить для себя дальнейшие поиски династического брака как противоречащие каноническому праву.

На практике в правление Ивана Грозного переговоры о повторном браке велись за рубежом неоднократно в те периоды, когда царь был уже женат. Подобная информация в книге Р.Э. Мартина позволила задаться вопросами, которые заслуживают самого пристального анализа в связи с московской придворной жизнью и ее подспудными правилами. В 1559-

1561 гг., еще при жизни первой жены и вскоре после ее смерти, царь претендует на руку польской королевны Анны Ягеллонки³⁹. Неясно, планирует ли Иван IV еще во время своего второго брака в 1566-1569 гг. (и позднее) брак с сестрой Анны, Катериной Ягеллонкой. Во время своего последнего брака с Марией Нагой и уже накануне своей смерти в конце 1583 — начале 1584 г. Иван Грозный ведет активные переговоры с Елизаветой Тюдор о невесте из рода Гастингсов, потомков Плантагенетов, нарушая не только супружеский этикет, но и порядок посольской службы: посольская книга отразила попытки царя вне официальной аудиенции через своего поверенного дворянина вести неофициальные переговоры с Джереми Боусом о возможной супружеской паре. Вряд ли царя заботило, могли ли Нагие проведать об этих переговорах. Это причуды Ивана IV или доказательства того, что внутренние браки не мешают поиску династических партнерш? Напрашивается вывод, что за дипломатическими манипуляциями крылись отнюдь не сексуальные желания царя, а весомые причины. Возможно, такой причиной был дефицит царственных наследников, ощущавшийся после смерти царицы Анастасии Романовны и особенно во время многолетнего бесплодия царицы Марии Темрюковны.

Чадорodie не звучало в качестве оснований для третьего и последующих венчаний, а сами венчания не могли быть каноничными (третий брак царя и первый его старшего сына венчал не митрополит, а священник Тимофей), и все тревоги царя, выраженные в его многочисленных высказываниях о тлеющем заговоре, говорят о его страхе из-за чьих-то попыток «извести» царскую семью (точнее было бы полагать, что это желание, по ощущениям царя, было разлито в воздухе).

39 Sucheni-Grabowska. 1997; Borkowska. 2000.

Возложенная 29 апреля 1572 г. на царя епитимья в соборном разрешении его четвертого брака, по мнению Р.Э. Мартина, обрекала его на пожизненное покаяние⁴⁰. В России четвертый брак был допущен соборным постановлением, что доказывало особый статус церковного собора, открывшего особенность российской соборной практики — Освященный собор был верховной инстанцией в вопросах веры и в этом смысле брал на себя функцию не только высшего консультативного органа, но и властного института, позволявшего ограничивать действие церковных канонов, подобно тому как сам царь считал, что может комментировать и ограничивать действие Нагорной проповеди Христа⁴¹.

Всего Иван IV был женат, по мнению американского исследователя, семь раз. Наиболее дискуссионный — шестой брак с Василисой Радиловой (по предыдущему браку — Мелентьевой) не фиксируется по чинам венчания, но достаточно убедительно доказывается пожалованиями родственникам невесты и поздними упоминаниями⁴².

Венчание на царство Бориса Федоровича (Годунова) 3 сентября 1598 г. — еще один знаковый момент в матримониальной политике российских властей. В тот день царицей стала представительница клана Г.Л. Малюты Скуратова Бельского

40 **Мартин.** 2023: 201.

41 Неясно, почему Р.Э. Мартин называет Анну Колтовскую (позднее — старицу Дарью) «пятой женой Ивана IV». Это ошибка (**Martin.** 2021: 141, ср. на с. 143 пятым назван все же брак царя с Васильчиковой, а на с. 163 брак Ивана IV с Колтовской назван четвертым). См. также: **Белякова.** 2023.

42 **Мартин.** 2023: 229, 234-238. Впрочем, напрасно автор пытается извлечь косвенные данные о судьбе Радиловой из «Хронографа» А.И. Сулакадзева (**Martin.** 2013; **Мартин.** 2023: 241). Сулакадзев создавал безукоризненные вымыслы, которые иной раз вплоть до наших дней не удается убедительно отклонить. Но это не имеет никакого отношения к делу. Фабрикация — фабрикация во всем.

Мария Григорьевна. Этим событием были нарушены привычные расстановки, при которых царь (или его отец) выбирал себе (или своему сыну) невесту. В 1598 г. сначала в январе — феврале волей царицы-инокини Ирины Федоровны был указан ее брат-«преемник», утвержденный позднее Земским собором, а затем в сентябре царицей стала его — уже до вступления на престол венчанная — жена Мария Григорьевна, одна из сестер в могущественном клане, плотно закрепившемся матримонийными связями и удерживающем позиции вплоть до формального отречения от престола царя Василия Ивановича (Шуйского) в июне 1610 г. Показатель высокого положения клана — статус наследника престола, принадлежавший мужу одной из ее сестер, князю Д.И. Шуйскому, брату царя Василия IV, близость к царскому роду еще одной сестры, Анны, которая была замужем за кн. И.М. Глинским, двоюродным братом Ивана IV, и родство со Скуратовыми третьей и последней законной жены Ивана IV — царицы Марфы Васильевны (Собакиной). Родовое единство и физическая (кровная) близость к трону Годуновых, Скуратовых и Собакиных через их родство с царским родом, князьями Шуйскими и Глинскими — отнюдь не проходной момент, а мощный фактор брачной политики, определивший круг властвования на несколько десятилетий во второй половине XVI — начале XVII в. В этом смысле знаковым событием майской свадьбы 1606 г. стало «возрождение» Нагих. Старица Марфа старательно играла роль матери самозванца, тогда как в свадебном разряде Лже-Дмитрия Ивановича и Марины Юрьевны оказалось сразу 10 представителей рода Нагих, что Р.Э. Мартин справедливо интерпретирует как часть «шарады в пользу идентичности Дмитрия»⁴³.

43 Martin. 2021: 152-153.

Конец XV — начало XVII в. образуют особый период, однако весьма основательны многие сомнения на этот счет Р.Э. Мартина. Как ясно из его источниковедческого исследования, ощущение обособленности этого периода приходит из особенностей сохранности источников. Сводя воедино наши ремарки, высказанные выше, можно было бы предложить еще ряд вопросов, имеющих тенденцию выстраиваться в угрозы для концепции Мартина разного уровня. С одной стороны, как мы видели, многие рациональные основания альянса Ягеллонов и Рюриковичей, служащие отправной точкой для идеи *холопского брака*, додуманы за основных исторических лиц и нигде никак не звучат в их высказываниях и мотивациях, ни эксплицитно, ни имплицитно. Более того, надежды на подобный альянс не утасуют на всем протяжении существования Московского царства, а в авантюрах Ивана Грозного по вступлению в брак с Анной Ягеллонкой при живой жене (Анастасии Романовне) и по выманиванию Катерины Ягеллонки от живого мужа (эрцгерцога Юхана) — живая вероятность подобного брака, а не только жестокая властная игра обезумевшего московского царя. Более того, сохраняется подобная оптика и при обсуждении вступления царя и его наследников на престолы Речи Посполитой, и в обсуждениях прав Ягеллонов на российский престол, унаследованных от прародительницы московских великих князей великой княгини Софьи Витовтовны, дочери великого князя литовского и несостоявшегося литовского короля Витовта Кейстутовича, и в спорах о государственной измене предков прародительницы последних Рюриковичей Елены Васильевны Глинской великим князьям литовским. Не прекращаются поиски польско-литовской партии для царственных сыновей и в XVII — начале XVIII в.

С другой стороны, повторные браки Василия III и Ивана IV вызывают — причем уже у их подвластных современников —

очевидные нарекания, наносящие настолько чувствительный удар по легитимности их власти, что вопрос о наследовании престола разрастается в конфликт престола с афонскими старцами и частью внутрироссийских монастырей, слухи о детях Соломонии Сабуровой и до сих пор непроясненную, но вполне предметную археологическую ситуацию с куклой на месте ее ребенка в гробнице Покровского Суздальского монастыря⁴⁴. Легитимность наследования престола Федором Ивановичем в 1584 г. также — вымысел позднейших историков. Современникам тех событий пришлось решать этот вопрос не рассуждениями о правах, а вооруженным противостоянием. Не учтен, на наш взгляд, и еще один значимый фактор в политике рубежа XVI-XVII вв. Разрастание местнических противостояний на свадьбах в этот период и надлом в династической преемственности, пробудивший рефлексию о возможных схемах наследования престола после стерильной смерти Федора Ивановича, должны быть, как представляется, осмыслены как особый контекст матримониальной политики высшей власти. К этому направлению мысли подталкивает и господство в этот период опричного клана, последовательно сгруппировавшего вокруг трона далекие друг от друга в каких-либо иных счетах за престол роды Годуновых, Бельских, Романовых и князей Шуйских. Эти роды сблизала между собой не только — а в данной конфигурации не столько даже — близость к Рюриковичам в матримониальных степенях родства, а единство по причастности к опричной «реформе» 1560-х — начала 1570-х гг.

44 Захоронение с остатками одежды без тела обнаружено в 1934 г. и вызвало бурную дискуссию, которая не закончена, но, конечно, не привела к убедительным выводам о рождении ребенка у Соломонии Сабуровой. Впрочем, как отмечал Я.С. Лурье, не доказано, что могила вообще имеет отношение к великой княгине Соломонии Юрьевне, в монастыре Софии (Лурье. 1986: 114-119).

Спешно перешагнув через Смутное время (когда, предположительно, царские смотрины не проводились), Р.Э. Мартин обращается в исследовании 2012 г. к источникам о царских свадьбах XVII — начала XVIII в. Характерно, что первый же кейс этого периода — одновременно драматичный и доказывающий высокое значение выбора невест. Первая избранница Михаила Романова Мария Хлопова была обручена с царем, подготовлена к роли правительницы, ей поменяли имя, нарекли царицей, поместили вместе с ее прежней семьей в «Верху», т.е. в предназначенных царице покоях (в Тереме). Все это позволило бить челом о бесчестье, когда выбор был формально по медицинским мотивам отменен (диагноз ставили иностранные лекари Бильс и Бальцер, отчет боярской комиссии — М.М. Салтыкова), а расплата с родом Хлоповых превратилась в сведение счетов. Позднее, уже после возвращения отца царя Михаила Федоровича из польского плена, расследование было проведено повторно, и Хлоповы обвинили в оговоре Салтыковых и добились расправы над ними, хотя и не вернули Марию-Анастасию в статус царской невесты⁴⁵, тогда как Салтыковы повлияли на второй выбор царя Михаила (de facto это был и не выбор: смотрины были, как доказывает Рассел Мартин, подстроены под кандидатуру) — княжна Мария Владимировна Долгорукова была их близкой родственницей, и она пользовалась протекцией не только Салтыковых, но и царицы-матери⁴⁶.

Подобным с Хлоповой образом прошла интрига, выбившая из числа претенденток понравившуюся царю Алексею Михайловичу Евфимию Федоровну Всеволожскую. Сравнение данных Г.К. Котошихина и С. Коллинза позволило Р.Э. Мартину сделать вывод, что Евфимия избрана была на смотре невест. Ее

45 Мартин. 2023: 262.

46 Мартин. 2023: 269.

обморок привел к смене кандидатур. Симптомом воспользовались (а возможно, и спровоцировали его) сторонники партии Б.И. Морозова, которого обвиняли в том, что на голове невесты волосы были затянуты слишком туго, и который стал позднее главным бенефициаром повторных «выборов» (царь и Морозов женились на сестрах Марии Ильиничне и Анне Ильиничне Милославских, условившись об этом заранее).

На более ранние события свет бросает второй брак царя Алексея Михайловича. Он был напуган и опечален следовавшими одной за другой смертями дочери Евдокии, первой жены и сыновей Симеона и Алексея в 1669-1670 гг., и избрание новой невесты стало делом спасения династии. «Московская Эсфирь» Наталья Кирилловна Нарышкина одержала верх над Авдотьей Ивановной Беляевой (на ее стороне, как показывает Р.Э. Мартин, были царица Ирина Михайловна и даже сам царь, но в борьбе за кандидатуру А.С. Матвеев добился успеха, как раньше Б.И. Морозов). Эта манера решать проблему престолонаследия вполне отличает и матримониальную политику в канун развода или после смерти первых царственных жен — около 1526 г., около 1561 г. и в последующих браках Ивана IV, около 1608 г. и позднее в матримониальной политике царя Михаила Федоровича. В этом смысле представляется неполным круг сравнений, приведенный Р.Э. Мартином, когда исследователь пишет, что «у Романовых стало традицией разрушать жизнь первой избранницы, выигравшей смотрины (и жизни ее рода)»⁴⁷. В немалой степени данный механизм был сформирован уже при поздних Рюриковичах.

Если отправным моментом в создании канона московских царских свадеб служит брак Василия III с княжной Еленой Глинской, то следующий перелом наступает ровно 100 лет

47 Martin. 2021: 78-79.

спустя. Ряд новаций в матримониальной политике Москвы отражен в документации свадьбы Евдокии Лукьяновны (Стрешневой) с царем Михаилом Федоровичем (венчание — 5 февраля 1626 г.)⁴⁸. Именно с этой календарной вехой Рассел Мартин связывает включение в свадебный чин четвертого дня торжеств, ритуальное благословение отца и матери жениха, проведение торжеств не в Золотой, а в Грановитой палате Кремля, а также само создание письменного канона свадебного чина. В какой-то момент, видимо, накануне свадьбы 1626 г. в архивах Посольского приказа служащие разыскали документацию предыдущих свадеб и использовали находки, чтобы разработать единый чин, утверждая тем самым династическую преемственность между царем Михаилом Федоровичем и поздними Рюриковичами при персональном участии посольского дьяка Ивана Тарасьеви́ча Грамотина⁴⁹.

Позднее при участии служащих Посольского приказа дьяка Назария Чистого и, возможно, писаря и подьячего Г.К. Котошихина создавался первый свадебный чин царя Алексея Михайловича, а при участии Никиты Ивановича Одоевского и главы Большого Дворца (не «Большого двора», или “the Great Court”, как в книге Р.Э. Мартина) Богдана Матвеевича Хитрово — роскошный по оформлению и весьма полно сохранившийся до наших дней чин второй свадьбы царя Алексея Михайловича⁵⁰.

Возможно, с поисками старых свадебных дел в 1626 г. связано то, что в свадебных чинах так и не закрепились «заместители» отца и матери невесты. Их назначали уже на свадьбе

48 **Martin**. 2021: 45-46 и сл.

49 Подробнее см.: **Martin**. 2004.

50 Ср.: **Martin**. 2021: 79 и сл. О приказе Большого Дворца под управлением Б.М. Хитрово см.: **Лисейцев, Рогожин, Эскин**. 2015: 42.

царевича Михаила Кайбулина (Кутлу-Гирея ибн Аслан-Али) с Марией Григорьевной Ляпуновой в феврале 1623 г. и на второй свадьбе царя Михаила Федоровича⁵¹. Однако на свадьбе 1626 г. их в разрядах вновь нет и не будет на последующих царских свадьбах XVII в. вплоть до второго брака царя Петра Алексеевича в 1712 г.

Рассел Мартин справедливо делает акцент на практической функции заместительных чинов именно родителей жениха. В истории свадеб конца XV — начала XVII в. общей чертой было то, что царственные родители никогда не получали особых чинов на свадьбах своих сыновей — казус царя Михаила Романова не имел прецедентов. И поскольку исторически выверенный чин возник уже после второй свадьбы царя Михаила Федоровича, вероятно, что устранение из чина зеркальных церемониальных должностей родителей невесты связано с правками в чин, внесенными служащими на основе обнаруженных ими материалов свадеб XVI — начала XVII в.⁵²

Впрочем, если вспомнить, что заместители родителей иноверца не включены в свадебный чин 1573 г., то открывается вопрос, который на поднят в монографиях Р.Э. Мартина: не было ли участие данных чинов знаком причастности к православному правящему роду? Если в случае неправославного жениха он на свадьбе представлен как бы безродным, то в случае невест холопского статуса незнатное прошлое вычеркивалось при помощи фигуры умолчания об их родителях. Это не шло вразрез и со стихом Пс. 44.11 (в европейской традиции —

51 Впрочем, Р.Э. Мартин отмечает далее, что на свадьбе царя Василия IV (Шуйского) с княжной Марией (Екатериной) Петровной Буйносовой Ростовской «заместительницей» матери невесты была княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская (урожд. Скуратова Бельская, дочь Малюты Скуратова, жена родного брата царя, кн. Д.И. Шуйского) (Martin. 2021: 51, 144).

52 Martin. 2021: 46-47, 55-56, 61.

Пс. 45.10): «Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего», — которыми в 1605 г. польски кардинал Бернард Мацеевский напутствовал Марину Мнишек, проводя ее венчание с царем Дмитрием Ивановичем.

Исследования Р.Э. Мартина убедительно, как представляется, выстраивают детерминанту свадебных обрядов — их путеводной звездой и объясняющим фактором, в своем роде сердцевинной в логике их организации было стремление к династической преемственности (показательно в этом смысле, что вошедшие в общегосударственную документацию материалы царских свадеб Чингизидов на московской службе не включали церемониальное посещение брачующимися крупных династических святынь Кремля). При этом свадьбы удельных князей и крещеных Чингизидов уже в XVI в. содержали другой едва заметный, но весьма значимый ритуальный элемент — дары гостям раздавали на таких свадьбах преподносили в первый день торжества не невесты, а родственницы правящих цариц и великих княгинь. Это, как справедливо отмечает Р.Э. Мартин, — статусный показатель в обряде перехода, каковым, по А. Ван Геннепу, были царские свадьбы и ритуал раздачи даров. В случае свадьбы невеста переходила как бы из ниоткуда в царицы, а следовательно, раздача даров на свадьбе приобретала значение только для тех невест, которые могли в силу брака войти в состав правящей династии. Аналогом (конечно, не точным переводом) слову *династия* (англ. “dynasty”) в свадебной документации царя Алексея Михайловича Рассел Мартин предлагает считать выражение *в наследие его государственного роду* (ср. в англ. переводе Мартина: “for the succession of his royal dynasty”)⁵³.

53 Martin. 2021: 63, 75, 172.

Для Василия III системообразующим для его свадебного канона 1526 г. был вопрос противостояния с придворными, высшим духовенством, афонскими старцами и частью российского черного духовенства. Для царя Михаила Федоровича и его родителей — момент династической инаугурации. Даже царь Алексей Михайлович под влиянием обстоятельств решился на новый брак — нежелательный для него, как показал Р.Э. Мартин, сравнивая «совершенно пуританский» (“utterly puritanical”) свадебный чин 1671 г. с предыдущими⁵⁴.

Впрочем, развитие свадебных обычаев в царской семье на этом не остановилось. Четыре свадьбы сыновей царя Алексея Михайловича по-разному представлены в источниках. Скажем, от документации первой свадьбы царя Федора Алексеевича (18 июля 1680 г.) сохранился после пожара 71 фрагмент черного чина на 35 обугленных листах, беспорядочно собранных позднейшими архивистами. С немалыми лакунами сохранились чины и разряды второй свадьбы Федора III, а также свадьбы царей Ивана Алексеевича (9 января 1684 г., невеста — Прасковья Федоровна Салтыкова) и Петра Алексеевича (27 января 1689 г., невеста — Евдокия Федоровна Лопухина), но содержание всех этих документов, как показывает Р.Э. Мартин, проведя тщательное исследование комплекса сохранившихся данных, не противоречит выводу о том, что свадьбы после второго брака царя Алексея Михайловича заметно потеряли в масштабности и торжественности⁵⁵. Для первого брака царя Федора Алексеевича (Мартин справедливо называет его Федором III) был разработан особый, отличный от предыдущих сокращенный чин, в котором при этом впервые за 100 лет предполагалась венчальное богослужение при личном участии главы

54 Martin. 2021: 76-91, цит. со с. 84.

55 Martin. 2021: 92 и сл., 201 и сл.

церкви (на сей раз — патриарха), а для второго (15 февраля 1682 г., венчание с Марфой Матвеевной Апраксиной) — вновь особый чин.

Любопытная черта этих поздних московских браков — вдовы царей не всегда становились инокинями после смерти мужа. Остались в миру как бездетная царица Марфа Матвеевна, так и многодетная царица Прасковья Федоровна (на момент смерти Ивана V в живых остались три их дочери), и лишь царица Евдокия Федоровна попала под колесо мужнего гнева и была заточена, что не могло не восприниматься многими современниками как откровенное насилие. Вдовствующая царица Прасковья Федоровна даже вышла повторно замуж за Ивана Ильича Дмитриева Мамонова, и у них в браке родился сын, вскоре после рождения умерший.

Свадебные обычаи Петровской России, будучи с 1712 г. принципиально открытыми для иноверческих партий, демонстрировали и новую династическую логику, отразившую и воплотившую замысел царя Петра Алексеевича по переустройству империи и оснований ее власти. Рассел Мартин посвящает специальную дискуссионную статью периодизации российской истории и придерживается этой версии в монографиях, ряде других статей и реакциях на доклад и книгу святого Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Михаила Борисовича Максимовича) 1926 г. и монографию Пола Бушковича о правах наследования престола в России⁵⁶.

Основная мысль в данном случае — в том, что свадьбы Петровской России не меняли общий принцип династического

56 См., например: **Martin**. 2021a; **Martin**. 2024. Научное издание книги св. Иоанна Максимовича «Происхождение Закона о престолонаследии в России» (1-е изд. — 1936 г.) о наследовании престола в истории России Р.Э. Мартин в настоящее время готовит к публикации в переводе на английский язык.

брака, под которым в России понимался холопский альянс. Петр II и его советники своими матримониальными планами последовали строго в русле матримониальной политики XVI-XVII вв., а пересмотр и дальше неписанных правил состоялся в результате революционных для правящей династии в России указов о наследовании престола 1797 и 1822 гг. Именно эти указы, а не Иван III и не Петр I, по логике Р.Э. Мартина, заложили основы Нового времени в династической политике России, хотя исследователь и допускает, что порядок формирования династий в XVI-XVIII вв. может рассматриваться как своеобразный русский вариант модерна.

На фоне династической борьбы и межклановых соглашений по выбору царской невесты в Московской Руси показательны и вызывают особый интерес «неудачные» первые браки царствующих особ, ставшие предметом конфликтов при дворе последних Рюриковичей и как бы политическим антиобычаем при первых Романовых. Рассел Мартин намечает дурную закономерность в сходстве браков царя Михаила Федоровича с Хлоповой и Долгоруковой и царя Алексея Михайловича с Евфимией Всеволожской. Впрочем, крушение этих браков исследователь склонен считать просто результатом придворных заговоров. Можно было бы, на мой взгляд, задаться вопросом, не заложена ли конфликтность в сам первый брак или «мезальянс» царя. Подобные вопросы возникают при сравнении судеб неудачных царских браков XVI в. — Сабуровой, Собакиной, Колтовской, Мелентьевой, Васильчиковой... Впрочем, если вспомнить даже удавшийся брак Ивана IV с Марией Нагой и выходки царя в последние годы, когда на руках у него был уже сын Дмитрий (II), и брак царя Федора Ивановича с Ириной Годуновой, вызвавший противоборство и — возможно в какой-то мере сфабрикованный — заговор князей Шуйских, то

нельзя не представить вживую сценарий разрыва, подобный упомянутым выше трагедиям XVII в.

Царские смотрины, матримониальная политика и браки позволяют выявить долгосрочные властные стратегии и мотивации московской и петербургской придворной жизни, а также во всей доступной для исследования полноте увидеть многообразные и сменяемые во времени символические ресурсы, привлекаемые для достижения главной цели — сохранения династической преемственности. Как бы это ни прозвучало в классовом и имущественном измерении, риск вымирания мужского потомства и даже полного вымирания царской семьи был лишь ненамного меньшим, чем у их подвластных. Эта опасность ощущалась в равной мере бездетным великим князем Василием III к 1525 г. и многодетным царем Алексеем Михайловичем в 1669 г. Как можно видеть, тема продолжения жизни, получившая развитие в приводимых митрополитами и патриархами ветхозаветных параллелях, уподобляющих Московское государство Иудейскому и Персидскому царствам (а вовсе не обреченному на смерть Третьему Риму старца Филофея), так и в иконописном Царственном древе Романовых⁵⁷, тесно коррелирует с более печальной темой — смерти и династической памяти, сосредоточенной вокруг царских усыпальниц Московского Кремля. *Царская радость* — прямая противоположность *царской скорби*, ощущавшейся даже в брачных торжествах, в запретах на бурные свадьбы, присутствии обок с правящими особами вдовствующих цариц-инокинь, в долгом ношении придворными смиренного платья по умершим царицам, в речах пастырей о смене скорби на радость и т.д.⁵⁸

57 Сукина. 2022.

58 Р.Э. Мартин ошибочно толкует «смирное платье» как не праздничное, а следовательно, полагает исследователь, обычное платье („in ordinary dress“).

Логика снежного кома не вполне работает в случае царских свадеб — обряд не разрастается, а видоизменяется в соответствии с культурными тенденциями и даже с личными запросами участников. Отдельные элементы свадебного обряда создают социально-значимые «негоциации» между ритуальным действием и социальными институтами. Они очерчивают круг правящих лиц и династии, конкурентную среду высших сановников, мужские и женские роли при дворе, символическую экономику даров и воздаяний. Отдельные структуры свадебного обряда выхолащиваются и разрастаются до обязательной формальной процедуры. Например, при «первых Романовых» вымер обычай обмениваться дарами между высшими чинами-мужчинами на второй и третий день свадьбы, зато сформировался совершенно новый обычай дарения на четвертый день с участием патриарха, местнические конфликты рубежа XVI-XVII вв. были остановлены только царским гневом и карой, постигшей князя Голицына, а получение подарочных ширинок или денег вместо даров в первый день торжества, маркирующее глубину династических связей, превращается в середине XVII в. в кошмар чиновников — челобитья, подсчеты затрат и нелегкие финансовые решения⁵⁹.

Выхолащивание московских обычаев все же стало особой чертой Петровской эпохи, несмотря на то что происходило и до правления царя Петра Алексеевича. Черета свадеб, действительных и шутовских, конца XVII — начала XVIII в. при личном участии царя в качестве свадебного «маршала» (т.е. *тысяцкого*) взламывала и высмеивала привычные московские коды XVI-XVII в.: свадьбы устраивались нарочито игровые и даже

Однако речь идет об особом траурном костюме, который носят в знак скорби по умершему (ср.: **Martin**. 2021: 82).

59 **Martin**. 2021: Ch. 6.

пародийные, между смехотворными парами, длились в ряде случаев не три — четыре, а два дня или наоборот, целую неделю, устраивались карнавальные переодевания в древние платья, пародирующие далекую старину, шествия всем свадебным чином на упряжках волов, козлов, свиной и собак, поездки свадьбой из Кремля в Немецкую слободу или из Петербурга на остров Котлин, во время свадебных маскарадов сидящие вместе за одним столом мужчины и женщины пили огромными кубками крепкие напитки, а царь в наказание за нарушения церемониала заставлял пить «штрафные» и т.д. За всеми этими игровыми стратегиями, как показывает Р.Э. Мартин, вскрывались все те же политические цели — личная преданность царю, готовность высмеять обычаи двора по воле монарха и, наоборот, приобщиться к утрированной «старине» — для заграничных слуг царя⁶⁰.

Автор не связывает напрямую насмешливое отношение царя Петра Алексеевича к «старине» (прежде всего, к обрядам своих родителей и ближайших прародителей) с его внутрисемейными отношениями. Интерес представляет не причина, а последствия карнавального гротеска. Для царя сокрушение запретов в матримониальной сфере открывает путь к политическим альянсам 1710-х гг., к числу которых относятся два брака его сводных племянниц Анны Иоанновны (31 октября — 2 ноября 1710 г.) и Екатерины Иоанновны (1716 г.), а также брак его сына, царевича Алексея (1711 г.). Вырвав институт брака у церковных властей и упразднив пост верховного главы церкви, царь расширяет династические связи, идущие вразрез с российской матримониальной политикой XVI-XVII вв. В этом случае основное внимание Петра I, как и его предков и правителей XV — начала XVII в., направлено на удержание

60 Martin. 2021: Ch. 7.

династической власти. Царские свадьбы 1710-х гг. церемониальной составляющей во многом напоминают придворные эксперименты рубежа XVII-XVIII вв., но сохраняют символическую связь и со свадебными чинами более ранней эпохи. Так, на свадьбе Анны Иоанновны сохранены были — с некоторым дополнением — разрядные чины XVI-XVII вв., молодожены в третий день посетили православное богослужение, а жених — возможно, с ним и невеста — принял благословение лютеранского пастора. Вместе с тем, отмечает Р.Э. Мартин:

Многие традиционные православные элементы были упразднены по настоянию жениха и с согласия Петра I. Пара не пила из общей чаши, молодожены не представляли Танец Исайи и не держали свеч во время церемонии венчания⁶¹.

Рассел Мартин полагает, что свадьба Анны Иоанновны была потрясением для династической политики Романовых, а последним ударом в череде следовавших за ней событий был указ о престолонаследии 1722 г. и смерть Петра I⁶². В контексте предложенной американским историком гипотезы эти неутешительные итоги не вызывают в полной мере согласия. Финальная страница в истории царских свадеб не написана: например, свадьба 19-22 февраля 1712 г. царя Петра Алексеевича с Мартой Самуиловной Скавронской (будущей Екатериной I), послужившая отправным моментом для возникновения новой ветви (или новой династии) Романовых, в источниках оставила крайне незначительные следы⁶³. Как показывает сам же исследователь в заключительной части своей работы, имперские свадьбы 1725-1745 гг. во многом продолжают московские традиции предшествующих эпох, не возвращаясь к

61 Martin. 2021: 198, 207.

62 Martin. 2021: 201, 215, Ch. 8.

63 Martin. 2021: 203.

выхолощенным при Петре I моделям, но вбирая из них наиболее значимые элементы, в том числе в свадебном чинопоследовании. Впрочем, немалым шагом назад можно было бы считать возвращение на свадьбе Анны Петровны и Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского (21-23 мая 1725 г.) к православному венчанию⁶⁴.

Что же касается престолонаследия в России XVIII в., то уже прошла дискуссия по данной проблеме вокруг монографии Пола Бушковича и, как уже говорилось, готовится полномасштабное исследование данной проблемы самим же Р.Э. Мартином⁶⁵. В контексте уже проделанной работы, следовало бы обратить внимание на возможность интерпретации, лишаящей события 1722 г. решающего значения.

Когда в 1745 г. началась история судьбоносной для Российской империи пары будущего Петра III и будущей Екатерины II, традиция династических браков была в очередной раз пересмотрена.

Согласно предположению А.А. Зимина, возможным наследником Василия III (его завещание не сохранилось) до рождения у него детей должен был стать крещеный царевич Петр, зять великого князя. В этой политической игре главными противниками в борьбе за трон для великого князя были удельные князья, и как свадебные ритуалы, так и прямые запреты братьям жениться до рождения наследников у Василия III говорили о том, что удельные — это политические враги действующей власти. Возможно, на такое восприятие, удивлявшее князя А.М. Курбского и, очевидным образом, многих других современников, косвенно повлияла османская

64 **Martin.** 2021: Ch. 8.

65 См. выше о готовящейся книге Р.Э. Мартина, см. также: **Bushkovitch.** 2021; **Martin.** 2021a.

традиция, в которой на законодательном уровне Мехмед II принял решение о праве действующего султана на убийство своих братьев в интересах стабильности. Убийство династических противников-мужчин «прекрасно» реализовалось в России в правление Елены Глинской и Ивана Грозного, а за царя Федора Ивановича все решила природа. Затем противостояние царя Дмитрия Ивановича и трех потомков Бориса Годунова, одним из которых был новый царь Федор Борисович, закончилось убийством последнего и его матери. Убит был, по всей видимости, и конкурент царя Василия Ивановича (Шуйского), М.В. Скопин Шуйский, тогда как родные братья царя Василия IV погибли уже в Речи Посполитой вместе с самим царем-иноком. Мужские потомки царя Михаила Федоровича не вели борьбу между собой за власть ровно до того момента, когда у власти оказались сразу два претендента — Иван (V) и Петр (I). И никак нельзя считать политической нормой для России возникновение в 1682 г. конкурентного двоевластия (по сути, впервые в истории России — диархии). Подобный исход не мыслился ни в 1503 г., ни в 1584-м, ни в 1610-м. Вряд ли сопоставима с ней даже верховная власть в России в первые месяцы после смерти Бориса Годунова, когда у власти формально находились все трое его наследников — вдова и двое несовершеннолетних детей.

Как бы то ни было, за Романовых также все решила природа: мужские представители рода вымирали, к началу XVIII в. в живых оставалось 15 представителей рода, только двое из которых — мужчины. На этой грани царь Петр Алексеевич сделал выбор в пользу нового брака, не имевшего ничего общего с предыдущими властными альянсами XV-XVII вв. ни внутри страны, ни за ее пределами. Это был выразительный мезальянс, для утверждения которого и его потомства Петру I пришлось уничтожить сына, а затем Петр II оказался жертвой

природной стихии. Династическая доктрина пересмотрена была не как следствие модернизации или, наоборот, консервативного отката правящего режима, а после гибели всех четырех сыновей от нового брака и перехода к той же ситуации неопределенности в правах наследования между неугодным императору внуком и династическими женщинами (рожденными от обеих жен царя Алексея Михайловича), в какой в 1682 г. побывали сами же Иван V и Петр I⁶⁶.

Елизавета Петровна поставила точку в длившейся два с половиной столетия борьбе между родственными ветвями. Лишь по чистой случайности женитьба ее племянника на принцессе Екатерине Алексеевне (урожденной Софии Фредерике Августе) Ангальт-Цербстской привела к желанному восстановлению единства правящего рода. Но, конечно, отстранение конкурентов-потомков Иоанна V от власти, а затем и их уничтожение случайностью объяснить не удастся. В этом случае, как и в начале XVI в., работал не «естественный отбор» и не стихийная борьба, а убийственное волеизъявление правящей персоны.

Указ Петра I 1722 г. о наследовании престола, поставивший на место конвенционального принципа преемственности от отца к старшему сыну принцип личного волеизъявления правящего императора, не шел кардинально вразрез с предшествующими правовыми нормами и традициями, поскольку никто до Петра I эксплицитно эти нормы и традиции так и не закрепил. Было бы странно видеть единую историю в тех усилиях, которые — в числе прочего — при помощи царских свадеб предпринимали правители до Петра I, чтобы вписать себя в единую историю, вычеркивая из нее при этом ряд неугодных правителей своей же страны и конкурентов за власть,

66 Об этом см.: **Martin**. 2021: 204-205.

уничтоженных символически и физически. Петр I создал относительно новый принцип. В то же время было бы странно не учитывать, что этот принцип никто до него и во время его правления не оспаривал. Никто и не посмел бы прямо это сделать, особенно когда на горизонте династии замаячило вымирание мужского потомства. Рождение указа 1722 г. было, таким образом, направленным усилием, открывшим ту же возможность, возникновение которой исследователи допускают еще применительно к началу XVI в., когда в похожем положении оказался Василий III.

Формальным финалом в истории царских свадеб Московской Руси стало прекращение конкуренции между потомками клана Милославских (по линии жены царя Ивана V царицы Прасковьи Федоровны) и Нарышкиных (по первому, а затем и по второму браку царя Петра I). Впрочем, как уже мы видели, ни в 1712, ни в 1745 гг., ни вплоть до указа Павла I о престолонаследии, с точки зрения Р.Э. Мартина, существенных династических перемен не произошло. Автор убежден в сплошной преемственности династии Романовых между 1613 и 1917 гг. — и в этом можно видеть характерное проявление подхода Гарвардской школы. Утрированное соблюдение положений указа 1797 г. для революционной России и русской эмиграции 1920-х гг. стало еще и *сredo*, определившим поддержку великого князя Кирилла Владимировича (императора Кирилла I) в качестве наследника всероссийского престола, против чего выступали как вдовствующая императрица Мария Федоровна (вдова Александра III), так и ряд других выживших в Революцию представителей династии Романовых. Трудность заключалась уже не только в поддержании исторической преемственности прав династии на власть в России. Эта задача решалась св. Иоанном при помощи концепции прямой преемственности

между Россией Рюриковичей и Россией Романовых⁶⁷. Доказать предстояло еще и устойчивость династии в рамках указа 1822 г., который после Мировой войны угрожал вырвать из прав на наследование престола и тех немногих представителей рода, которые вступали в морганатический брак. Усилия Р.Э. Мартина во многом нацелены на то, чтобы показать неизменность следования указу 1797 г. в рамках действующего в 1920-е гг. и поныне живого и царствующего рода Романовых.

Этим тезисом о правовой незыблемости указа Павла I снята, как представляется, династическая цезура между Романовыми и Рюриковичами. В ряде случаев Рассел Мартин отмечает фиктивность вымыслов об этой династической преемственности⁶⁸. В других — показывает, как при помощи свадебных даров «внутри династии» Романовы (в 1624 г.) очерчивали круг своих царственных родичей — Рюриковичей-Даниловичей, царский род Шуйских и потомков Ивана III от брака его дочери Евдокии с царевичем из Чингизидов Петром-Кудайкулом⁶⁹. Логике разрыва внутри «династии Романовых» автор признает менее охотно, хотя формальных оснований видеть «династию» в преемстве между Петром I и Павлом I не больше, чем между Рюриковичами и Романовыми. Оба эти единства — фикции, причем обе вызвали череду фабрикаций и вымыслов в представлениях о российской и всеобщей истории.

В заключение остановимся на одном аспекте исследования, который не является ключевым для работ Рассела Мартина, но заметно влияет на его построения. Как представляется, требует дополнительных исследований вопрос о

67 Martin. 2024.

68 Martin. 2021: 64.

69 Martin. 2021: 141, 150, Ch. 6.

соотношении царских свадеб с календарными традициями Древней и Средневековой Руси. Р.Э. Мартин указывает в обоих монографиях в качестве даты брака один календарный день — в этом исследователь следует за источниками, отмечающими, как правило, день венчания или менее точную дату. Однако следует отметить, что наблюдения за источниками XV-XVIII вв. определенно говорят в пользу того, что царские свадьбы длились не менее трех дней, и было бы важно задаться вопросом о длительности торжеств, перенося это проблему еще и в историко-хронологическую плоскость.

Л.П. Горюшкина, проведя независимо от Р.Э. Мартина исследование свадебных обычаев в царской семье (включая удельных князей и приезжих царевичей) в XVI в., отметила строгое следование каноническим ограничениям на выбор даты для венчания и свадьбы. Из 13 изученных браков XVI в., по наблюдению исследовательницы, «пять пришлось на зимний мясоед (время между Святками и Масленицей), три — на недели между Пасхой и Троицей, три — на время перед Рождественским постом и два — после Успенского поста, но ни разу — в разгар лета (между Петровским и Успенским постами)»⁷⁰. Канонические ограничения по венчаниям во все многодневные посты, на Масленицу и в Великую Седмицу, таким образом, во всех известных случаях соблюдены. Дни венчания приходились строго на четверг (что отличает православные каноны XVI в. от наших дней) либо на воскресенье, причем, по предположению Л.П. Горюшкиной, свадьбы в четверг ко времени правления Ивана Грозного считались более «статусными», чем свадьбы в воскресенье⁷¹.

70 Горюшкина. 2013: 102-103.

71 Горюшкина. 2013: 103.

Подтверждают ли сообщения источников гипотезу о господстве трехдневной свадьбы? Очевидно, что не вполне, причем с первых же крупных торжеств XVI в. Разряд свадьбы сестры великой княгини, Марии Юрьевны Сабуровой, и князя Василия Семеновича Стародубского составлен на четыре дня, начиная с 23 апреля 1506 г.⁷²

Венчание Ивана IV с Анастасией Романовной в целом ряде официальных летописей указано под 3 февраля 1547 г. «во царствующем граде Москвѣ» в Кремлевском Успенском соборе. Это был четверг «Всѣядныя недѣли». Постниковский летописец указывает также праздник: «на святого Семиона Богоприемца и Анны Пророчицы». В «Степенной книге» к этому дню ошибочно отнесено венчание царя на царство и венчание с Анастасией Романовной. В Третьей Псковской летописи денная дата — 2 февраля. В свадебном разряде слова «На первой день...» говорят о том, что свадьба длилась более одного дня, вероятно — три. Свадьба царя прямо предшествовала венчанию и свадьбе кн. И.Ф. Мстиславского и дочери кн. А.Б. Горбатого, датированной в ряде источников 6 февраля 1547 г. Надо полагать, что в этот день состоялось венчание князя Мстиславского и княжны Горбатой. Если это построение верно, то венчание и свадьбу Ивана IV и Анастасии Романовны Юрьевой следует датировать 3–5 февраля 1547 г., а следовательно, торжества продолжались три дня⁷³.

72 **Martin.** 2021: 168-171.

73 **РГАДА.** Ф. 156. Оп. 1. № 2. Л. 1–3; **ПСРЛ.** (13): 151-152, 453; **ПСРЛ.** (29): 51, 151; **ПСРЛ.** (20): 470; **БМСП.** № 33. Л. 90 об.-91; **ЛМС.** (20): 323-324 (Ц, л. 293-293 об.); **Шмидт.** 1951: 291; **ПСРЛ.** (45): 122; **ПСРЛ.** (5: 1): 112; **ПСРЛ.** (5: 2): 231; **СК.** (2): 352-353; **ПСРЛ.** (31): 130; **ПСРЛ.** (33): 137; **Жуков.** 2012: 433; **Тихомиров.** 1979: 194; **Корецкий.** 1981: 235 (только год); **Новикова.** 2001: 243; **РК 1475–1605.** (1: 2): 321 (л. 218), 322 (л. 219-219 об.); **ПСРЛ.** (34): 29, 181.

Первую свадьбу князя Владимира Андреевича Старицкого (с Евдокией Нагой) Р.Э. Мартин датирует 1549 г. Однако Л.П. Горюшкина доказала, на наш взгляд, весьма убедительно, что в сентябре 1549 г. был принят лишь приговор о свадьбе, тогда как само венчание и торжества прошли 18 мая 1550 г. Это было воскресенье (шестое после Пасхи). Возможно, свадьба длилась дольше, чем один день, однако важно, что свадьба в праздничный день недели не противоречит практике XVI в.⁷⁴

Следует также со вниманием отнестись к другому наблюдению Л.П. Горюшкиной: как правило, венчание и свадьба устраивались не позже, чем за неделю к запрещенным периодам, а обычно располагается не позже и не раньше, чем с отступом «в пределах трех недель» по отношению к ним⁷⁵. Из этого косвенно может следовать, что брачная суэта начиналась еще до венчания, а на торжества могло уйти больше дней, чем предполагала основная «разрядная» свадьба. Поиск невесты также занимал неопределенный срок в течение года.

С этой точки зрения важны толкования событий 2-18 мая 1606 г. Сама — повторная и полутайная — свадьба Лже-Дмитрия I и Марины Мнишек состоялась в неудачный день 8 мая, в канун праздничного постного дня, да еще и в четверг. Кроме того, католичку Марину, в православие (как было известно современникам) не перешедшую, допустили в Успенский собор к амвону⁷⁶. Возможно, говоря о календарном выборе, в расчет следует принять дату Пасхи — она приходилась в 1606 г. на 20 апреля, и в целом, как уже сказано свадьба после Светлой

74 ПСРЛ. (13): 160, 462; ПСРЛ. (29): 59, 157; ПСРЛ. (20): 477-478; БМСП. № 33. Л. 142 об.; АЛС. (20): 427 (Ц, л. 344); ПСРЛ. (34): 185; РК 1475–1605. (1: 2): 367 (л. 244); Горюшкина. 2013: 102; ср.: Martin. 2021: 142-143, 152.

75 Горюшкина. 2013: 103.

76 Martin. 2021: 128-129.

седмицы и до Троицы была допустима. Спешка связана была с напряженными отношениями между польской свитой царицы и москвичами, а также планами царя начать военную кампанию против Крыма. Что же касается допуска царицы под купола Успенского собора, то вряд ли царская чета рассчитывала на разжигание слухов о католическом вероисповедании царицы Марины Юрьевны. В европейской истории техники сокрытия подлинного вероисповедания использовались католиками многих стран, где восторжествовал протестантизм, и царица Марина Юрьевна собиралась, по всей видимости, также придерживаться своего вероисповедания втайне от российских православных. Более того, во многом именно этой техникой, отделяющей высшую власть от аристократии и более низких классов, можно было бы объяснить успех заговора князя Василия Ивановича Шуйского. Его задача облегчалась благодаря стремительному объявлению о тайных наклонностях и договоренностях царя и царицы (в дополнение к повторному непризнанию идентичности «царевича Дмитрия»).

Вторая свадьба царя Алексея Михайловича длилась пять дней. Не во всем ясно, в каком объеме речь может идти в этом случае о расширении свадебной церемонии (например, одаривание гостей невестой явно перенесено по сравнению с предыдущими чинами на второй день свадьбы). Однако учитывая скромный характер второго брака царя, можно предположить, что торжества, рассчитанные на три дня, были растянуты на более длительный срок.

Сохраняются неясности и с датировками в свадебных торжествах рубежа XVII-XVIII вв. Свадебный чин бракосочетания Анны Иоанновны и герцога Фридриха-Вильгельма Курляндского рассчитан был на три дня, однако Р.Э. Мартин

отмечает, что de facto празднование продлилось с 31 октября (10 ноября) по 5 (16) ноября 1710 г.⁷⁷

В целом, как представляется, сравнительный анализ продолжительности предвенчальных церемоний, свадеб и свадебных пиров подтверждает общее направление исследований Рассела Мартина. Длительности «реальной жизни» и церемониальной документации расходятся и говорят о необходимости верификации письменных источников при помощи всех доступных сведений, включая церковные правовые положения, свидетельства сторонних наблюдателей, особенности культурных контактов России с Европой и Азией, немногочисленные, но тем более ценные артефакты и визуальные источники, а возможно, и поздние свидетельства о религиозных и бытовых преобразованиях Нового времени.

77 Martin. 2021: 195-199.

Список источников и литературы

Белякова. 2023 — Белякова Е.В. К истории собора 1572 года // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова / под общей ред. А.А. Фролова. М.: Аквилон, 2023. С. 207–218.

БМСП. № 33 — Библиотека монастыря Святого Пантелеимона на Афоне. № 33.

Вахрина, Маштафаров, Флоря. 2003 — Вахрина В.И., Маштафаров А.В., Флоря Б.Н. Арсений Элассонский // ПЭ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. 3. С. 442–446.

ГИМ. Инв. № 8402/И – I – 3469 — Государственный исторический музей. Инвентарный № 8402/И – I – 3469.

Гиппиус. 2004 — Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11. С. 183–232.

Горюшкина. 2013 — Горюшкина Л.П. О выборе дней княжеских и царских свадеб в первой половине – середине XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М.: МГУ, 2013. С. 99–106.

Жуков. 2012 — Жуков А.Е. Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012 / ред. О.Л. Новикова. М.; СПб.: Альянс-Архео; Искусство России, 2012. С. 275–448.

Корецкий. 1981 — Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981.

Лисейцев. 2015 — Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

ЛЛС. (20) — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история / подг. транслитерации, пер. с древнерус. яз. Е.Н. Казакова, М.М. Панкова, Е.И. Серебрякова, В.В. Морозов; концепция изд. Х.Х. Мустафин. Кн. 20. 1541–1551 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014.

Лурье. 1986 — Лурье Я.С. Возрождение домыслов о сыне Соломонии Сабуровой и опричнине // Русская литература. 1986. № 3. С. 114-119.

Малыгина. 2012 — Малыгина А.А. Церемониал обручения и коронования Марины Мнишек по картинам из коллекции Исторического музея: источниковедческое исследование. Дипломная работа ФАД ИАИ РГГУ. Кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин. М., 2012. (На правах рукописи).

Мартин. 2011 — Мартин Р. «Государева радость»: новые источники и текстологические загадки рукописных сборников, включающих в себя описания царских свадеб XVI-XVII вв.: (по материалам Библиотеки РАН) // Современные проблемы археографии. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25-27 мая 2010 г. / сост. М.В. Корогодина; отв. ред. И.М. Беляева. СПб.: БАН, 2011. С. 236-246.

Мартин. 2016 — Мартин Р. Импровизация на тему династической преемственности: обряд и династия на свадьбах первых царей дома Романовых // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613-2013 / под ред. В.В. Лапина, Ю.А. Сафроновой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. С. 50-70.

Мартин. 2023 — Мартин Р. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI-XVII веков / пер. с англ. А. Шокаревой. М.: НЛО, 2023.

Назаров. 1976 — Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110-123.

Новикова. 2001 — Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь / отв. ред. С.А. Семячко. СПб.: Дмитрий Булаин, 2001. С. 214-254.

Панова. 2002 — Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2002.

ПСРЛ. (5: 2, 13, 20, 29, 31, 33, 34, 45) — Полное собрание русских летописей. М.: ЯСК, 2003. Т. 5. Вып. 1; М.: ЯСК, 2000. Т. 5. Вып. 2; М.: ЯСК, 2000. Т. 13; М.: ЯСК, 2005. Т. 20; М.: Наука, 1965. Т. 29; М.: Наука, 1968. Т. 31; Л.: Наука, 1977. Т. 33; М.: Наука, 1978. Т. 34; СПб.: СПбГУ, 2018. Т. 45.

Пушкарева. 2011 — Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011.

РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 2 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 2.

РК 1605. (1: 2) — Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич, Л.Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М.: Институт истории СССР, 1977. Т. 1. Ч. 2.

Станиславский. 2004 — Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков. М.: РГГУ, 2004.

СК. (2) — Степенная книга (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI-XVII: С прил. указ. / подг. под рук. Н.Н. Покровского. М.: ЯСК, 2008.

Сукина. 2022 — Сукина Л.Б. Воображаемое древо: как первые Романовы изобретали для себя царскую родословную. М.: Проспект, 2022.

Тихомиров. 1979 — Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979.

Ульяновский. 2021 — Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Флоря. 2002 — Флоря Б.Н. Арсений Елассонский о событиях русской Смуты начала XVII в. // Славянский альманах 2001. М.: Индик, 2002. С. 79–96.

Шмидт. 1951 — Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: АН СССР, 1951. Т. 7. С. 254–299.

Шокарев. 2022 — Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022.

Borkowska. 2000 — Borkowska U. Pacta matrimonialia Domu Jagiellonów // Roczniki Humanistyczne. 2000. Т. 48. Zesz. 2. S. 45–60.

Bogucka. 2018 — Bogucka M. Aleksander Jagiellończyk. Warszawa: Agora, 2018.

Bushkovitch. 2021 — Bushkovitch P. Succession to the Throne in Early Modern Russia. The Transfer of Power 1450–1725. New York: Cambridge University Press, 2021.

Garbacik. 1961 — Garbacik J. Helena (1476—1513), żona Aleksandra Jagiellończyka // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa et al.: Polska Akademia Umiejętności; Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. T. 9. S. 359–362.

Keenan. 1986 — Keenan E.L. Muscovite Political Folkways // RR. 1986. Vol. 45. P. 115-181.

Kollmann. 1986 — Kollmann N.Sh. Consensus Politics: The Dynastic Crisis of the 1490s Reconsidered // RR. 1986. Vol. 45. № 3. P. 235–267.

Łowmiański. 1999 — Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1999.

Martin. 1996 — Martin R.E. Dynastic Marriage in Muscovy, 1500-1729. PhD diss. Harvard University, 1996.

Martin. 2003 — Martin R.E. Archival Sleuths and Documentary Transpositions: Notes on the Typology and Textology of Muscovite Royal Wedding Descriptions // RH. 2003. Vol. 30. P. 253-300.

Martin. 2004 — Martin R.E. Choreographing the ‘Tsar’s Happy Occasion’: Tradition, Change and Dynastic Legitimacy in the Weddings of Tsar Mikhail Romanov // SR. 2004. Vol. 63. P. 794-817.

Martin. 2006 — Martin R.E. Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow // Manuscripta. 2006. Vol. 50. № 1. P. 77-189.

Martin. 2006a — Martin R.E. Introduction: Edward Keenan’s Influence on Early Russian Studies // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3-4. P. 233-234.

Martin. 2006b — Martin R.E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan’s “Slight” Against the Church // CMR. 2006. Vol. 48. № 3-4. P. 283-305.

Martin. 2010 — Martin R.E. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // SR. 2010. Vol. 69. № 2. P. 410-425.

Martin. 2012 — Martin R.E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. NIU Press, 2012.

Martin. 2012a — Martin R.E. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynasty // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / ed. By B. Boeck, R.E. Martin, and D. Rowland. Bloomington, Ind.: Slavica Press, 2012.

Martin. 2013 — Martin R.E. Truth and Fiction in Sulakadzev's 'Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich // CASS. 2013. Vol. 47. № 4. P. 436-458.

Martin. 2016 — Martin R.E. A Throne which 'not for an instant might become vacant': Law and Succession among the Romanov Descendants // Royal Russia. 2016. Vol. 10. P. 13-19.

Martin. 2021 — Martin R.E. The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745. Cornell University Press, 2021.

Martin. 2021a — Martin R.E. 'Whomsoever He Wishes As His Successor': Paul Bushkovitch on Succession and Absolutism in Early Modern Russia // RH. 2021. Vol. 48. № 2. P. 211-229.

Martin. 2024 — Martin R.E. "I Remember the Days of Old; I Mediate [on All Thy Works]". St. John (Maksimovitch) and His Origin of the Law of Succession in Russia // CASS. 2024. Vol. 58. P. 134-161.

Nițescu. 2021 — Nițescu I. Marrying an Orthodox tsarevna from Rome. Sofiia Palaiologina's Religious Identity in Moscow // CASS. 2021. Vol. 55. № 1. P. 1-23.

Perrie. 2005 — Perrie M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: "National", "Popular" or "Democratic"? // CMR. 2005. Vol. 46. № 1/2. P. 233-241.

Poe. 2000 — Poe M. Rec. ad op.: *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia* by Nancy Shields Kollmann (Ithaca: Cornell University Press, 1999, XIII, 296 p.) // RR. 2000. Vol. 59. № 2. P. 299-300.

Rutkowska, Kozak. 2020 — Rutkowska G., Kozak A. Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2020. T. 12 (16). S. 261-307.

Sucheni-Grabowska. 1997 — Sucheni-Grabowska A. Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1561) // *Homines et societas. Czasy Piastów, czasy Jagiellonów. Studia historyczne ofiarowane Antoniemu Gąsiorowskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin* / pod red. Janusza Bieniaka et al. Poznań: Poznańskie Tow. Przyj. Nauk, 1997. Poznań, 1997. S. 213-223.

Uroff, Poe. 2014 — Grigorii Karpovich Kotoshikhin. Russia in the Reign of Aleksei Mikhailovich / transl. by B.Ph. Uroff; ed. M. Poe. Warsaw: De Gruyter Open, 2014.

Wdowiszewski. 2005 — Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce. Kraków: Avalon, 2005.

REFERENCES

Belyakova, Elena. "To the history of the Council of 1572." In *Order and Troubles. State, Society, Man in the East and West of Europe in the Middle Ages and Early Modern Times: On the 85th Anniversary of Vladislav Dmitrievich Nazarov*, ed. by A.A. Frolov. Moscow: Aquilo, 2023: 207-218. (in Russian).

Borkowska, Urszula. "Pacta matrimonialia Domu Jagiellonów." In *Roczniki Humanistyczne*. T. 48. Zesz. 2 (2000), 45-60. (In Polish).

Bogucka, Maria. *Aleksander Jagiellończyk*. Warszawa: Agora, 2018. (In Polish).

Bushkovitch, Paul. *Succession to the Throne in Early Modern Russia. The Transfer of Power 1450-1725*. New York: Cambridge University Press, 2021.

Florya, Boris. "Arsenius of Elasson on the events of the Russian Troubles of the beginning of the 17th century." In *Slavic Almanac 2001*, 79-96. Moscow: Indrik, 2002. (in Russian).

Garbacik, Józef. "Helena (1476—1513), żona Aleksandra Jagiellończyka." In *Polski Słownik Biograficzny*. T. 9, 359-362. Warszawa et al.: Polska Akademia Umiejętności; Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. (In Polish).

Gippius, Alexey. "Towards pragmatics and communicative organization of birch-bark literatures." In: Yanin, Valentin, Zaliznyak Andrey, Gippius, Alexey. *Novgorodian literatures on birch-bark: (from the excavations of 1997-2000)*. Vol. 11, 183-232. Moscow: Russian Dictionaries, 2004. (in Russian).

Goryushkina, Lyudmila. "On the choice of days of princely and royal weddings in the first half — middle of the 16th century." In *Rus, Russia: Middle Ages and New Times. Issue 3. Third Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov*. Materials for the international scientific conference. Moscow, November 21-23, 2013. Moscow: MSU, 2013: 99-106. (in Russian).

Grigorii Karpovich Kotoshikhin. Russia in the Reign of Aleksei Mikhailovich, transl. by B.Ph. Uroff; ed. M. Poe. Warsaw: De Gruyter Open, 2014.

Keenan, Edward L. "Muscovite Political Folkways." In *RR*. Vol. 45 (1986): 115-181.

Kollmann, Nancy Sh. "Consensus Politics: The Dynastic Crisis of the 1490s Reconsidered." In *RR*. Vol. 45. № 3 (1986): 235-267.

Koretskiy, Vadim. "Solovetskiy Letopisets of the late 16th century." In *Annales and Chronicles. 1980. V.N. Tatitshev and the studies of Russian chronicle-writing*. Moscow: Science, 1918. (in Russian).

Liseitsev, Dmitriy, Rogozhin, Nikolay, Eskin, Yuriy. *Prikaz-Offices of the Muscovite state, 16th to 17th centuries: Dictionary-reference book*. Moscow; St. Petersburg: Center for Initiatives in Humanities, 2015. (in Russian).

Łowmiański, Henryk. *Polityka Jagiellonów*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1999. (In Polish).

Lurie, Yakov. "Re-emergence of speculation concerning a son of Solomonia Saburova and the oprichnina." In *Russian Literature*. Issue 3 (1986): 114-119. (In Russian).

Malygina, Alla. *Ceremonial of betrothal and coronation of Marina Mnishek by paintings from the collection of the Historical Museum: source study*. Diploma thesis FAD IAI RGGU. Department of auxiliary and special historical disciplines. Moscow, 2012. (in Russian).

Martin, Russell E. *Dynastic Marriage in Muscovy, 1500-1729*. PhD diss. Harvard University, 1996.

Martin, Russell E. "Archival Sleuths and Documentary Transpositions: Notes on the Typology and Textology of Muscovite Royal Wedding Descriptions." In *RH*. Vol. 30 (2003): 253-300.

Martin, Russell E. "Choreographing the 'Tsar's Happy Occasion': Tradition, Change and Dynastic Legitimacy in the Weddings of Tsar Mikhail Romanov." In *SR*. Vol. 63 (2004): 794-817.

Martin, Russell E. "Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow." In *Manuscripta*. Vol. 50. № 1 (2006): 77-189. DOI: 10.1484/J.MSS.2.301866.

Martin, Russell E. "Introduction: Edward Keenan's Influence on Early Russian Studies." In *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 48. № 3-4 (2006): 233-234.

Martin, Russell E. "Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's 'Slight' Against the Church." In *CMR*. Vol. 48. № 3-4 (2006): 283-305.

Martin, Russell E. "The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History." In *SR*. Vol. 69. № 2 (2010): 410-425. DOI: 10.1017/S0037677900015060.

Martin, Russell. "'Gosudareva radost': new sources and textual riddles of manuscript collections that include descriptions of royal weddings

of the XVI-XVII centuries: (on the materials of the Library of the Russian Academy of Sciences)." In *Modern problems of archaeography*, ed. by Maria Korogodina et al. St. Petersburg: LAS, 2011: 240-250. (in Russian).

Martin, Russell E. *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. DeKalb, Ill.: North Illinois Univ. Press, 2012.

Martin, Russell E. "Law, Succession, and the Eighteenth-Century Re-founding of the Romanov Dynasty." In *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, 225-242. Ed. by Brian Boeck et al. Bloomington, Ind.: Slavica Press, 2012.

Martin, Russell E. "Truth and Fiction in Sulakadzev's 'Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich.'" In *CASS*. Vol. 47. № 4 (2013): 436-458. DOI 10.1163/22102396-04704007.

Martin, Russell E. "A Throne which 'not for an instant might become vacant': Law and Succession among the Romanov Descendants." In *Royal Russia*. Vol. 10 (2016): 13-19.

Martin, Russell. "Improvisation on the theme of dynastic succession: ritual and dynasty at the weddings of the first tsars of the House of Romanov." In *400th anniversary of the House of Romanov, 1613-2013. The politics of memory and the monarchical idea*, ed. By Vladimir Lapin et al. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2016: 50-70. (in Russian).

Martin, Russell E. *The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495-1745*. Cornell University Press, 2021.

Martin, Russell E. "'Whomsoever He Wishes As His Successor': Paul Bushkovitch on Succession and Absolutism in Early Modern Russia." In *RH*. Vol. 48. № 2 (2021): 211-229. DOI: 10.30965/18763316-12340030.

Martin, Russell E. "I Remember the Days of Old; I Mediate [on All Thy Works]'. St. John (Maksimovitch) and His Origin of the Law of Succession in Russia." In *CASS*. Vol. 58 (2024): 134-161.

Nazarov, Vladislav. "Marriage files of the 16th century." In *Questions of History*. Issue 10 (1976): 110-123. (In Russian).

Nițescu, Iulia. "Marrying an Orthodox tsarevna from Rome. Sofiia Palaiologina's Religious Identity in Moscow." In *CASS*. Vol. 55. № 1 (2021): 1-23. DOI: 10.30965/22102396-05501001.

Novikova, Olga. "On the second version of the so called Solovetskii chronicle". In *The Book Centers of the Old Rus'. Solovki monastery*, 214-254. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. (in Russian).

Panova, Tatyana. *Necropolis of the Moscow Kremlin*. Moscow: Moscow Kremlin, 2002. (in Russian).

Pushkareva, Natalia. *Private life of a woman in ancient Russia and Muscovy: bride, wife, mistress*. Moscow: Lomonosov, 2011. (in Russian).

Perrie, Maureen. "The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: "National", "Popular" or "Democratic"?" In *CMR*. Vol. 46. № 1/2 (2005): 233-241.

Poe, Marshall. Rec. ad op.: *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia* by Nancy Shields Kollmann (Ithaca: Cornell University Press, 1999, XIII, 296 p.). In *RR*. Vol. 59. № 2 (2000): 299-300.

Rutkowska, Grażyna, Kozak, Adam. "Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka." In *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. T. 12 (16) (2020): 261-307. (In Polish).

Schmidt, Sigurd. "The continuation of the Chronograph, the 1512 version." In *Historical archive*. Vol. 7, 254-299. Moscow: Academy of Sciences, USSR, 1951.

Shokarev, Sergey. *Andrei Bolshoy Uglitsky. Fate and epoch*. Uglich: Ugleche Pole, 2022. (in Russian).

Stanislavsky, Alexander. *Works on the history of the sovereign court in Russia, 16th to 17th centuries*. Moscow: RSUH, 2004. (in Russian).

Sucheni-Grabowska, Anna. "Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1561)." In *Homines et societas. Czasy Piastów, czasy Jagiellonów. Studia historyczne ofiarowane Antoniemu Gąsiorowskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin*, ed. by Janusz Bieniak et al. Poznań: Poznańskie Tow. Przyj. Nauk, 1997. S. 213-223. (In Polish).

Sukina, Lyudmila. *Imaginary tree: how the first Romanovs invented for themselves the royal genealogy*. Moscow: Prospect, 2022. (in Russian).

Tikhomirov, Mikhail. *Russian chronicle-writing*. Moscow: Science, 1979. (In Russian).

Ulyanovsky, Vasil. "Priesthood" and "Tsardom" at the Beginning of the Troubles: Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy of the East. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2021. (in Russian).

Vakhrina, Vera, Mashtafarov, Aleksander, Florya, Boris. "Arsenius of Elasson." In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 3, 442-446. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2003. (in Russian).

Wdowiszewski, Zygmunt. *Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce*. Kraków: Avalon, 2005. (In Polish).

Zhukov, Artem. "Vremennik russkii in grades". In *Annales and chronicles. New studies. 2011-2012*, ed. by Olga Novikova, 275-448. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archaeo; Arts of Russia, 2012. (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР.

БАН — Библиотека Академии Наук (Санкт-Петербург).

БМСП — Библиотека монастыря Святого Пантелеймона (Святая Гора Афон).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

МГУ — Московский государственный университет (издательство).

НЛО — Новое литературное обозрение (издательство).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПЭ — Православная энциклопедия.

РАН — Российская академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

СПбГУ — Санкт-Петербургский университет (издательство).

ФАД ИАИ РГГУ — Факультет архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

ЯРК — Языки русской культуры (издательство).

ЯСК — Языки славянских культур (издательство).

CASS — Canadian-American Slavic Studies.

CMR — Cahiers du Monde russe.

RH — Russian History.

RR — Russian Review.

SR — Slavic Review.

АДАМ & ЕВА
Альманах гендерной истории
2024
№ 32

Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-006-053
Стогова А.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93
Вайнштейн О.Б. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-94-133
Миroleубов И.А. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-134-159
Габдрафикова Л.Р. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-160-197
Неклюдова М.С. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-198-214
(Неклюдова М.С. пер.) DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-215-219
Ерусалимский К.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 11 декабря 2024 г.
Гарнитура Таймс. Объем – 17,8 п.л.
Тираж 300 экз.
Заказ №

ИБИ РАН, Ленинский проспект, 32-а